Опыт присутствия

Юрий Тола-Талюк

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жизнь человека – это архив его сознания. Книга позволяет поднять чужие архивы и удивиться тому, как далеки и близки друг другу люди.

- Юрий Тола-Талюк
  - ОПЫТ ПРИСУТСТВИЯ
  - ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ
  - ПРОМЕЖУТОЧНОЕ СОСТОЯНИЕ
  - ЗРЕЛОСТЬ
  - ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОМУТ
  - КОБАНОМИКА
  - ВИРУС РЕАЛЬНОСТИ
  - ДАЛЬНЕЙШЕЕ "ПОСТУПЛЕНИЕ ПРИНЦИПАМИ"
  - ПОДВОДЯ ИТОГИ ПОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ПЕРИОДОМ
  - НАШЕСТВИЕ МОНЕТАРИЗМА…
  - …И ЕГО "СТРАШНЫЙ СУД"
  - ПОДСЧИТАЛИ – ПРОСЛЕЗИЛИСЬ
  - ИНФЛЯЦИЯ – ЭТО КОГДА ГЛАВНОЕ В ДЕНЬГАХ – БУМАГА
  - ПЕССИМИЗМ БЫВАЕТ РАЗНЫЙ
  - НЕМНОГО ТЕОРИИ
  - ЧЕЛОВЕК В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИЗМЕНЕНИИ
  - ЧЕЛОВЕК НА ВЕСАХ ПОТРЕБНОСТЕЙ
  - ВТОРЖЕНИЕ ТЕОРИИ В ПРАКТИКУ
  - ЩЕДРОСТЬ С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ
  - "БОРИС, МАЛЬЧИШКИ ОТНЯЛИ КОПЕЕЧКУ…"
  - ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ
  - ПОДВЕДЕМ ИТОГИ

Юрий Тола-Талюк

Опыт присутствия

ОПЫТ ПРИСУТСТВИЯ

(В РОССИИ)

Когда мы начинаем жить, – жизнь интересна, самодостаточна, и нет надобности задумываться над ней. Импульс, полученный от рождения, несет человека над всеми сюжетами биографии не то что бы без особого размышления, а без опыта, позволяющего понимать и обобщать.

Но вот появляется /возраст/, но вот, появляется опыт. Мы начинаем понимать. Увы, уже нет энергии, позволяющей применить понимание. Мы ищем аудиторию, наполненную людьми с энергией, но без опыта. Нашли. К нашему разочарованию они уже открывают собственную жизнь. Их самоутверждение не нуждается в наставниках. У нас нет контактов. Общество разрушило механизмы, поддерживавшие авторитет отцов. Интенсивность информационных потоков, уничтожает традиции, уничтожение традиции приводит к потере самой важной информации – той, что определяет преемственность поколений. Общество не научилось усваивать суть предыдущих уроков.

Негативные процессы не обошли стороной даже богатые европейские страны с глубокими культурными традициями. А что говорить о странах, где культурная традиция была насильственно разрушена? В этом отношении исключительное место занимает история нашего Российского

Отечества. Россия вообще страна уникальная по своей способности разрушать традиции. Ее ломал Владимир, насаживая среди языческих славян греческое православие; ломали татары, устанавливая татарское иго; ломали князья, когда сбрасывали татарское иго; ломали цари-реформаторы. После Ивана Грозного социальное уродство приобрело особый оттенок. Постарался и Петр Первый, на крови приблизив цивилизацию, которая уже открывалась нам в силу естественных информационных процессов. Но самое страшное произошло в октябре 1917 года. Тогда Россия произвела на свет невиданно большую ложь. Ложь набирала силы к концу советской власти и не умерла в августе 91-го, дав еще более опасные метастазы. В этой лжи сформировалась специфическая система. Отличительная черта ее – доведение до совершенства условий зависимости человека от власть предержащего. В условиях национальной нищеты

зависимость стала фатальной. От нее страдают даже нынешние олигархи, потому что их капиталы не защищены законом и определяются произволом властей. В сложившейся системе социальный успех личности достигается не через самоутверждение, а через унижение. Но это всего лишь следствие, горький плод новейшей истории России. Причины возникали там, в начале XX века, где была уничтожена естественная эволюция общества.

С 1937 года я нахожусь в омуте Отечественной истории, являюсь ее свидетелем и материалом строительства.

Понимание ситуации пришло ко мне довольно рано, после того как я обнаружил себя на территории этой страны. Я старался жить вне лжи и вне зависимости, которую она порождает. Мне не всегда удавалось устоять в полной мере, но моя воля, духовное и интеллектуальное начало, были обращены в сторону свободы и правды. Трудно ли держать удары судьбы, я попытался понять, обращаясь к памяти, стараясь проследить ее движение в котле общественно-политической жизни.

История моего вращения внутри событий и станет предметом повествования. Конечно, важно, останется ли написанное достоянием только моего внимания, или кто-то еще захочет проявить к нему интерес. Общение – диалог, где стороны находят взаимовыгодный интерес. Интерес – это особое движение души постороннего человека, возможное лишь в том случае, если душа идет за чем-то привлекательным, но он не должен быть несчастным путником, бредущим за голосом Сирены.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

– Что такое цивилизация, или вообще человечество? – Это опыт, размещенный в сознании отдельного человека, то есть в твоем сознании. Приходилось ли тебе задумываться о том, что действие, мелькающее перед глазами на экранах телевизора – это то, что в состоянии усвоить и переработать только твое сознание, и нет никаких

Соединенных Штатов и никакого Китая отдельно от него. Но это вовсе не то, что имели в виду Юм, Беркли или Фихте. С пеленок, обогащая архивы памяти, мы далеки от "измов", на которых строятся философские теории познания. Я просто напоминаю, что все, что ты видишь и переживаешь – это твой опыт, точно так же, как и опыт любого другого человека. Ты не можешь вместить в себя целый континент. Ты усваиваешь только информацию о нем.

Он помахал рукой, одновременно перебирая пальчиками, не без изящества подтверждая, что информация бывает всякая, самая разнообразная, но ничего, кроме нее. Непринужденность жеста – свидетельство большого опыта общения, умения говорить с людьми, что-то такое пробормотало мое сознание. Но слова, которые я должен был высказать вслух, казались мне неуместными.

Это странное существо, конечно, пребывало там же, где Америка или

Китай, то есть в моем сознании, но я никак не мог отделаться от ощущения реальности его присутствия. Каждое произнесенное слово воспринималось вполне нормально, со звуком и ощущениями, как все приходящее извне. И все же, такого со мной не случалось еще ни во сне, ни наяву. Вообще-то я находился в очень привычном для себя месте – в собственном кабинете. За окном смеркалось и уже начинало попахивать гарью торфяников и дымом вечно тлевшей едким смрадом городской свалки. Прямо передо мной светился экран компьютера. Как механический сверчок стрекотал системный блок. В окно кивала значительно поредевшая груша, соблазнявшая меня уже пару дней особо крупным, ярко-желтым экземпляром, висевшим на краю ветки. Слева, из шкафа, привинченного прямо к стене, сурово поглядывали на нас всякие умные книги. Пространства кабинета, довольно миниатюрного, едва хватало на одного человека. А тут этот фрукт… Он сидел, а меня подмывало сделать что-то, чтобы подтвердить реальность присутствия этого…, голова напрягалась в поисках подходящего определения, но в лабиринтах извилин

тасовалось банальное: "фантом",

"бред собачий", "крыша поехала" и еще из Высоцкого: "Я подумал – это джин, ведь он же может многое…". Я ничего не делал, обманывая себя тем, что просто забыл, как этот "бред собачий" попал сюда. Ну, и еще, свойственное моей натуре чувство деликатного отношения к субъектам общения, не позволяло решиться протянуть руку и потрогать его, словно из-за боязни передать чувство собственной неловкости. Но момент для выяснения природы его происхождения был упущен. Наша беседа находилась в самом разгаре. Скорее это было похоже на монолог. Монолог напомнил мне всемирно известную сцену с черепом, и поскольку я не мог выступать в роли черепа, то для себя решил называть его Йориком.

Йорик небрежно скользнул рукой по корешкам переплетов, покачивая головой и бормоча под нос имена авторов книг: – Самуэльсон,

Макконнел и Брю, Мескон и Хедоури… – Его рука остановилась на

Священном Писании.

– Возьмем, например, Библию, – продолжал он, – Долгое время свое представление об историческом прошлом европеец черпал именно оттуда. Что-то там выглядит как иносказание, например, страдания праведного Иова. Книга царствий позволяет переноситься в эпоху Саула и Давида, а историку с воображением создать убедительную картину тех времен. Потом реконструкция становится исторической памятью всего человечества, кирпичиками цивилизации, а потом мы начинаем верить, что так было на самом деле.

Он задумался, меланхолично поглядывая на меня.

– А как вы представляете, например, свою собственную историю? – Он вдруг улыбнулся улыбкой, в которой присутствовало поощрение уверенное и даже нахальное. Быть может, у меня возникла досада и желание перечить, но это словно почистило мою память и приблизило прошлое. – Ну?…

Черное звездное небо проносилось мимо меня где-то немного сбоку.

Мне нравилось ехать так, лежа животом на санках, когда скрипящий снег летит перед глазами так близко-близко, что кружится голова и тогда кажется, что сдвинулся с места весь огромный небосвод, с его бесконечными созвездиями и мирами. Папа всегда начинал бежать трусцой, подражая лошадке, когда видел, что я лег на живот и свесил голову позади санок. В этот момент он замолкал, бежал некоторое время, а потом переходил на спокойный шаг и продолжал рассказывать:

– Если ты посмотришь прямо над собой, то увидишь созвездие

Возничего, его легко найти по звезде Капелла. А еще легче, по этим двум ярким звездочкам – Ригель и Бельгейзе в созвездии Ориона. За ним лежит светлая полоса – Туманность Ориона.

При слове "туманность" мои мысли уносились от снежного скрипа куда-то в летнее утро, где слышался плеск воды, висел сладковатый запах разбухшей коры бревен, связанных в бесконечные плоты и собранных в береговых излучинах Рыбинского водохранилища. Но я тут же возвращался к безбрежным просторам космоса, уносясь все дальше и дальше вверх, от тесного и опасного мирка лесосплава, где меня едва не утопила старая дырявая плоскодонка.

Папа протягивал руку, я поднимался с санок, и мы шли дальше, большой мужчина, в серой шинели без петлиц, в каких ходили многие в то военное время и я, тогда еще пятилетний мальчик. Маршрут нашей прогулки лежал мимо старой огромной церкви, с плетеными узорами на огромных зияющих пустотой окнах. Церковь или возводилась на погосте, или со временем обросла могильными холмами, никто не знал. Но это небольшое кладбище примыкало к землям детского "дома распределителя", где мой папа был начальником. Звенящая от мороза тропинка проходила между надгробных плит, совсем рядом с церковными стенами, которые откликались на наши шаги гулким эхом, отдававшим неясным шепотом в провалах высоких окон под куполами пустого храма.

В это время я вспоминал сказки Гоголя, и мне становилось жутковато.

Все ощущения от вечерней прогулки, – необъятная и загадочная глубина черного неба, и звезды, о которых папа говорил как о живых существах, рассказывая связанные с ними легенды древней Греции; головокружительное погружение в далекие миры и собственные детские воспоминания, на какое-то время заглушали главную потребность каждого существа – потребность в пище. Голод – одно из самых острых ощущений моего детства. Рыбинск уже не бомбили, и страх бомбоубежищ притупился, остался голод. Голод имел для меня свой цвет – серый, мышиный. Говорили, что мыши опять прогрызли мешок с мукой. Я мог пойти и посмотреть на это преступление, стоя в дверях между ногами взрослых, но ничего не имел права трогать на складе. А там были всякие вкусные вещи. Там был сахар, там было масло. Я и моя сестра питались исключительно на зарплату родителей. Мама ушла из воспитателей в лаборанты комбикормового завода. Завод стоял на берегу Волги, мы часто

ходили туда, наблюдать, как на баржи грузят соевый и подсолнечный жмых. Иногда нам доставался кусочек, который украдкой бросал какой-нибудь сердобольный грузчик. Мама приходила домой в два часа ночи, мы с сестрой сидели, не смыкая глаз, на верху большой русской печи, ожидая по две крохотных лепешки, которые мама спекала из отрубей полученных для анализа, на лабораторной спиртовке. Лепешки были маленькие, как пуговицы, чтобы можно было пронести через проходную. Однажды повариха детприемника, тетя Вера, пользуясь отсутствием родителей, принесла нам маленькую кастрюльку щей. Вкус той капусты и картошки я помню сейчас, но окончательно распробовать содержимое не удалось. Появился папа. Обычно очень спокойный, увидев повариху с кастрюлькой, он рассердился.

– Вера Петровна, – папин голос звенел, мы немного испугались, и щи обрели потусторонний вид. – У моих детей есть родители, получающие зарплату. А у них, – он показал пальцем вниз, где размещались палаты для беспризорников, – у них нет кормильцев, никого, кроме нас и нашего честного отношения к ним. Я вас попрошу больше не делать ничего подобного, а это верните на кухню.

Потом папа обнял нас, печально заглянул в лицо каждому, своими большими карими глазами, и добавил: – Никогда нельзя брать того, что не принадлежит тебе.

Это был хороший урок. Я особенно запомнил его, потому что был очень голоден и, лишившись щей, стал еще более голодным. Но я с гордостью и благодарностью вспоминаю урок, потому, что у меня есть что ответить тем, кто говорит, что кругом одни воры.

Но у детей военного времени могли быть и светлые минуты. До нас доходила продуктовая американская помощь. Во время одного из таких праздников моя сестра с подругой провозгласили меня царем, собрали для трона все имевшиеся в квартире подушки, усадили за стол, и нажарили картошки с сахарным песком.

Впрочем, воспоминания мелькнули как вспышка молнии. Они были очень отчетливы, словно я не вспоминал, а просто умчался в детство, заново переживая его.

– Ну, как? – этот тип ухмыльнулся, как будто проглотил что-то вкусненькое, и мельком глянул на меня. – Впечатляет?

Я понял, что он в куре происходящего.

– Впечатляет, – пробормотал я.

– Это твои личные воспоминания, а как формируется картина мира, всего объема знаний от присутствия на планете, – Йорик немного помедлил и весомо добавил, – планеты Земля. А как в

тебе присутствуют те плохие дяди, которые сочиняют правила игры для своих стран? Где Брежнев и Хрущев: Где товарищ Маленков и Сталин? Где все наши противники и союзники по великой битве двадцатого столетия -

Адольф Гитлер, Уинстон Черчилль, Делано Рузвельт и прочие действующие лица того периода истории? Они там же, где твое детство

– в сознании.

– Но у них тоже было свое детство.

– Ты хочешь сказать, что можешь получить только публичную информацию, связанную с Ними? А вот, и нет! – Он поерзал на моем столе и потянулся так, словно обладал суставами, имеющими способность утомляться. – Вообще-то ты знаешь, что такое информация?

Да к ней кто хочешь, имеет доступ. Просто надо знать куда пойти, где взять, как воспользоваться. В принципе, ты всегда можешь пригласить

Их к себе и поговорить по душам.

– То есть, как пригласить?

Я даже немного растерялся. Как я понимал, проблема заключалась не только в том, чтобы оплатить расходы на дорогу, на проживание и тому подобное, ведь речь шла о тех, кого пригласить просто невозможно.

Что значит пригласить Иван Грозного, или, например, товарища Ягоду.

Где их адреса, господин "Бред собачий"?

Вслух я этого не сказал, но он видимо прекрасно ориентировался в особенностях моего мышления. Его ухмылочка сделалась совершенно нестерпимой, с выражением безграничного превосходства над моей наивностью.

– Ну, скажи, пожалуйста, о чем мы тут толковали все это время? – да о том, что все находится в твоем сознании. Допустим, мы достанем из адского пламени Грозного или Ягоду. И что ты получишь? – Ту же информацию твоего сознания. Но объект окажется совершенно непригоден для наших целей, – изжаренный до неузнаваемости, он только и будет твердить, чтобы его освободили от мучений.

Я живо представил описанную картину, и это сыграло скверную шутку с моим воображением. Кабинет наполнился смрадом серы и воплями грешников, а место таинственного собеседника заполнил пышущий жаром котел, в котором варились тела уже лишенные филейных частей, и только по биркам, прикрепленным прямо к костям, можно было понять, кто есть кто.

Я вздрогнул, видение исчезло.

– Да, с ними не поговоришь, – с облегчением пробормотал я.

– Поэтому мы используем другой метод. Как я уже сказал, все находится в тотальной связи, и, передвигаясь от одного причинного звена к другому, мы доберемся до нужных нам источников, а если это исторические персоны, они займут место прямо здесь, где ты видишь сейчас меня, и проведут с тобой беседу не менее доброжелательно.

Боже, праведный! Как же все-таки консервативно устроено наше мышление! Казалось бы, глаза открыты, все можно разглядеть и пощупать, но не можем мы признать очевидное. И непонятно какая сила заставляет цепляться за предрассудки и заблуждения. Быть может, так мы защищаем свое "Я", свою индивидуальность, у которой есть роль и предназначение в этой жизни, и ничто не должно помешать нашему стремлению в тупик и за пределы такого неоднозначного, но имеющего притягательную силу мира?

Видимо он прочитал все эти промелькнувшие у меня мысли и произнес с нахальным смешком:

– Половину ты тут наврал. Люди глупы, потому что такими их делает господь Бог, в соответствии с отведенной ролью. И умны они по той же причине. Ты думаешь так трудно получить просветление? Очень легко. Но это происходит только по Его воле, ну а Ему не всегда нравится делать вид, что Он ничего не знал. – Произнеся эту загадочную фразу, Йорик добавил, – Сейчас твое время получать ответы. Так чего же ты медлишь?

А я медлил, потому что на меня внезапно нахлынуло слишком много воспоминаний. Они, как толпа, рвущаяся из охваченного огнем помещения, застряли в дверях моей памяти, не позволяя протиснуться ни одному членораздельному предложению. Я чувствовал, как по ту сторону вестибулярного аппарата царит столпотворение, и каждая картинка прошлого требует выхода. Напор энергии воспоминаний был так велик, что казалось, взорвет меня изнутри и унесется в пространство, оглашая мироздание и уже не принадлежа мне, как отдельно взятому существу.

– Нет, нет. Так не пойдет, – Йорик сделал жест подобно регулировщику движения на перекрестке с большим скоплением автомобилей, – Пускай они выстроятся в очередь и приготовят документы, подтверждающие их право быть услышанными.

А что у меня там было? Как их построить в очередь? Что имеет право на существование? Ведь весь этот крик человеческой жизни клокочет внутри, не вырываясь наружу, и уходит в вечную тишину могилы, неозвученый, непонятый, ненужный, потому что

такое добро носит в себе каждый рожденный для жизни в этом мире. Что там у меня?

– Смутные воспоминания довоенного детства. Я помню маму, стройную и красивую, я помню ее на какой-то лестнице, с подругой-балериной. Они казались высокими и счастливыми. Они болтали о чем-то, и я прекрасно помню ощущение, то, о чем они говорят, не следует слышать ни мне, ни папе. Наверно, не понимая, я чувствовал то, что у них было внутри.

Ведь они хотели нравиться, производить впечатление на мужчин, и они понимали, что это не совсем хорошо для замужних женщин. Но они смеялись и оставались немножко легкомысленными. В те времена страну наводняли военные. Не стала исключением и наша семья. Мамины братья, мужья папиных сестер – все в гимнастерках с петлицами, галифе и в сапогах. Иногда они сидели на диване у нас в гостях, а я играл под столом, около блестящих сапог, настоящим пистолетом, который доставал из кожаной кобуры дядя Володя. Волшебное ощущение!

Помню черное днище легкового автомобиля, который тащил нас с сестрой по городской мостовой, а пьяный водитель не мог понять, почему люди вокруг кричат, чтобы он остановился. Помню бомбежки, длинные поезда беженцев, наш эшелон, с единственным уцелевшим вагоном, верблюжьи морды, покрытые инеем, холодные полы ночлегов для беженцев в

Акбулаке. Помню, помню. Не помню, кто первый рассказал мне историю моих родителей. Странные, изломанные военными и революционными бурями судьбы, судьбы людей не получивших права на собственную жизнь. Семья отца, мужскую составляющую которой порубили казаки, ворвавшись в дом прямо на лошадях, во время восстания в Лодзи, в годы Мировой четырнадцатого. Свобода и национальная независимость!

Семья принесла собственные жертвы на алтарь гордости человеческого сердца. Потом уцелевших бунтовщиков – бабушку, двенадцатилетнего отца и двух младших сестер, этапировали из Польши в Сибирь, и оттуда они уже не сумели вернуться на родину. Грянула РЕВОЛЮЦИЯ.

Как-то странно извилистая тропинка отца переплелась с тропинкой мамы. Они встретились, когда Ольга, красавица-певунья с длинной косой, учительствовала, скрывая свое буржуазное происхождение – дедушка имел в Переславле Залесском маслозавод и поставлял продукцию в Московские магазины. Своевременно понял, кого не любят в

Совдепии, предал пролетариату нажитое добро. Но не так быстро произошло очищение от вины собственности. Сына

забрали строить

Беломорканал, а дочь, спасаясь от преследования, бежала в другую область, и там поменяла фамилию, встретив папу. Они старались быть подальше от политики, но вся их жизнь была пронизана волей СИСТЕМЫ и тех монстров, которые создавали и цементировали эту систему. Война, восстание, изгнание, революция, война, разруха, террор, ЧК, ГПУ,

НКВД, война, голод, разруха, МВД, КГБ. И красная линия нищеты, проходящая через все эти состояния. Как и для всей страны… Но были особенности, в этой семье, которые выпадают на долю не всякого. Папа не воевал, но увидел во время войны такое, что его постепенно убивало, пока он не умер в пятьдесят шесть лет. Во время второго наступления немцев на Воронеж бомба пробила несколько этажей и разорвалась в подвале, где прятались от налета папина мать и сестра с племянниками. Из Воронежа можно было бежать только на собственных ногах. Оставались последние минуты до вступления немцев в город. И они увидели бабушку, раздавленную упавшей балкой перекрытия, умирающую, но еще живую, и сестру Иру, с переломанными ногами, прижимавшую к себе сыновей.

– Константин, – у бабушки была властная натура, – мы не можем идти, ты должен остаться с нами!

Воронеж пылал. Когда родители с единственным портфелем миновали

Волховский мост, он рухнул прямо у них на глазах. Там, в подвале, они этого еще не знали и просили отпустить детей, но тетя Ира решила, что десятилетний Коля и трехлетний Славик должны разделить ее судьбу. Мальчики сделали это. Их расстреляли как членов семьи советского комиссара, вместе с матерью, доставленной для расстрела на носилках.

"CUIQUE SUUM" – "КАЖДОМУ СВОЕ", действительно, что может быть более "своим", чем смерть? Таковы принципы СИСТЕМЫ. Сколько членов нашей семьи унесла война? – Сейчас никто не ответит. Но я ищу однофамильцев с такой редкой фамилией – Тола-Талюк, – и не нахожу. Я ищу родственников с фамилией моей бабушки – Мигдал-Малюковская, – и не нахожу. Остались ли на планете люди, носящие эти фамилии? – Нет ответа.

Воспоминания прервались. Меня смутило то, что я заглянул в архивы сохранившие свидетельства не принадлежавшие лично мне. Но организатор нахлынувших воспоминаний не проявлял нетерпения, видимо ожидая, когда я наведу порядок в коридорах памяти.

А когда все ЭТО началось со мной? Когда меня поразила

болезнь возвышенной любви к человечеству? Быть может тогда, когда я повторял имя своей первой голубоглазой любви: "Юнона", и мы вместе кружились на зимнем люду под падающими хлопьями снега, оставшись одни, чтобы сказать что-то друг другу, но не в силах даже приблизиться?

Последний вид неповторимый
Мой взгляд прощальный обводил,
И берег холоднопустынный,
И все, где я недавно был.
Где грусть моя в одну излилась –
Любви несбыточной волну.
Где для тебя лишь сердце билось
Где я любил тебя одну.

Это когда я уезжал весной 53-го. Может быть, детская поэзия не просто так бродила в моей душе. Быть может, она была тревожным признаком возникающей чумы политического романтизма? Вообще-то общество 50-х любило революционный романтизм. Не только доморощенные, но и со всего мира прикормленные писатели пели гимны социальному равенству, и выливали свою романтическую стряпню на голову полуголодного гражданина Советов. Они объясняли, что с угнетателями и эксплуататорами всех мастей необходимо бороться, бороться, бороться…Ревнивые чувства к символам социализма принимали у рядовых граждан иногда неожиданные формы. Я помню, как соседка по подъезду, жена лагерного опера, увидев нашу кошку с птичкой в зубах, вышла на середину двора и завопила как иерихонская труба: "Талюкова кошка голуба миииррра!!!" Тогда впервые на меня пала тень подозрения в неблагонадежности.

Мир, разделенный на "плохих" и "хороших", оказался не так прост, и я вдруг увидел, что и те и другие имеются среди своих, дорогих

"строителей коммунизма". Идеологическая катаракта стала рассасываться как раз в таком месте, где по воле вождя всех народов возникало первое строительство, протянувшее руки и ноги к светлому будущему. Папа, инженер-геодезист, производил теодолитные и нивелирные работы под гидротехнические сооружения и жилые комплексы. Потом здесь вырастет целый город, а уже на исходе тысячелетия другие ревнители, здесь же, взорвут дом со спящими жителями. Цимлянская ГЭС, как и все стройки коммунизма, создавалась руками заключенных. Рабский труд – не главное, считали вожди, главное, – чтобы дети рабов жили "каждому по потребности".

Я скорбел, в день смерти Сталина и защищал его репутацию

от сына того самого опера, жена которого обвинила в крамоле нашу кошку

Муську. Видно Коба крепко достал эту семейку, если уже на другой день после его смерти ненависть стала сильнее генетически привитого страха.

Потом мы поехали строить уже другую гидроэлектростанцию -

Горьковскую. Вообще, наша семья внесла большой вклад в электрификацию всей страны. Цимлянская, Горьковская, Кременчугская

ГЭС, Верхнетагильская ТЭС Плявинская, Зеленчукская, и наконец,

Копчегайская ГЭС. В строительстве трех последних я, и двух самых последних – сестра, принимали самостоятельное участие.

Вообще-то история, хронология – это не для меня. Всю жизнь я пытался понять. Понять, что происходит с Аристотелем, Платоном и св. Августином, Дарвином и Спенсером, Марксом и Адамом Смитом,

Лениным и Каутским, Сталиным и Бехтеревым. Меня интересовало, куда исчез великий русский биолог Гурвич, и не интересовали официальные программы обучения. Я старался понять, что такое хозяйственная деятельность, право, экология и черные дыры в космосе, прана, чакры, Янь и Инь. Я старался понять, что такое вера, сатори и

Господь Бог. Наконец, понимать стало нечего, видимо кроме вот этого

Йорика, с его умением вращать колесо жизни.

Разумеется, уровень перечисленных проблем возникнет попозже. А вначале будет жажда справедливости, которая приведет меня к парашам

Воробъевской внутренней тюрьмы КГБ, в городе, получившем имя буревестника революции. Но и это потом, а пока:

Печаль, внезапною, скупою,

Последней пролилась слезой,

Пропав под серой пеленою

Каскада брызг волны седой.

Этот инфантильный романтизм юноши, немножко ленивого, одновременно вспыльчивого и эгоцентричного и, конечно, наивного, подвергся серьезному испытанию. Всякое, чем угощала меня несладкая жизнь, и атмосфера преступного мира, в детприемниках Рыбинска и

Ярославля, и зэковский социум, в котором по долгу службы приходилось вариться моим родителям, испытывалось в семейном кругу. А тем летом

53-го, попав в железные тиски реальной жизни, я оказался один. Два буксира перевозившие металлический прокат и профиль на Горьковскую стройку, приняли меня в качестве пассажира под попечительство знакомого моих родителей Новикова Евгения Ивановича очень похожего на участкового Аниськина, в исполнении артиста Жарова. Знакомый был большим начальником и хоть плыл на одном корабле, сразу забыл о моем существовании. Меня окружала команда, набранная из только что отсидевших срок зэков, освобожденных по знаменитой амнистии

Лаврентия Павловича Берии. Амнистия была ориентирована на жулика, серьезные статьи под нее не попадали: они, как правило, имелись у

"мужиков", наносивших хозяйственный вред государству (например, унес колоски или картошку с поля, чтобы прокормить семью) и "фашистов", как называли масть 58-й статьи.

Я пребывал в возрасте, когда самое последнее дело ударить в грязь лицом. Я жаждал утверждения среди этой публики. Впоследствии мне приходилось встречать в зоне мудрых людей и среди уголовников. Но те молоденькие прохвосты думали главным образом о том, что где плохо лежит. Для них и я, и выделенные родителями на дорогу скромные денежные средства, тоже не являлись исключением. Как люди искушенные в психологии связанной с трансформацией собственности, они решили не прямо присвоить принадлежавшее мне, а сделать так, чтобы я почел за честь предложить им. Экс зэки были неплохими психологами и управлялись с молокососами, подобными мне, как повар с картошкой. Когда родители доверяли свое чадо товарищу Новикову, они исходили из предположения, что путешествие продлится максимум недели полторы. Пустяк, под покровительством такого надежного человека. Разумеется, я тоже приложил настойчивость в получении возможности проплыть по рукотворному морю и Волге через полстраны.

Но прогнозы сохранились лишь в том пространстве, где договаривались

Евгений Иванович и мои родители. Как всегда, реальность оказалась изобретательней. Пропутешествовав пару дней, мы получили штормовое предупреждение. Выдержав день и полночи в спокойной заводи, нетерпеливо тронулись в самое темное время суток, к пункту назначения. Стремились наверстать упущенное. Тогда еще не были известны законы Паркинсона и собственные сюжеты событий не казались законом вредности. Позже, эту божественную игру я наблюдал множество раз. Все получает естественное выражение. В нашем случае, дно

Цимлянского водохранилища, образовавшееся совсем недавно, имело неизученный рельеф. Украшенный сединой и морщинами лоцман, с желтыми усами и сталинской трубкой в руке, знал Волгу как свои пять пальцев. Но в рукотворном море освоил лишь четыре. Мы налетели всем караваном на это неведомое место, за которое отвечал пятый палец.

Сила инерции вытащила корпуса буксиров, да и баржи с металлопрокатом, примерно на полметра из воды. Караван остановился со всего маху, как это могут делать только лошади. Мы вылетели из своих постелей, и некоторое время следовали маршруту по корабельным полам. Потом наступила неподвижность. По металлическому борту била волна. Ее неостывшая после бури свирепость оказалась бессильной перед монолитом, превратившим караван и материк в одно целое. Пахло тиной, железом, маслом и корабельной краской. Всплеск чувств, высказанных с горячим ожесточением и выразительной лексикой, длился недолго. Кода мы опять забрались в постели, из которых выбросило внезапное торможение о морское дно, уже светало. Торопиться было некуда. Самые энергичные понимали – можно спать и весь день, и следующую ночь. По крайней мере, ко мне это относилось в полной мере. Тогда я еще не числился матросом буксира "Быстрый" Волжской пароходной флотилии. У меня сохранялись некоторые денежные средства для поддержания личной независимости.

Впрочем, ничего особенного события, связанные с путешествием по воде, не несли. Мне впервые довелось попробовать на вкус гадость, которую пьют мужики, доводя себя до безумия. Я был пассивным зрителем воровской ловкости моих друзей, когда они, отвлекая внимание продавца, чистили витрину сельского магазина. Я испытал жгучий стыд за то, что они делали, и настоящий ужас от сознания того, что на моих глазах происходит событие, приводящее людей в тюрьму. Судьба краденой водки получила неизвестную мне самостоятельность, а я с экипажем пил водку купленную на мои деньги, закусывая ее картошкой с колхозного поля. Картошка была совсем молодой, похожей на горох. После нетерпеливой попытки почистить, ее зажарили вместе с кожурой, вернее обуглили в пароходной топке. Незабываемый вкус.

Пока несколько буксиров в сцепке рвали стальные троса, стараясь снять караван с мели, я осваивал азы естественной социальной иерархи на собственном опыте. Мне приходилось выстраивать отношения в мире, где не просто живут, а стараются выжить, где можно положиться только на собственные силы и никакие структуры общества не смогут защитить тебя, если ты не

защитишь себя сам. Там у меня впервые возникло ощущение, что человеческая жизнь ничего не значит в глазах другого человека. Достаточно одной способности стали рвать плоть, такую беспомощную перед лезвием ножа. Тогда же впервые довелось убедиться, что сила духа одерживает верх над физической силой. Это было самое удивительное открытие моей юности. Кеша… Не знаю, было это кличкой или именем, и почему оно появилось, уже через много лет у попугая из популярно мультфильма? – Не знаю. Но это было ущемленное существо, лет восемнадцати. Оглядываясь сейчас назад, можно догадаться какую роль он выполнял среди своей братии. У него были густые полукруглы брови, синие глаза, хранившие выражение очевидного, но непонятного мне порока. Пухленькое лицо с ярким румянцем и небольшая одутловатая фигурка. Этому извращенному и страдающему неполноценностью молодому человеку требовалось утвердиться, найти кого-то кто слабее его. Более подходящего для данной цели лица, чем я, на пароходе не было. И он попытался утвердить свою власть надо мной (держать за шестерку). Его атака была истеричной, с ножичком и даже пеной на губах. Я испугался. Но на меня и что-то накатило. Кровь от моего лица отхлынула, тело охватил озноб. Стало страшно. Вместе с тем, я испытал жгучий стыд от своего страха и понимал, что лучше сдохну, чем тронусь с места.

Видимо он почувствовал это непреодолимое препятствие внутри меня и его страх, несмотря на нож, оказался сильнее. Он отступил. С тех пор

Кеша относился ко мне с тем же угодливым подобострастием, как и к остальным членам команды. Но я не умел, да и было неприятно пользоваться преимуществом. И здесь я получил еще один урок, который не перестает удивлять меня до сих пор. Как добро превращается в свою противоположность? Что требуется человеку, чтобы ответить добром на добро? – В каждом из них это добро должно присутствовать. Злобные, низкие, завистливые, ничтожные натуры не принимают добра. Они живут в мире грубого насилия. Для них вежливость, внимание и сочувствие – слабость или глупость. Мне до сих пор не понятен механизм божественного замысла, который не позволяет увидеть, что они заблуждаются. Кеша расценил мое признание в нем человеческой личности как слабость. Была вторая попытка взять верх. Но я уже обрел уверенность и подавил бунт даже с некоторой свирепостью. Его слабым местом был живот. Кеша, согнувшись, отполз в сторону и долго кашлял. Откашлявшись и не приближаясь ко мне, он поклялся, в лучших традициях уголовного жанра, что мне не жить, и что он дождется своего часа. Под знаком этого

неприятного конфликта протекала моя служба на флагмане нашего каравана. Путешествие длилось около трех месяцев, а деньги закончились во время вынужденной стоянки, и мне пришлось устраиваться матросом, чтобы поддержать физическое существование.

– Дальше ты мог бы написать, что в районе Сталинграда Волга оказалась неожиданно узкой. Может быть, впечатление возникло после просторов водохранилища. И все же эта узкая речка, русло которой, казалось, можно перебросить камнем, со стремительной желтой водой, словно обманула твои ожидания. – Йорик должно быть поболтал ногами, произнеся эту фразу. Вид у него был снисходительно-небрежный. Он понимал, что попал в самую точку. – Но к чему ворошить все эти воспоминания? – Уже нет той Волги, как нет и Сталинграда, и уж тем более нет того мальчика. Опыт не повторяется, а психология остается той же самой и в древнем Вавилоне, и в вавилонах нынешних. Да и вообще, чего ты там наговорил? Ведь прочитай кто-нибудь твою галиматью, так еще и поверят, а ведь все было совсем не так, – вкрадчиво произнес он.

– Да, наверно не так, – согласился я.

– Ты помнишь войну? – Когда бы ты еще пробовал гоголь-моголь из желтка черепашьих яиц? Ты помнишь в Ярославле американские пайки, мешочек с желтком? – Такого у тебя и сейчас нет.

Я молча согласился.

– Потом, поиски истины, – разглагольствовал он, – Ну и что за достижение, если червячок торчит внутри тебя? А ты посмотри, что носится вокруг этого интеллектуального зуда – и честолюбие и высокомерие и жажда славы.

Я, было, протестующе поднял руку, но он перебил меня: – Ну, не спорю, сейчас это поутихло в тебе, пришло какое-то понимание, усталость, уныние, может быть, эмоции поостыли, но тогда… Да и с этим Кешей. А ты помнишь кочегара Колю? – Ведь ты надеялся, что он поддержит тебя? Да, да, да. Впрочем, не будем занудами, посмотрим на другое. Кто реставрирует прошлое как разрушенный храм? Прошлое – это, так, – обрывки воспоминаний. Обрываются как раз на неприятном.

Йорик потянулся и зевнул. – Ничего интересного, – разочарованно протянул он.

ПРОМЕЖУТОЧНОЕ СОСТОЯНИЕ

Еще раз демонстративно зевнув, Йорик произнес:

– И что ты хочешь этим детским садом показать? Ты что, Лева Толстой или Алеша Пешков? Пишешь криво, рассуждаешь заумно. Ни читателя, ни издателя на твою ахинею.

Мне стало обидно, но возразить было нечего. Действительно, что отражают мои воспоминания? – Слабая картинка прошлого. А сколько их, безмолвных, осталось там! Боже! Как подумаешь о тифозных бараках

Гражданской, о тамбовских крестьянах, умирающих под обстрелом химических снарядов Тухачевского. С немцами конвенцию соблюдали, а на своих можно попробовать. А голод Украины!? Какими словами описать страдание миллионов людей? – Истощенных девчонок и мальчишек, которые ползли к железной дороге по всей Украине. А там, в одну сторону летели эшелоны с зерном за границу, а в другую – сытые люди, в вагонах с закрытыми окнами, чтобы не видеть неподвижные фигуры еще живых и уже умерших людей. А тех несчастных детей, которые не в силах подняться, ползли по улицам Харькова, чтобы добраться до хлебных очередей, а их, обессиленных, баграми собирали на подводы с трупами, бросали еще живых в братские могилы и засыпали хлоркой?! Все это судьбы людей в моей стране.

Индивидуальные судьбы. Мы можем извлечь много уроков из их совокупности, но ведь отдельная судьба и не предстает перед нами без своей связи с другими.

Я часто размышляю о полюсах, на которых лежат судьбы разных людей. Что делает одного страдальцем, другого – тираном? Их дороги постоянно пересекаются, но нет узелков, которые могли бы связывать этих людей. Одни ненавидят, другие презирают. Считается, что ненавидят слабые. О, как непросто распределяются роли в великой комедии или трагедии цивилизации. Кто был товарищ Сталин? Есть люди, считающие его тираном народа, есть люди, считающие его великим вождем того же народа…

Впрочем, мои размышления начинали терять под собой реальную почву, и я решил выкрутиться из положения с помощь Йорика. Он сидел на прежнем месте, выжидающе поглядывая на меня.

– Так что тебе хочется знать, как чувствовали себя мальчики и девочки, когда их баграми подхватывали за еще не утратившие чувствительность ребра, или что по этому поводу думал сам товарищ

Сталин? Ты же беседовал с ним, если не ошибаюсь?

Как мог ошибаться Йорик, если он знал обо мне лучше, чем я сам. У меня была дырявая память, а у него с памятью не имелось проблем.

Действительно мне приходилось во сне встречаться с товарищем

Сталиным, – эдакий доброжелательно настроенный и умудренный генералиссимус (во сне он являлся в кителе с золотыми погонами).

Почему-то он беседовал со мной о кулуарной борьбе, говоря, что его лишили власти, когда он еще должен был управлять страной, чтобы привести ее к процветанию. Беседы были интересными, с убедительной политической и экономической логикой. Я просыпался и думал, а не пытаюсь ли я оправдать Кобу, чтобы его чудовищный образ приобрел какую-то человеческую понятность?

– Ты прав, – услышал я голос Йорика, – человек остается человеком. Самым страшным в человеке является не он сам, а его логика, образ мысли, жизненная концепция. Содержание мозгов определяет мотивацию действий. Считается или не считается человек с фактором присутствия других людей – это другой вопрос. Ответ на него отрицательный. Даже наши собственные дети, исходя из представления о собственных интересах, просто игнорируют призывы родителей к здравому смыслу. А что говорить о человеке, уверовавшем в исключительность своей миссии? Впрочем, давай поговорим с самим Кобой.

Йорик доверительным жестом указал на стену, с левой моей стороны, где в образовавшемся туманном провале появился генералиссимус

Сталин. Несмотря на френч и погоны, он все же отличался от образа в моих снах, – в нем было больше внутренней сосредоточенности и магической эманации власти, исходившей от рыхлого лица, мясистого носа и черепа с довольно редкими волосами.

– Не смущайся, писатель, – с акцентом произнес он, – у меня для тебя имеется время, – он усмехнулся в желтоватые усы, прикурил трубку, распространяя дым с забытым запахом папирос "Герцеговина флор", и продолжил: – Ты для меня та самая логическая фигура, с которой необходимо считаться в уравнениях власти. Что тебя интересует, дорогой друг?

Самое удивительное, что я не опешил, а отнесся к внезапному появлению вполне по-деловому. Видимо не обошлось без магии Йорика, потому что, признаться, я всегда теряюсь перед властными людьми.

– Чудовищная жестокость, Иосиф Виссарионович. Такого планета еще не знала, – задал я вопрос, подобно журналисту берущему интервью.

– Природа, да и сам Господь Бог, не знают такого термина, товарищ писатель. "Мягкость, твердость, глупость" – это те слова, в которых вы оцениваете поступки людей. Вы не задумываетесь над тем, могли ли люди поступать иначе. Может ли виноградная лоза принести помидоры?

Ты, вероятно, хочешь спросить, как я оцениваю свое поведение взглядом со стороны? – Но это уже вопрос не исторического факта, а литературного творчества. Я, товарищ писатель, – не писатель. Я – вождь, генеральный политик своего государства. Я могу пояснить, почему моя реакция на события была именно такой, а не иной.

Мне показалось, что если я сейчас упущу инициативу, то не добьюсь вразумительных ответов. С другой стороны, передо мной был человек, к которому не было ключа, для обращения с ним, который сам имел такие ключи и не доверял их никому.

– Хорошо, Иосиф Виссарионович, ответьте на мой вопрос, так, как вы можете принять его, не искажая смысла моего интереса, – довольно уверенно проговорил я.

Сталин опять улыбнулся и пыхнул облаком сиреневого дымка.

– Я имел силы принять на себя полную историческую ответственность, и я ее принял, – взгляд Кобы гипнотически впился в меня. – Что это такое, понимаю только я, а сейчас постараюсь объяснить и тебе. Владимир Ильич знал, что такое взять и удержать власть. Он знал, как ее разделить и на кого можно положиться во внутрипартийной борьбе. Не я захватил место Генерального секретаря.

Моя личность и партийные качества выдвинули меня на этот пост.

– Но Ленин протестовал, – слабо возразил я.

– Это было потом. Протестовал не вождь мировой революции, а уже больной человек.

– Вы его слегка подтолкнули?

– Неправда. Но в политической борьбе такие методы оправдывает сама история.

– Так да или нет?

Он снова попыхтел трубкой и, прищурившись, сказал: – Это не имеет значения.

И через секунду продолжил: – Для политических идеалистов, какими мы были, главное – не просто выжить, главное – не дать умереть идее, которая живет в тебе. Это неизбежно связано со

смертью твоих противников. Противниками становятся самые неожиданные люди, даже твои соратники, ибо нет двух людей с одним мнением, но могут быть едины вождь со своим народом. Я добился этого в условиях чудовищной разрухи и отсутствия специалистов по ее устранению.

– Но вы сами же и устроили эту разруху.

– Нет. Разруха явилась следствием фатальных обстоятельств революционной ситуации в России. Я лишь спасал страну и ее народ. Я знаю, товарищ писатель, в своих умозрительных версиях ты приписал мне такую фразу: "Народ, убивающий из зависти и жадности, не заслуживает снисхождения". Ты предположил во мне носителя божественного возмездия. Это не так. Я поступал в соответствии с обстоятельствами, заставляя выжить и идею, и народ – носителя этой идеи. Для утверждения цели моя воля была не просто железной, – это была воля Сталина, – стальная воля.

– Но вы же видели, что буржуазный мир обгоняет Россию с ее искусственными моделями экономического строительства.

– Ответ на этот вопрос имеет несколько слагаемых. Не забывай последствий гражданской войны. Предупреждая твое возражение, хочу сказать, что мы не узурпировали власть с помощью демагогии, мы дали народу шанс сделать собственный выбор. Но в народе слишком долго растили ненависть. Не я создавал пропасть между имущими и неимущими. Рассматривая обстоятельства с исторической высоты вашего времени, я понимаю, что революция была опасным падением великой империи. Я делал все, чтобы возродить ее, но у меня был лишь безграмотный народ. Я научил его и сделал самым образованным в мире. Это главный фундамент исторической перспективы любого государства.

Другой ваш тезис, товарищ писатель, выдвигаемый от моего имени:

"Народ хочет счастья, и он получит его. Бедный человек – самый большой мечтатель и готов обманываться и радоваться самой чудовищной лжи", не лишен остроумия, но он не учитывает историческую необходимость. Если бы я мог так красиво думать, я не мог бы быть серьезным политиком и великим вождем.

Он внезапно прищурился и добавил с холодным сарказмом: – Как я вижу по твоим вопросам, ты не очень доверяешь Господу Богу в осуществлении Его великих замыслов.

На этом генералиссимус исчез вместе с густым дымом своей трубки.

А мои вопросы были в самом разгаре. Я беспомощно посмотрел на Йорика.

– Не печалься, старче, – скупо улыбнулся тот. – Ты получил политическую постоянную, а экстраполяция от нее – святое дело писателя.

Возразить было нечего. Но я все-таки усомнился, – действительно ли ощущал запах папирос "Герцеговины флор", или же это был запах серы из преисподни. Уточнять я не стал, сохранив сомнение как собственный пятачок общечеловеческой позиции.

Только непонятно почему я вызвал призрак великого тирана? Вообще,

– что добиваемся мы, когда ищем ответы за пределами своего сознания?

Зачем понимать что-то в поведении товарища Сталина, когда была иерархия власти, много-много звеньев, в каждом из которых находился свой фюрер, манипулирующий идеями в угоду своему эгоизму? Мне вспоминаются холодные и бездушные мастера посадочных дел областного

ГБ, задушевные садисты пятого ОЛПА Мордовских лагерей. Все они

"вознесенные обстоятельствами" старательно выполняли роль палачей, но ведь был и тот совестливый мальчишка, на пересыльном пункте

Рузаевки, который, увидев отца за колючей проволокой, не сумел вынести позор своей должности и застрелился.

Но это потом. А тогда, в пятидесятых, меня еще ждала романтика моего возраста, лирика первых чувств и теснившие меня и всю нашу семью детали нищенского быта. Папа еще мог выходить на крылечко, чтобы, покачиваясь от бессилия плоти, посидеть десять-пятнадцать минут на свежем воздухе. Он так высох и так истончал, что мама легко подхватывала его со стула и укладывала на кровать. На его сознание медленно опускались сумерки. Он пугливо поглядывал на нас, понимая свою несостоятельность и уничтожающее бессилие. Он, конечно, видел, что клокочет в мамином еще стройном и сильном теле, что недостает его красавице Леленьке, но от этого мог испытывать только душевную боль. Да и мы, его дети мало задумывались о его боли, о страданиях его тела, в котором он находился как в самой страшной тюрьме.

Учился я кое-как. Мне было не интересно. Меня все время заносило на какие-то нешкольные программы. Для моего умосостояния нашелся подходящий друг, такой же наивно-претенциозный, наделенный всякими талантами, считающий себя в глубине души Арбениным, из "Маскарада"

Лермонтова, – Валя Прокофьев. Герои шотландского

романтика оживали в нашем сознании и поведении как лениво-высокомерные недоноски. Это была наша скромная попытка уйти от совкового быта и комсомольского ура-патриотизма. Чего-чего, а общественный инстинкт начисто отсутствовал в нашей психологии. На этой почве возникли какие-то оргмероприятия с комсоргом строительства Баландиным. Он интересовался, почему мы ведем себя не как вся советская молодежь.

Это соответствовало действительности, но откуда он узнал?

Наша горячая дружба с Валей неожиданно треснула из-за смазливого личика, отношения к которому были, в общем-то, платоническими.

Накопившийся зуд неудовлетворенности и обстоятельствами, и местом, и положением, наконец-то переполнился, и я решил пуститься в одиночное плавание по жизни. Чем было мое решение для папы и мамы, я начал догадываться только после того, как появились собственные дети. А тогда меня уносил ветер странствий на парусах легкомыслия.

Конечно, это была очередная стройка коммунизма – Кременчугская

ГЭС. Там строительство возглавлял мамин знакомый, тоже Новиков, но сухопутный. Мне запомнилось его характерное лицо. Оно носило следы оспы, было скроено из углов, с огромным ртом, небольшими глазами и коричнево-сероватым цветом. Он прочитал сопроводительное письмо, распорядился оформить меня учеником электрика-монтажника, определить в общежитие, и на этом мы навсегда расстались.

Удивительна волшебная тропинка, ведущая нас по жизни! Мы обязательно тут свернем, там остановимся, там подождем, чтобы встретиться с человеком, с которым должны встретиться, попасть в обстоятельства, в которые должны были попасть. В молодости все это выглядит случайностью. Но ведь то, что я нахожусь внутри своего собственного тела и своего сознания в данный момент – это все следствие неумолимых и неизбежных "случайностей".

Я встретился с Аликом, спивавшимся художником, который во время войны входил под Ровно в группу разведчика Кузнецова. От него я узнал, что кино очень сильно отличается от правды и что существует официальная ложь даже в мелочах официального быта. В общем, благодаря всем этим обстоятельствам и зигзагам судьбы, я становился не советским человеком, приближаясь в этом новом качестве, к состоянию пылкого романтизма.

Скорее всего, пылкий романтизм был не следствием бытовых причин, а свойством моей натуры. А таким натурам, как известно, всегда тесно в жизненных обстоятельствах. Теснота

накапливается, становится невыносимой, и романтичный человек начинает искать новое, более счастливое место. Это произошло и со мной. Родине требовались рабочие руки для строительства Верхнетагильской ТЭС. Я эти руки протянул. Меня, и еще десятка три таких же романтиков, погрузили в телячий вагон. Мы ехали, поглядывая на "дым Отечества" через раздвижные ворота, ограниченные таким же брусом, каким закрывают загон для скота, через пол Украины и пол России в Верхний Тагил.

Вагон перемещался в сторону северо-востока с октября по ноябрь. От начала и до последних дней путешествия сильно похолодало. Когда глупая и дешевая рабочая сила прибыла в пункт назначения, на Урале выпал снег и ударили морозы. Бежать было некуда, кроме как на работу. Я вспомнил свою первую специальность и устроился лепщиком.

По архитектуре общежитие, в которое нас поместили, отличалось от

"телячьих вагонов" но по санитарии, приближалось к тем же стандартам. Многое там пришлось повидать: и разнузданное пьянство, с размашистой дракой, поножовщиной и топорами, и карты и разврат.

Бывшие зэки веселились и тут. Но когда к нам прибыл, совершавший ревизионную поездку по стране Георгий Максимилианович Маленков, никто не жаловался. Не жаловался и я, хоть находился в каких-нибудь десяти метрах от председателя Совета министров. Да и чего жаловаться? – Член Политбюро, вероятно, хорошо знал правду о положении рабочих "ударного строительства". С Заключенными в этот период было туговато, вот их и заменили "вербованными". Но и последние, как видно, дорого обходились строительству, поэтому изобрели схему набора кадров из досрочно демобилизованных. Молодого человека отпускали из армии по разрекламированному на весь мир

"сокращению Советских вооруженных сил", на год-полгода раньше, и обязывали доработать на такой вот "ударной стройке", под страхом тюремного заключения за дезертирство. Эти горемыки пытались бежать, ставили поддельные печати от имени военкомата приписки. Их ловили, судили, и отправляли на другие стройки, уже в качестве заключенных.

Все это придуманное государством страдание, оставило глубокий след в юношеском сознании.

Мое рабочее место относилось к ведомству прораба строительства

Маргарите Апполинарьевне Лачиновой. Она и ее муж, Владимир

Николаевич, уроженцы Питера, начали путешествие по великим стройкам под конвоем, как контрреволюционеры, но на последнем строительстве -

Верхнетагильской ТЭС, находились уже в качестве вольных специалистов. Впрочем, они имели сколько-то лет "по рогам", как в простонародье называют поражение в правах, и деваться им было некуда. Я чем-то приглянулся этой семье, и они великодушно пригласили меня к себе, из молодежного Вавилона в общежитии.

Роль приемного сына длилась недолго. Видимо скопились все отрицательные энергии, которые имелись и в телячьем вагоне, и общежитии, и в сырости холодной лепной мастерской. Я заболел правосторонним экссудативным плевритом. В больнице мне прокалывали плевру и откачивали скопившийся экссудат. Вообще-то этот период, который начался с высокой температуры как раз под Новый, 1956 год, вспоминается как в горячем тумане. После больницы, блудный сын вернулся в родную семью.

Мое первое возвращение… Весна, яркая зелень березовой рощи на нашей улице, а рядом с домом вековые сосны и ели. Весной и летом они насыщают воздух особым ароматом. Тогда еще небесное пространство не завоевал смрад городской свалки. Тогда еще не цвело зеленью

Горьковское водохранилище, и казалось, вокруг царит мир и благоденствие. К нам из Переславля приехала бабушка Поля, – мамина мать, помогать дочери в ее непростом и бедном хозяйстве. Папа уже не мог даже сидеть, он, казалось, еще сильнее истончился и на каждое прикосновение реагировал пугливым вскриком, как раненая чайка. Весь его мир сосредоточился на панцирной кровати. Мама стирала за ним и мыла как ребенка в корыте каждый день, под разрывавшие душу всхлипывания. А рядом были мы, ее дети, с претензиями нашей молодости. Стыдно признаться, но, кажется, я стеснялся своего положения, нашей нищеты, хоть она и царила тогда в большинстве советских семей. Примусы и какие-то керосинки, закопченные кастрюльки, одежда, мало отличающаяся от той, что носили в лагерях.

Казалось, страна еще не оправилась от бедствий, нахлынувших на нее с

Отечественной войной. Но, с другой стороны, в магазинах имелись колбасы 2х -3х сортов, обилие морской рыбы, консервированной и свежемороженой, в то время как речной на рынках было еще достаточно.

В ларьках на улице торговали пончиками и китайскими орехами. Жизнь продолжалась, ведь в моем теле бурлила

молодость еще без того опыта, что дает анамнез нашей жизни. Появилась новая любовь, новые стихи.

Ах!…

"Часто вспоминаю о хорошей,

О любви моей, что разлюбила,

Слышу, как мне волосы ероша,

Говорит она чуть слышно: "Милый".

Существо, сидевшее на столе, что-то иронически проскрипело.

Кажется, Йорик собирался упрекнуть меня в том, что я нашел время для любовных историй, тогда, когда следовало устраиваться на работу и помогать семье бороться за выживание. Да, наверняка так и требовалось поступить, но Боже! Сколько в моей голове было тогда глупости! Ясное представление о простых вещах, приходит с большим запозданием. В тот период я много читал, и мне казалось, что просвещение – самое важное занятие. Тогда я открывал неведомую

Россию через Соловьева и Карамзина, постигал тайны социальных сил через ранние и поздние произведения классиков марксизма-ленинизма. А здесь подоспел десятый класс школы рабочей молодежи, а здесь подоспела Венгерская революция. Я слушал официальные сообщения, но догадывался о том, что происходило в действительности. Когда позже, уже в лагере, мне пришлось познакомиться со свидетелями событий в

Венгрии, оказалось, что картина, созданная моим воображением по скудной информации газет и радио, практически не отличалась от кровавой реальности. Милитаристская сущность "лагеря социализма" отчетливо осознавалась мной. Я воспринимал Венгерские события как личную трагедию. Иначе говоря, я вполне созрел для роли "врага народа".

Десятый класс вечерней школы выпускал стенную "Литературную газету". Здесь пишущая стихотворная братия выражала отношение к земле и хлебу, небесам и власти. Правда, "небеса" использовались как метафора, а вот властям доставалось.

"Эй, вы, счастливые, молчите!

Остановись, жестокий век!

Снимите маски, посмотрите! –

Здесь умирает человек".

В школе собралась группа, что называется "недовольных советской властью". Была среди нас и учительница – Людмила Пожарицкая.

Людмила Петровна тоже писала стихи, и, поскольку происходила из

Ленинграда, имела генетическую природу протестного мышления. У нас отсутствовал инстинкт самосохранения. Это не было результатом двадцатого съезда, это был спонтанный порыв к добру и справедливости, с наивной верой в возможность достижения цели.

Газета провисела недолго. Один вечер. Директор школы сняла ее в тот же день. У директрисы присутствовал инстинкт самосохранения вместе с "партийной совестью" и партийным билетом. Потом она говорила, что "не думала, что так получится". Получилось именно так.

Мы не рассказывали друг другу о своем первом столкновении с

"Щитом и мечем" СССР, но обыск у меня, Спорова и Пожарицкой, произвели в один день. Нас ловко "накрыли", чтобы не дать возможности поделиться друг с другом "оперативной информацией". Борю

Спорова взяли в тот же день. У него нашли стихи и "подозрительные записи" в дневниках, он был "зрелого возраста", он вращался в рабочем коллективе, среди которого антисоветская бациллоопасность особенно актуальна. Нас с Пожарицкой видимо считали просто заблудшими овцами, и не исключено, что в первоначальном варианте предполагали просто "пожурить". Хотя, вряд ли. Перед обыском меня отыскали сотрудники Заволжской милиции и предложили немедленно явиться в паспортный стол, дескать, "какие-то там недоразумения с паспортом". В кабинете начальника милиции присутствовали два очень солидных, в шикарных темно-синих костюмах, явно не районного происхождения, как говорят, "штатских". Начальник милиции завладел моим паспортом, и некоторое время с интересом рассматривал его.

Затем спросил, а не чувствую ли я за собой "какой-то вины". Я с недоумением ответил, что "не чувствую". Сидевший слева, упитанный

"синий костюм" поинтересовался, а не припомню ли я какого-то дела за собой, "направленного против советской власти". Считая, что я как раз и защищаю советскую власть, я гордо ответил: "нет!" Тогда другой господин в синем, ловко извлек на свет божий "Литературную газету" и поинтересовался, – что я думаю о ее содержании. Они еще минут пятнадцать задушевно "покалякали", затем предложили вместе проехать ко мне домой. Возражения не принимались во внимание.

Да! Здесь мне не требуется вмешательство Йорика, чтобы восстановить детали прошедшего. Яркая картина, особенно, если учесть, что я еще не знал, как люди могут поступать с людьми.

Два синих костюма и сопровождавшие их лица пригласили понятых из соседей. Впоследствии понятые (ныне покойные, поэтому стопроцентную истину мы вряд ли уже установим) говорили, что от них потребовали, дабы придать максимальную весомость смыслу и результатам обыска, сообщать праздно интересующимся с улицы, что при проведении следственно-розыскных мероприятий у гражданина такого-то, был обнаружен склад с взрывчаткой, радиостанцией и оружием. Когда мама ехала на Воробьевку, чтобы повидаться со мной, она услышала в трамвае эту байку, со страшными подробностями. А обратила на нее внимание, потому что там фигурировала наша необычная фамилия. Митя

Сухой, вечно пьяный инвалид, бывший одним из понятых, подтвердил, лет через десять после моего освобождения, что действительно, "Ты

(то есть я) – фашист", а также то, что "прятал взрывчатку и рацию и готовился взорвать Горьковскую ГЭС, когда ее посетит Хрущев". Во!

А для меня? Для меня действительность в тот момент обрела особое течение. Словно это происходило не со мной. Слишком страшной была реальность. Опасность ощущалась как неотвратимое падение в пропасть, когда уже не зацепишься, чтобы остановить тело. Ты пока еще не врезался в землю, но не можешь избежать столкновения. Я видел как мама, пришедшая с работы, мгновенно осмыслив происходящее, медленно сползает по дверному косяку на пол, как люди в синем не дают мне подойти к ней и кто-то другой приносит воды, мечется в испуге младшая сестренка, не понимая, что происходит. А я сидел на стуле, и мне не разрешали двигаться. Они тщательно ощупывали каждую вещь, каждую безделушку. Они пролистали каждую страницу всех наших книг.

Они перерыли все, что можно было перерыть. Не постеснявшись, они перетряхнули папину постель, они заглянули под его утку и перевернули все клеенки. Кто может представить, что пережил папа в это время?! А кто поймет этих людей? Все мои стихи и статьи, даже с таким названием: "Почему неизбежна новая революция?" лежали на этажерке, на самом видном месте. Они сразу нашли все, что им было необходимо. Но существовал ПРОТОКОЛ, который требовалось соблюсти.

Даже в подпол, где, как предполагалось, должна была находиться рация и взрывчатка, они не заглянули, но перевернули все, что можно было, для того чтобы унизить, смять, заставить трепетать. Так демонстрирует свою силу государственная машина.

Ничего не произошло. Люди в синем исчезли, забрав с собой все мои рукописи. Я оставался на свободе, и ощущение катастрофы как-то отодвинулось, словно я оказался заколдованным и неприкасаемым принцем.

На дворе стоял апрель. Весна уже смягчила природу, но зима еще крепко держалась за землю, сохраняя сугробы и ледяные полоски дорог.

В коричневом зимнем пальто и кепке кофейного цвета я отправился к

Пожарицкой. Следовало обсудить положение. Она сказала, что я похож на журнал "Иностранная литература", – коричневый, с кофейной полосой под словом "Иностранная". Действительно, с журналом я состоял из одной цветовой гаммы. Она уже знала, что Борю арестовали.

Мы предположили, что это единственная жертва и наметили на завтра поездку в тюрьму.

Утром, 6 апреля, мы направились на встречу с судьбой на улицу

Воробьева, где половину ее длинны, занимало монументальное здание с колоннами из розового гранита, Горьковского КГБ. У нас легко приняли сигареты для Бори Спорова, через некоторое время открылись массивные дубовые двери и меня пальчиком поманили внутрь.

– Мне тоже? – спросила Пожарицкая.

Гражданин, поманивший меня, отрицательно покачал головой.

Я вошел в двери, и здание проглотило меня. Через два дня мне исполнялось 20 лет.

– Видишь ли, я не личность, – Йорик видимо почувствовал, что пришло время и его участия в изложении событий, – я, собственно, размышление, одна из точек зрения, которые могли бы принадлежать и тебе. Но мое внимание обнимает действие и смысл, скрытый от пристрастного взгляда. Да, я размышлял о том, что произошло с тобой, почему это случилось так, а не иначе. Конечно, девяносто процентов более виноватых ходит на свободе, но ведь кто-то должен и в тюрьме посидеть. Такова система. Эти люди, которые поманили тебя в мир, где они повелевают, нуждаются в материале для своей деятельности. Они трудятся как кроты, обрабатывая предмет, попадающий в их поле зрения. Они не могут сажать всех подряд, хоть в идеале могли бы состряпать обвинение на любого. Политическая воля вручает им определенный алгоритм, правила игры. Конечно, они не верили в то, что ты способен поколебать советскую власть, их власть. Они понимали, что эта власть разрушается другими масштабами

воздействий, там, где она соприкасается с настоящими силами, силами истории. Ты для них был всего лишь сырьем, пригодным для переработки, молекулой, движение которой пролегало через их кишечник. Вспомни Воробьевскую внутреннюю тюрьму. Пустовато было в ней. А когда-то эта машина пропускала через себя огромный поток населения. Они очень обрадовались тебе.

Действительно, обрадовались. Я вспомнил, с каким вежливым вниманием они вытряхивали содержимое моих карманов, – записную книжку, карманный справочник по Югославии. Точилку для карандаша из безопасной бритвы они отделили с особой поспешностью и озабоченным видом; можно было подумать, что если они не успеют, я либо им перережу горло, либо вскрою собственные вены. В карманах были какие-то пустяки – платок, оторвавшаяся пуговица, клочок бумаги.

Все вещи они называли своими именами и старательно заносили в протокол. Туда же попал и ремень с брюк, мешковато сидевших на мне.

Меня еще раз опросили, словно опасаясь, что за это время я мог растерять чувство глубокой вины перед советским народом, и передали в руки тюремного начальства.

Любопытная деталь: тюрьма – тоже аттракцион, где подневольные зрители должны прочувствовать бессилие. Тюрьма создает много эффектов заставляющих трепетать узника. Здесь жестокость имеет собственные внешние символы. Стальные двери, вторые двери из стальной решетки, на них лязгающие замки. В руках надзирателей огромные ключи, которыми они стучат по металлу, чтобы им открыл новый принимающий. Ритуал обыска уже другой – унизительный. Тебя раздевают наголо, заглядывая во все места, щели и отверстия, хоть обыскивающий прекрасно видит, что перед ним красный от смущения мальчишка, а не нацистский преступник, способный спрятать под коронкой зуба цианистый калий. Порядок есть порядок, – "оставь надежду всякий входящий сюда".

Вообще, все детали тюремного быта и хода самого следствия, интересны скорее с точки зрения социологического и психологического анализа. Там повсюду какая-то странная и тяжелая игра, участники которой давно поверили и принимают всерьез каждую деталь. Там везде лицемерие и ложь, а еще жестокость, как внутреннее свойство ее высоких и рядовых исполнителей.

– Они мне всю жизнь испортили, – говорит, глядя перед собой, старший советник юстиции прокурор Либерман. Прокуратуре поручено контролировать правильное ведение следствия. Иногда они присутствуют, иногда отсутствуют во

время допроса.

Зачем он произнес эту фразу? – думаю я. – Чтобы я поверил ему и

"раскрылся", хотя раскрываться уже дальше некуда. А может быть, отягощенная совесть требует исповеди? Вид у прокурора интеллигентный, но и у моего следователя не пролетарский вид. Я не знаю, что ответить на внезапное откровение и сочувственно молчу. В этот момент в кабинет входит Беловзоров. Допрос продолжается. Как они стараются приготовить из меня опасного конспиратора, умело расшатывающего устои советской власти. "С кем встречались во столько-то? О чем беседовали? А вот ваш товарищ говорит совершенно иное. Ах, вот что! – Ну, так и запишем: плохо помню. Подпишите".

Но, как признает и Солженицын, не все так плохо в тюрьме. А хорошее – это книги и время для их поглощения. Библиотеки во внутренних тюрьмах КГБ отличные. Понятен метод их комплектования, но что приятно, то, что после национализации библиотек контрреволюционеров, они становятся достоянием тех же контрреволюционеров в их вновь обретенном месте обитания. Вам не скажут, какие книги имеются в библиотеке тюрьмы, но дадут все, что вы закажете. Я заказывал классиков марксизма. Через некоторое время меня стали распирать идеи. Они требовали формулировок и изложения, для этого необходима бумага и карандаш. Мне объяснили, что согласно правилам распорядка по содержанию заключенных во внутренней тюрьме колющие, режущие, пишущие предметы запрещены. Я объявил голодовку.

Некоторое время я голодал по частной инициативе, потом администрация потребовала узаконить мое безобразие. В тюрьме, объяснили мне, голодовка должна быть официально оформлена "согласно письменного заявления" голодающего. Посмеявшись над этим абсурдом, я написал заявление. (Потом, уже во внутренней Саранской тюрьме, я буду резвиться, и писать заявления перед обедом на голодовку-пятиминутку). Меня перевели в камеру для голодающих и пообещали кормить через нос. В новом помещении царило запустение.

Видимо здесь давно не было посетителей, настолько давно, что в дополнительной сетке, приколоченной поверх стекла, торчал беспризорный гвоздик. Я вытащил этот гвоздик и пригрозил проглотить его, если меня попробуют накормить силой. Насколько подействовала угроза, я узнаю попозже, но тогда, мне пообещали бумагу и попросили снять голодовку. Я и сам не рад был, что затеял такую тяжелую для моего молодого организма форму протеста и легко согласился на предложение.

Кормили нас в тюрьме довольно паршиво по качеству и скудно по количеству. Как я уже потом понял, еду готовили в

Соловьевской центральной тюрьме Горького для уголовников, и отделяли на Воробьевку для "врагов народа". После голодовки я мечтал получить любую баланду, но мне принесли миску щей со стола охраны и тарелку масляной гречневой каши. Это был второй случай в моей жизни незабываемых гастрономических ощущений. Потом мне сказали, чтобы я с вещами собрался на встречу с прокурором, где будет узаконено соглашение. Я собрался и в сопровождении конвоя покинул камеру. Как оказалось надолго.

Прокурора мне не показали, а вместо этого засунули в "воронок", в тесный пенал, и повезли по ухабистым дорогам города в неизвестном направлении.

Почти все происходящее с вами в молодости происходит впервые. У вас нет опыта "тертого" зэка, вам неизвестны правила игры самого государства. Вы только знаете, что не доверяете властям и ждете любого подвоха и от их институтов, и от исполнителей воли. Вы надеетесь, что с вами не произойдет ничего страшного, но не уверены в обратном, потому что уже знакомы с приемами, которые использует государство против своих противников. Вам кажется, что каждую минуту вы должны быть готовы к смерти. Вот с такими чувствами едет молодой человек в тесном пенале "воронка", с такими чувствами он покидает его и попадает в другие безжалостные руки, передающие его по новой эстафете тюремных процедур. Соловьевский централ – это множество корпусов добротной кладки, преимущественно пятиэтажных, построенных немцами еще до Первой мировой, из красного кирпича. Внутри давящий тюремный сумрак. Меня ведут по коридорам с грязно-зелеными стенами, раздевают наголо и втискивают в вонючий бокс, с шершавыми поверхностями, напомнившими кизячные полы украинских мазанок. Мое тело было упаковано словно неживой груз для отправки в дальние страны. Тесно, холодно и нечем дышать. Время остановилось. Но больше ничего не происходит. Меня выпускают на воздух, показавшийся сладким, я одеваюсь, окриком мои руки отправляются за спину, и я иду по гулким металлическим пролетам, по спирали вверх, в камеру. Я гордо заявляю, что политический и не пойду в камеру уголовников.

Гром и лязг за спиной, и дверь закрывается. В камере еще двое.

– Слава, – говорит тот, что помоложе.

– Юра.

Подхожу к пожилому, похожему на мастерового мужику, с

крупными чертами и пористой кожей лица. Я не запомнил его имени, мы находились вместе каких-то пару часов, и больше уже не встречались.

Но от этого человека я услышал интересную вещь, как бы погрузившую меня в реальность человеческого характера.

Когда мы со Славой, тоже 58, 10-11, дошли до Ленина, этот мужчина сказал: – Ленин был жесток и честолюбив.

– Откуда вам это известно?! – запальчиво возразил я.

– Я был его личным шофером.

Это произвело впечатление. Особенно слово "честолюбив". Тогда еще каждое слово входило в сознание с весенней свежестью новизны.

Конечно, я прекрасно знал этимологию, но она обладала во мне всеми смысловыми оттенками. И вдруг, из этого слова я внезапно увидел всего вождя пролетариата, весь его образ, все пружины его целеустремленности. Я понял, – ЭТО он делал только для СЕБЯ.

Кажется, с того открытия в мои политические уравнения вошли живые люди.

В этот момент Йорик, слегка задремавший около моего компьютера, очнулся и проговорил:

– Есть спортивный образ жизни, и есть мир профессионального спорта. Так же и в политике. Конструкция, под которую человек подгоняет свою личность, тверже, чем даже постель Рахметова.

Конечно, Ленин делал это ради себя, но, как тебе уже сказал товарищ

Сталин, себя они отождествляли с великими идеями. Возвращаясь к спорту, – ты понимаешь, что в первом случае двигательная активность служит человеку, а во втором – человек посвящает себя двигательной активности. Ты ведь, кажется, тоже решил тогда посвятить себя двигательной активности. В твоей голове зрели всяческие замыслы мировой пролетарской революции, и как ни странно препятствием на пути ее победоносного шествия, ты видел только страну Советов.

Воспоминание смутило меня. Действительно, с высоты возраста смешными представляются горячие идеалы двадцатилетнего юноши. Я видел все проблемы загнивающей системы, превратившей интересы бюрократии в государственные интересы. Я считал, что подлинное социалистическое строительство откроет глаза рабочим капиталистических стран всего мира и приведет их к пониманию своих интересов.

Но вернемся к изложению фактов. Я недолго пробыл в 110 камере и отправился на первый этаж специального медицинского

корпуса.

Психиатрическая экспертиза – это такой ритуал, через который проходят многие. Все мои друзья, проявившие самостоятельность и неординарность мышления, прошли через "освидетельствование", большинство в институте Сербского. Исследование личности вовсе не предполагает, что в результате медицинского заключения вас не посадят, а отправят на лечение. Нет, его замысел находится в общем контексте карательных методов системы, – экспертиза стремится оставить на лбу клеймо вечного изгоя общества, чтобы даже покинув тюремные стены он не имел возможности уйти от преследования.

Заключения психиатрической комиссии, состоящей из "уважаемых" людей, делались по одному шаблону: "является вменяемым и может нести полноценную ответственность за преступления, но"… Ради этого "но" и затевалась вся процедура фарса, чтобы поставить человека на грань

"нормальности", позволяя в любое время использовать заключение для дискредитации, для ограничения прав и возможностей. Это случится со мной, как только я выйду из тюрьмы, шлейф "освидетельствования" потянется по жизни до 87 года, когда я получу право на психиатрическую реабилитацию.

Итак, я оказался на тюремной койке больничного корпуса и сразу же стал требовать обещанную бумагу. Сейчас, конечно, понятны и смешны действия персонала, сопровождавшие процедуру, они уже подготавливали для меня роль шизофреника: "А для чего вам бумага?",

"А что вы будете писать?", "А почему это вас беспокоит?", – вопросы произносились особым тоном и с глубокомысленным видом. Участвовал в спектакле один горьковский психиатр, физиономию которого я не раз видел в восьмидесятых годах, когда на экранах телевизора замелькали всяческие шаманы и заклинатели. Он уже был профессором и большим специалистом в области сумеречных состояний. Я всегда не любил игру в отношениях с людьми и отвечал совершенно искренне, прекрасно осознавая, как это выглядит в их глазах. Но по-другому я не мог бы это сделать даже сейчас.

Наступила середина июня. Окна палаты, забранные решеткой, выходили в тюремный двор, заросший чертополохом. Напротив находился корпус с женским населением. По ту сторону моей камеры окна не ограждались металлическими козырьками. Да и что может нарушить требования режима на территории ограниченной стенами тюремных зданий? Женские голоса беспокоили меня. Меня беспокоили даже волосатые ноги врача, которая заходила поболтать, чтобы накопить материал для

выводов своей экспертизы. Я никак не мог привыкнуть к больничной одежде – кальсонам и нательной рубашке, и всякий раз нырял под одеяло при ее появлении. Она лукаво предлагала не стесняться, щупала пульс и задавала разные вопросы. Если учесть, что питание отпускалось по каким-то санитарным нормам, можно сказать, что период этого заключения был довольно сносным. Там же я успел второй раз основательно проштудировать все три книги "Капитала"

Маркса. Я думаю, мои пристрастия вполне соответствовали занятиям человека "склонного преувеличивать значение своей личности".

Когда я собирался приступись к описанию суда и прочих событий, снова вмешался Йорик.

– Не понимаю, что у тебя получается, – недовольно ворчал он, – Ты же пишешь не историю своего заключения, а историю тех впечатлений, которые возникли от прикосновения с российской действительностью.

Ведь заключение – частный случай этих впечатлений, так сказать, типичная иллюстрация. Но важно-то не отдельное событие, а система, возникающая из этих типичных событий.

Я не был вполне подготовлен к такому повороту "Размышления", как называл себя Йорик. Но в его словах была правда. А он продолжал:

– Задумываясь над судьбами своих сограждан, ты уже вполне справедливо заметил, что твой случай банальный и рядовой, что есть более трагические судьбы, но талдычишь и талдычишь только о себе.

Вспомни, с чего мы начинали, – события прошлого – это всего лишь информация, содержащаяся в твоей памяти, но сегодня у тебя другой опыт, другое время. Посмотри, какой мир ты помогал строить. Кругом убивают и убивают. Убивают в Чечне, в Нью-Йорке, убивают в Ираке, убивают по всему миру террористы всех мастей. Убивают на улицах больших и малых городов России. Как вы до этого докатились? Так вот и говори о том, как ты оцениваешь "опыт присутствия" зрелым взглядом, а не глазами наивного юноши.

Действительно, мне и самому интересно было проследить, – а не положил ли и я собственный кирпичик в фундамент всеобщего безумия?

Как это выяснить? Как можем мы понять, уже глядя с высоты своего времени на действия, которые происходили по твоей вине и вокруг тебя? Что мы должны делать: – заботится об общественных интересах, или собственных? Да и как тут различить, где свои, а где чужие? -

Пророки указывают путь, по которому должен идти человек, а что делает политик? – Чаще всего он решает личные проблемы на рынке политической жизни общества. Он учится обобщать, видеть проблему, отстаивать интересы тех, кого представляет. Есть прагматичные, есть романтичные политики, причем у одних прагматизм относится к бытовому комфорту, у других к практичности в политических расчетах. Гитлер был вегетарианцем, Сталин в зените своего величия ходил в заштопанной собственноручно шинели. А Юлий Цезарь обожал роскошь, он любил деньги до такой степени, что способен был клянчить и унижаться. Брежнев любил машины и женщин, Хрущев – выпить и закусить. Или может быть дело в возрасте? – в юности человеком движет пассианарная энергия, а утомленный годами он ищет плотских утешений? – Все вместе! Каждый отдельный человек представляет каждый отдельный случай. Мы не можем посмотреть на поведение одного и что-то понять. Мы будем изучать миллионы жизней и ничего не поймем, потому что там не будет нашей жизни. И своей жизнью мы никого не научим, потому что ученики будут иметь собственную жизнь.

Разве кто-то начнет менять систему только оттого, что кому-то в ней было неуютно? – Нет! – Ведь другим в это время, там же, вполне комфортабельно. И, в конце-концов, система может получить другое название, а жизнь останется все той же. В России менялись формации, а основная масса граждан жила в нищете. С другой стороны, сытые европейцы завидовали, что не имеют "передового учения". Вот так каждый народ остается наедине с собой, и каждый человек остается наедине с собой. Их опыт неповторим, предназначен только для них, так о чем "страдает гармошка"?

– Нет, ты вернись в прошлое и через него подойди к настоящему.

Ну, посмотри, – продолжал гнуть свое Йорик, – Что происходит сейчас с тем народом, за который ты готов был отдать свою жизнь? Тогда тебе казалось, что стоит лишь публично высказать правду, как падут оковы, народ проснется и сбросит тиранию. Но посмотри, как сегодня они бегают с портретами товарища Сталина. Что, мало правды вывалили на их головы?! Кому нужна эта правда? Люди хотят обманываться. Им нужны безопасные виновники их бед, виновники, на которых можно наброситься всей стаей. Чему их научили годы холодной войны? Неужели они не объелись нищетой и бесправием? Чем им досадил Буш и угодил

Хусейн? Разве не видно как "общественное мнение" потянулось вслед за политическими кликушами, которые

разыгрывают всего лишь карту зависти к американскому благополучию и сочувствия к братьям по нищете, которых наплодила тирания Хусейна. Не хочет русский человек осознавать собственные интересы, ему легче, когда его ведут за нос партайгеноссе всевозможных оттенков. Даже православная церковь скорее поддержит воинственный исламизм, чем гуманитарные устремления братьев-христиан Запада. Азиатское невежество для ваших отцов народа – единственное условие позволяющие держать народ в узде и вводить в заблуждение.

Меня удивило это горячее словоизлияние, но я возразил:

– И все же, как ты сам утверждал, опыт приходит через личность.

Мне вот никто ничего не мог навязать, даже через государственное насилие.

– Гордость, независимость и способность отказаться от чечевичной похлебки – редкое качество среди твоих сограждан.

– Все это дается нам с землей и временем, с традицией и менталитетом. Что тут менять? Чему тут учить?

Йорик недовольно засопел.

– Ты подрываешь основы, на которых держится наша вера в жизнь.

Общество – часть личной иллюзии. Иллюзий много, они разные и они будут всегда. Для того чтобы сосед рассмеялся, надо рассказать хотя бы анекдот.

– Но если я буду так низко оценивать то, что пишу, то потеряю интерес к самому процессу.

– Да ты уже признался, что не ценишь это высоко, иначе придется признать, что уроки жизни пропали даром.

И тут он был прав. Я высказал вслух свое согласие и попросил освежить память, возвращаясь к периоду заключения.

Моя психиатрическая экспертиза закончилась, оставив в памяти след обыкновенного тюремного приключения. Суд тоже не отличался ничем особенным, разве поведением свидетелей, которые клялись, что всегда подозревали, "в них что-то неладное", а если позволяла грамотность, то даже могли произнести такую фразу: "Он был мне глубоко антипатичен" (это про меня). Ну, правильно, как может быть симпатичен нормальному советскому человеку "враг народа", особенно под пристальным взглядом служителей щита и меча?

Единственное, к чему я никак не мог привыкнуть – обращение тюремного персонала. Они вели себя так, словно мы были вещами, переданными в их собственность. Мне с самого начала не нравилось по окрику отправлять руки назад, мне не нравились сами окрики. Мое чувство собственного достоинства

глубоко страдало. Особенно остро это ощущалось на этапах, когда нас гнали по эшелонам и пересыльным пунктам. Охрана словно чувствует твой протест, – подтолкнет, обругает, хлопнет дверью. Видимо сладостно ощущение власти человека над человеком. Но был, был тот мальчик на пересыльном пункте в

Рузаевке, который воспринимал свою службу как невыносимый позор.

В начале августа мы прибыли на приемную зону Дубравлага,

Мордовского ОЛПА. Запомнились щи, которых нам подливали досыта. Мяса в них было немного, но свежая капуста, помидоры и картошка делали вкус, для привыкших к тюремной баланде, особенным. Здесь мы узнали, что на 71, том, на который предстояло попасть, недавно была забастовка. Лагерь окружали танки, а вышки укрепили пулеметами. Даже эвакуировали семьи персонала. Я с сожалением думал, что если бы не экспертиза, суд был бы раньше, и мы могли стать участниками событий. Ну, и так далее. Оглядываясь назад, я вспоминаю, что внутри меня жила готовность умереть за правое дело.

В лагере самое интересное – люди. Здесь с удивлением узнаешь, что мир братьев по разуму довольно широк. Ты понимаешь, что не только ты думал и оценивал состояние Отечества "в глубоком заблуждении, обманутый вражеской пропагандой", но и многие из твоих сверстников и даже людей старшего возраста. Не то чтобы все трубили о разочаровании в социализме, просто никто не скрывал своих убеждений.

Мы знали стукачей в лицо, и их особенно не стеснялись. Большинство молодежи были истинными марксистами-ленинцами, но постепенно в сознание заползала идеология буржуазного либерализма. В лагере можно было познакомиться с настоящими представителями капитализма. Мне посчастливилось некоторое время находится бок о бок с европейским бизнесменом, Николаем Николаевичем Осиповым. История его проста и показательна. Эмигрировал из России в 1902 году. Открыл ресторан в

Монте-Карло, со временем расширил деловые операции. До войны имел бизнес в Германии. С приходом Гитлера к власти, отказался от гражданства и переехал во Францию. Участвовал в движении сопротивления. После войны возглавил крупную фирму по строительству ресторанов и гостиниц Париж-Берлин. При переходе в Берлинской подземке был остановлен советским военным патрулем: "Вас издас?

Осипофф? Ах, Осипов?! Так вы русский?! – Пройдемте!" В Западной

Германии требовали его выдачи, были выпущены марки

"Свобода

Осипову!" Увы… Николай Николаевич был хорошим рассказчиком. Он не увлекался критикой ССР, признавая и университет на Ленинских горах, и только что пропищавший спутник, но его правда о Западе впечатляла. Через внешнюю форму его сдержанности веяло свободой.

Красный крест присылал Осипову всяческие консервы и вирджинский табак. Осипов щедро делился богатствами с соседями, научившись довольствоваться скромным лагерным рационом.

В общем, лагерь содержал много достойных людей, с которыми было интересно общаться. Граф Юрий Иванов-Белозерский – правнук великого художника Иванова, граф Юра Вандокуров, переписавший книгу "Введение в философию" Вундта и выдававший ее за собственную "Пропедевтику философии диалектического реализма". Грехи за этот плагиат можно было простить после того, как он с напарником дерзко бежал из рабочей зоны в грузовом вагоне, ушел из него, оставив на казенном бушлате две кучки дерьма, с запиской "ничего вашего мне не надо".

Эта выходка заставила начальство ВОХРы особенно скрежетать зубами, а рядовой состав одобрительно посмеиваться, благодаря чему и до нас дошли скандальные подробности. Его напарника поймали довольно быстро и избитого привезли на показ в лагерь, а Юра сумел добраться до Алма-Аты. К сожалению, дерзкие усилия оказались тщетными, – родственники выдали его властям.

А какие были прекрасные люди из студенческой Москвы и Петербурга!

Володя Гедонии, Вадим Козовой, Боря Пустынцев, Алик Голиков, Петя

Перцев, и мой самый близкий друг в лагере Боря Хайбулин. И Илья,

Илья Гитман, с которым с тех и до сих пор я шагаю по жизни как с собственной мистической тенью. Феноменальный еврей, все таланты которого отвергло советское общество и закопало в братскую могилу инакомыслия, оставив для общества из всех его бесконечных знаний только умение держать пассатижи электрика.

Мое пребывание на 71 ОЛПЕ имело не только привлекательные стороны, но и связанные с моим характером шероховатости. Первые впечатления и насыщение общением приутихли, и появился научный зуд.

Оказавшись среди изобилия настоящей философской

литературы, я решил отлынивать от работы, отдаваясь изучению недоступных доселе областей знания. Там я впервые познакомился с теорией относительности, по запрещенной книге Эддингтона "Время, пространство, тяготение", с трудами Менделя, Моргана и Вейсмана, с работами Норберта Винера. Разумеется, у меня не оставалось времени на выход в рабочую зону. Лагерной администрации это не нравилось.

От меня требовали исполнения трудовой повинности. Я отвечал, что в

"соответствии с международными принципами декларации прав человека" никто не имеет права заставлять работать политического заключенного.

В лагере никакие такие права не были известны, Да и что за

"политические заключенные"? – Хрущев на весь мир заявил, что у нас нет "политических заключенных", а есть только "уголовники".

Заместитель командира отряда старшина Швед отводил меня на вахту, ласково приговаривая:

"За что ты мне так нравишься, Юрий Константинович, за фамилию? – и сам отвечал: Нет, за прическу. Такая она у тебя лохматая. Вот сейчас мы ее подправим, – заканчивал он елейным голосом, поскрипывая коричневой от времени машинкой, служившей, видимо этим целям не один десяток лет. Меня усаживали на табурет и начинали

"подправлять". Волосы, первой стрижки перед посадкой в ШИЗО

(штрафной изолятор), были частично острижены, частично вырваны, из лопнувшей кожи сочилась кровь. Шведу доставляло удовольствие

"пропалывать" головы своих жертв тупой машинкой. Он делал это приговаривая с интонациями Фигаро: "Ну, как, удобно ли, приятно?" В последовавшие за первой посадкой приводы, волосы не успевали отрастать, но Швед ухитрялся каждый раз вырывать те, что были подлине.

ШИЗО – это помещение на вахте, с камерами 2 Х 2 метра, с дощатым настилом, полметра над полом, с крохотной полоской печи, основная часть которой выходит в коридор, и разбитыми маленькими окнами.

Первая моя ходка произошла в ноябре, когда уже ударили морозы. Меня затолкали в это крохотное помещение, предварительно тщательно ощупав верхнюю и нижнюю одежду, и заперли на трое суток. Все остальные сроки пребывания в штрафном изоляторе я, как рецидивист-отказчик, тянул по семь суток.

Трудовая деятельность все же не обошла меня. Друзья уговорили поступить в аварийную бригаду Нико Пулоса – греческого шпиона. (Он под видом коммуниста учился в академии Фрунзе и был разоблачен бдительными чекистами). Это был интересный период, где приходилось работать, напрягая все физические возможности. Мы разгружали вагоны, складывали поступавший лес. Особенно запомнилась очистка котельного борова, где нам пришлось выгребать золу, слоем толщиной до метра, залитую водой, но мгновенно испарившую ее, и вернувшую нестерпимый жар. Когда мы прошли от топки до трубы и вылезли наружу, казалось, что уже никакие силы не сумеют заставить повторить подобный подвиг. Мы чувствовали себя сваренными снаружи, и изнутри.

На другой день в котельную грузовик привез несчетное количество папок с лагерными делами, накопившимися за период "культа личности". Тяга в топке была хорошей, листы пролетали боров и трубу, вылетали в небо и порхали над лагерем и рабочей зоной, как почтовые голуби. За секретными документами бегали надзиратели, хватали их с возможной поспешностью и тащили как ядовитых змей назад в котельную. Но нам все же удавалось прочитать некоторые уцелевшие страницы. То были старые дела, как правило, с однообразным окончанием: "Убит при попытке к бегству". Старые лагерники рассказывали, что в те времена любого неугодного могли пристрелить, бросить на проволоку, а потом указать вот эту самую причину убийства. И те же старые зэки утверждали, что уже не один десяток машин с расстрельными делами пропустили через эту самую Рузаевскую топку.

Примерно в тот же период меня поразил вирус очередной иллюзии, свойственной политическому романтизму. Я вступил в подпольную

"Прогрессивную партию России". Сколько-то дней ходил в рядовых, но вскоре, в силу темперамента, возглавил ячейку и выполнял функции по разработке оперативных акций. Один друг (ведь мы могли доверять только друзьям) из моей ячейки, при переходе из зоны в зону,

"раскололся" на вахте и передал "ксиву", (так мы называли нелегальные письма) лагерному начальству. Ксива содержала какие-то инструкции однопартийцам из 5-го лагеря. О провале мне стало известно от одного, тоже очень интересного человека, Андрея, генеральского сынка. Интересен он был тем, что исповедовал культ сверхчеловека. Запомнились его стихи где выражалось пренебрежение к человеческой жизни:

"Наш маршрут проложен и известен,

Даже чудо город не спасет.
И насвистывают ласковую песню
Мальчики готовые на все".

Он хотел быть "мальчиком готовым на все". Вначале он утверждался тем, что пошел против системы и отца, потом, в лагере, вдруг передумал, объявил себя стукачом и ушел дневальным на вахту. Что его заставило подойти ко мне и процедить сквозь зубы: "Бил раскололся, отдал ксиву куму"? – Неизвестно. Но в дальнейшем, представление о том, с чем придется иметь дело, позволило локализовать дело, ограничив его практически теми, с кем был знаком "Бил". Так я попал в одиночную камеру Саранской внутренней тюрьмы.

Кто не испытал муки этого нравственного омута, не поймет что чувствует человек поставленный перед выбором, в котором решается не только его судьба, но и судьба тех, за кого он несет моральную ответственность. Когда понимаешь, что твое поведение предопределено, но твоя гордость не может принять неизбежное. Что лучше, сотрудничество с властью или новый срок? – Для себя я бы выбрал новый срок. Но та, дьявольская казуистика, которая толкает нас повелевать судьбами других и брать их решения в свои руки, эта казуистика, когда-то толкнувшая Раскольникова на убийство старухи, подсовывает главный свой тезис: "Цель оправдывает средства". Не оправдывает. Но это понимаешь только потом. А когда твое сознание твердит о всесилии воли, о ее способности подчинить твои нравственные данные Богом основы естества, тебе кажется, что можно преодолеть все, ради служения другим, служения цели. Зная, что имелось в распоряжении следствия, я считал необходимым занять эту двусмысленную позицию. Все, кто оказался вовлеченным в водоворот лагерного дела, вольны были играть собственную роль. Я не имел такого права, они были моими "подчиненными" в партийной иерархии.

Господи! Какой идиотизм!

К счастью прозрение наступило довольно быстро. Я понял, что человек может принимать ответственность только за свою жизнь, только за свои поступки. Я решил положиться на ту данность, которая сложилась в тот момент и больше не дергаться, стараясь повлиять на возникающую цепь обстоятельств. Мой дух давно вышел за пределы материальных условий. Ведь я находился в одиночке. Здесь я мог принадлежать только себе! Здесь никто не мешал читать, размышлять и даже писать. Мне разрешили иметь карандаш и бумагу. Вся литература, которую я получал из отличной библиотеки Саранской внутренней тюрьмы, словно становилась в моем сознании мозаикой, из которой я

лепил собственную картину мира. Психология, биология, физика, социология, политэкономия, – везде я видел главную линию, придававшую смысл и ясность освещаемых теорией фактов. В тот период мое сознание освободилось от догм. Я понял, что мы всегда можем получить правду, если не побоимся взглянуть на жизнь без посредников. Слава Богу, – я не растерял друзей. Они поверили мне, а не моему поступку.

– Постой, постой! – Вдруг произнес Йорик, – мы легкомысленно миновали очень важную тему. Ты говорил о моральном выборе и как-то потихоньку окунулся в творчество. А вспомни, выбор начинался еще до того, как обстоятельства скрутили тебя в бараний рог. Вспомни, как внутренне протестовал ты против претензий твоего партайгеноссе.

Ведь ты уже подозревал, что это его затея и что у ППР вовсе не те масштабы, о которых говорит Эрик. Особенно остро проблема встала тогда, когда по его распоряжению вы должны были "дать урок" какому-то нерадивому члену партии – стащить с постели и назидательно поколотить.

Да было. "Генсек" потребовал исполнения партийной дисциплины.

Вообще, он был не силен в теории, требовал практики, железной дисциплины и беспрекословного подчинения. Зачем? Во имя чего? Так начинаются игры взрослых и ведут их куда-то, где бушуют войны и революции… или мелочное неудовлетворенное тщеславие.

Я помнил эту позорную и бессмысленную акцию. Мы тайком выбрались ночью из барака. Меня грыз вопрос: "Зачем?". Объект акции был извлечен на улицу и прижимался к стене барака, пугливо поглядывая на нас. Что могла рисовать его фантазия? Что могла нарисовать наша фантазия? Тот самый Бил, который позже "расколется оперу" успел приложиться к ответчику, оставив фингал, и сейчас ему было стыдно, как впрочем, и всем нам. Я, старший в группе, должен был найти какую-то логическую линию продолжения мероприятия. Испытывая замешательство, и непреодолимую жалость к этому человеку я решил ограничиться мерами психологического воздействия. Впоследствии он оказался нормальным, порядочным человеком. До сих пор я испытываю отвращение к "силовым методам" и стыд при воспоминании о той предутренней акции. Уже тогда мне становился понятным тупик, в который ведут подобные методы. Они позволяют утверждаться людям особого склада, с замашками фюрера, но нужны только им и больше никому. Глухая стена и бесперспективность возни стала очевидной для меня, однако в глубине нутра свербело упрямство и нежелание признать крах собственной позиции. Тогда я не мог

прочитать "Бесов"

Достоевского, книга не издавалась в Советском Союзе, и я не знал, что прохожу через давно уже испытанные другими состояния.

Разобрался в ситуации и мой друг, Боря Хайбулин. Он понял, что человек должен стоять перед Богом. Но его понимание не было радикальным. Он признавал роль посредников между собой и Богом, приняв сан и подчинившись православной иерархии. Сейчас, мне кажется, он обнаружил ошибку, но, взяв на себя ответственность за роль в иерархии, не в силах признаться в заблуждении.

– Ладно, продолжай, – великодушно согласился Йорик, после этого уточнения исторических обстоятельств.

Действительно, я чувствовал себя уютно тогда, когда оставался один и мог нести ответственность только за себя. Со временем это перейдет в понимание, а тогда было просто ощущением…

Тюремный мир, мир одиночной камеры. Он словно прообраз всей последующей жизни в этой стране, где я один, переполненный идеями, как Хома Брут не смеющий пересечь черту, обведенную вокруг могучим заклятьем. Эта одиночка выйдет вместе со мной из Саранской тюрьмы, бдительно оберегая от контактов с заколдованным обществом страны советов.

Люди!

Давайте будем хорошими.

Люди!

Зачем обугливать нервы.

Давайте шептаться мирными рощами.

Хотите

Я зашепчусь первый.

В тюрьме поэзия стала отдушиной. Я начинал писать стихи, когда обилие всевозможных теоретических откровений перегревало мое сознание, и требовалось остановиться и передохнуть.

Суд по новому делу состоялся в ноябре 1960 года. Фактически от его приговора никто не пострадал. Это не было похоже на решение

"самого гуманного суда в мире", но это было так. Задумываясь над парадоксами репрессивной машины государства, неизбежно приходишь к выводу, что она создана для обслуживания групповых интересов цементирующей ее бюрократии. Казалось бы, с точки зрения степени тяжести преступления, то есть: – создание подпольной лагерной антисоветской партии, в условиях, когда инициаторы уже

наказаны за контрреволюционную деятельность, наказание должно быть отпущено на всю катушку, ан, нет. Групповые интересы администрации лагерей и

Саранского КГБ, в ведении которого они находились, стремятся свернуть дело, потому что здесь затронута честь мундира, – ведь не могли же что-то создать на подконтрольной им территории, в течение вверенного им периода времени, их собственные заключенные! – В лагере контроль осуществляется тщательно и эффективно, и если что-то было, – это так, пустяки. Впрочем, не исключено, что существовало указание "свыше" об общих принципах подхода к подобным делам. И, несмотря на то, что следствие длилось более года, по приговору суда все новые сроки погашались предыдущими и не создали нам никаких дополнительных проблем. Впоследствии все, с кем мне довелось встретиться, освободились досрочно из мест заключения.

Переход из малой в большую зону (как мы называли всю территорию

Советского Союза) сопровождался всевозможными осложнениями. Я оставил Саранскую внутреннюю тюрьму с туберкулезом легких. Это выяснилось той же зимой, когда к туберкулезу я присовокупил левосторонний экссудативный плеврит. После лечения можно было предположить, что я готов для прохождения службы в рядах советской армии. Но не все так просто для человека, чья репутация лояльного гражданина сильно подмочена. В системе государственной власти существовали механизмы, позволяющие контролировать положение неблагонадежного в социальной среде. Поражения в правах не применялось де-юре, но применялось де-факто. В моем случае система действовала через психоневролога Сукманову, которая в специально организованной "доверительной" беседе с моей мамой, порекомендовала способ избежать службы в армии. Скажу честно, что ощущение патриотизма у меня не ассоциировалось с Красной Армией, но и что-то предпринимать для отсрочки и как-то "косить" я был не способен. Я мог отказаться по идейным соображениям и может быть "оттянуть" еще один срок, но вовсе не был готов к повороту, ожидавшему меня на пути исполнения "священного долга".

Итак, меня вызвали в военкомат для медицинского освидетельствования. Как оказалось, там уже было заявление о том, что у меня "не все в порядке с головой". Вся эта информация не сообщалась мне, а только толкала на проторенную властями тропинку, которая ведет к длительной изоляции неугодного члена общества. Мне поставили предварительный диагноз и отправили на принудительное лечение с "согласия

родственников". Конечно, можно понять мою маму.

Она не могла охватить перспективу последствий своего согласия с властями. Да и как протестовать в случае несогласия? Ее страдания, после того как меня посадили, были испиты полной чашей. Умер отец, на руках осталась дочь школьница. Местные радетели советской власти, проявив собственную инициативу, уволили ее с работы как мать

"врага народа", оставив без средств к существованию. Несколько месяцев ей приходилось обивать пороги, чтобы получить какую-то работу. И вот, из тюрьмы вернулся сын, которому грозила служба в армии, а значит, снова длительная разлука. Конечно, она старалась сделать все, чтобы оставить меня дома, да и что она могла изменить, даже при своем несогласии?

Я оказался в "дурдоме", а говоря официальным языком в "Областном психоневрологическом диспансере" в местечке Ляхово. Его так и называют, – просто "Ляхово". Ляхово – стало синонимом Лондонского

Бедлама, и когда какой-нибудь нижегородский острослов стремиться обидеть, он говорит: "Тебе только в Ляхово". Подобные места всегда использовались советской властью как опора режима. Когда нежелательны были суд и огласка, человека потихоньку отправляли в это заведение и двери за ним могли захлопнуться навсегда. Ляхово имело собственные тайны, хранившиеся уже без прежнего ожесточения, но под крепкими замками. В одном из корпусов и в 1961 году находились выжившие остатки довоенной оппозиции – троцкисты и прочие свихнувшиеся "каэры".

Лечащий врач, сухая дама с мужскими но мелкими чертами лица, просмотрев какие-то предварительные записи, сказала: "Ага…", театрально улыбнулась, и спросила:

– Так вас интересует философия?

– Да, – честно ответил я.

– Но вы же не закончили даже десятый класс.

В общем, стало ясно, что интересоваться философией могут либо профессора, либо шизофреники, – третьего не дано. Мне назначили курс инсулино-шоковой терпи, и поместили в отделение "спокойных", где лечились алкоголики и всякие неврастеники. Я опять почувствовал на себе эту огромную, жесткую и бесцеремонную лапу насилия. Она легко подхватывала меня, манипулируя телом по своему усмотрению.

Здесь царили законы власти, где человек переставал принадлежать себе и попадал в отлаженные шестеренки механизма, защищавшего систему. У меня мелькала мысль, о возможности уничтожения личности через процедуру "лечения".

Но я почему-то был уверен, что с моим сознанием ничего невозможно сделать. Я видел, как большие дозы инсулиновых инъекций превращали человека в животное; он мычал, из носа текли сопли, на губах появлялась слюна и пена, у него самопроизвольно извергалась моча, все тело корежило, подбрасывало вверх как от ударов электрического разряда, человек рыдал, издавал жуткие, леденящие кровь вопли. Но потом ему вводили глюкозу, давали стакан жидкого сахара, и он обретал человеческий вид. Видимо то же происходило со мной, не знаю, но я от больших доз инсулина терял сознание, стараясь сохранить его, и отчаянно цепляясь за первую ниточку восприятия при пробуждении. Я чувствовал себя вещью, но продолжал обладать безбрежным океаном внутренней свободы, с которым ничего не могли сделать и мои опекуны.

Я покинул Ляхово с диагнозом, делавшим невозможным мое пребывание в рядах советской армии. Военкомат, в свою очередь снабдил меня документом, превращавшим обычного гражданина в изгоя общества, -

"белым билетом", или, как его метко называли в народе, "волчьим". В моей жизни появилась страница, которую принято скрывать от окружающих вас людей. Ведь невозможно объяснить обычному человеку, что такой же как он, веселый, остроумный и симпатичный парень, на самом деле вовсе не такой. Но все-таки какой-то слушок проник, досужие мамаши шептались и передавали друг другу кривотолки, с особенным удовольствием подчеркивая фамилию. Во взаимоотношениях с официальными органами отныне у меня устанавливался особый режим.

Соответствующие инструкции и правосознание чиновников предполагали ограничения в деятельности и образовании для человека с "белым билетом". Кроме того, по официальным инстанциям тенью следовал за мной негласный присмотр КГБ. Уже в годы "перестройки" об этом мне сообщили те, кому поручались такие дела.

Но жизнь есть жизнь. Неурядицы ее материальных сторон не превратили меня в мизантропа и уж ни в коем случае не отвадили от пристрастий к теоретическому изучению мироздания и общества. Там где не было государства, у меня все было в порядке. Друзей было достаточно, меня интересовали девочки, да и я интересовал их, в общем, все "как у людей", за исключением того, что я по-прежнему много читал и занимался изучением самого широкого спектра знаний, – философии, физики, биологии, социологии, политэкономии и т.п. После того, как мой друг Илья, сдав вступительные экзамены на одни

"пятерки", не был принят в Казанский университет, я не

надеялся на то, что мне больше повезет, если я повторю его попытку. К тому же у меня появилось устойчивое неприятие официальных знаний. Я пытался продолжать учебу, обжигаясь о программы советского образования, словно это была раскаленная плита. Я не понимал, почему университетский курс не предполагает изучения теории относительности, я не мог понять, как могут "советские" знания обходиться без кибернетики, которая считалась "буржуазной шлюхой империализма", я не мог понять, как биология может существовать без генетики – "лжетеории Вейсмана – Моргана", я не мог понять, как цитология может обходиться без митогенеза Гурвича, а современная медицина без тории стресса Ганса Селье. Чему могли научить меня знания, в которых вместо истины преподавалось ее "классовое видение"? Со временем мировоззренческое ожесточение государства смягчилось, и успехи буржуазной науки без лишней помпы были признаны, но искалеченное мышление наложило свою печать на все формы духовной, научной и творческой жизни общества, затормозив на десятилетия развитие национального сознания. Даже сейчас, в начале третьего тысячелетия, слушая убогие суждения наших политических звезд и "светил науки" с удивлением понимаешь, что им никогда не освободиться от узости "марксистко-ленинского подхода" к реалиям мира и общества.

– А что ты хочешь, – вмешался Йорик, – всех, кто желал добиться успеха в этой стране, обстоятельства учили делать одно, говорить другое, а думать третье. Советское общество спряталось под самой большой маской, одетой на лицо целого народа. Его заставили жить по фальшивым принципам, лицемерные корни которых проникали даже в мелочи быта. На этом выросло несколько поколений. Куда денешь почти вековую закваску? Самое забавное то, что это сложилось в традиции, которые воспринимаются как норма жизни. Эти традиции успешно перенесли на "строительство капитализма", в результате появился монстр, в котором собраны все худшие стороны социализма и капитализма XVIII века. Где это видано, чтобы в начале третьего тысячелетия рабочему выдавали три талончика по четыре минуты на отправление естественных нужд в течение смены, как это сейчас делается на Горьковском автозаводе?

Реплика существа была справедлива и позабавила меня в той части, где говорилось о росте производительности труда. Об этом я не читал в газетах. Разумеется, Йорик знал, о чем говорит, – ведь он был частью глобального информационного поля. Но мы еще коснемся современного состояния общества, а сейчас меня ожидало новое погружение в прошлое.

Моя сестра находилась в Литве в Западной экспедиции от "Мосгидропроекта". С трудоустройством в Заволжье были сложности и мы предполагали, что в экспедиции по ее протекции мне будет проще получить работу. Этому эпизоду можно было и не предавать значения, но поучительно само знакомство с европейской жизнью, или того, что сохранилось от нее в прибалтийских странах, в частности в Литве.

Вильнюс, несмотря на свою древность и тесноту улиц, выглядел намного чище, чем российская столица. В Каунасе магазины, по сравнению с российскими, имели больше качественного товара, особенно продуктовых. Большие и малые населенные пункты соединялись асфальтовой дорогой, и жизнь в деревне казалась более осмысленной.

Эту жизнь уже успели изрядно покалечить наведением советского

"порядка", но культурная традиция устояла. Быт простых людей имел больше смысла. Правда, они уже научились тащить материал с ближайших строек, но еще держали свои квартиры открытыми, и сосед доверял соседу. Крестьянские строения разительно отличались от подобных в глубине России. Если строился дом, то он имел проект, в котором предусматривались все коммунальные удобства, котельная, гараж, несколько комнат и мансарда. Такие дома придут в Россию с "новыми русскими", но тогда, до "буржуазной революции" оставалось еще тридцать лет. Все-таки сложившаяся культура Прибалтики способна была продемонстрировать, что при желании можно обустроиться даже вопреки законам советской власти.

Но лично у меня в Юрбаркасе, где базировалась гидростроительная экспедиция, все как-то затормозилось. Не о чем было говорить как с хозяевами, у которых я снимал комнату, не о чем и с теми, кто составлял мое рабочее окружение, – только о девочках да на бытовые темы. Людей интересовали конкретные вещи в плане материального обустройства. Даже в библиотеках воцарился утилитарный подход, направленный на конкретное образование и полное отсутствие интересующей меня литературы. Разумеется, мне захотелось назад, в привычную среду, где труднее дышалось, но легче думалось.

Прокатившись по Прибалтике, я через полгода вернулся в Заволжье.

Я пришел к выводу, что надо что-то делать, потому что платоническое увлечение политикой и наукой сильно осложнит мою жизнь. Я предпринял отчаянную попытку сделать в своей жизни все "как у нормальных людей", – то есть, круг интересов, работа, семейное положение. Я устроился слесарем в управление

малой механизации. Сдав через некоторое время экзамен на сварщика, начал работать по новой специальности, не выиграв при этом в заработной плате. Но у меня появились какие-то деньги позволявшие подтянуть свой досуг к досугу

"простого советского человека". В свою очередь это означало, что можно гулять с друзьями, распивать бутылочку – другую – третью, самоутверждаясь в меру опьянения. Тогда у меня появился друг, Саша

Веденин, – человек с творческим воображением. Он хорошо рисовал и осмысленно относился к жизни. Недавно Саша прошел службу в армии, свежие впечатления еще не утратил, и имел по поводу наших вооруженных сил собственное мнение. "Это место, – говорил он, – где царят бесправие, насилие, несправедливость и жестокость". Что можно было бы сказать теперь, если кажется, в те годы мы еще имели причины гордиться своей армией. Как-то вечером, чуть-чуть подвыпив, мы прогуливались по проспекту Мира – главной магистрали отдыхающего

Заволжья. Мы заметили двух девушек, которые тоже прогуливались без определенной цели. Одна из них оказалась моей будущей женой – Ниной.

Надо сказать, что первые дни после свадьбы я брал себя за горло и лез из кожи вон для того, чтобы поместиться в прокрустово ложе

"нормального человека". Не вышло. То время, когда возраст приводит человека к порогу зрелого осознания жизни, было для меня временем духовного созревания. Конечно, я трудился во имя семьи, отдавая положенные часы на зарабатывание денег, но меня влекла к себе другая сила. Мои знания вышли на новую спираль. Наука и философия утрачивали загадочность далекой звезды и становились ступеньками, понимание которых приводит к другому, более высокому знанию. Тогда это было не вполне ясно, мне хотелось получить исчерпывающе представление о процессах отраженных в самих научных доктринах.

Противоречия существующих в европейских философских школах теорий познания, толкали на поиск основ нашей познавательной связи с миром не подлежащей сомнению. Тогда как-то по-особенному меня поглощала тайна живого. И вдруг, перед сознанием открылся новый мир, в котором все стало понятно. У меня появилась собственная теория познания и собственная концепция жизни. Я помню эту гордость первооткрывателя и пьянящее вдохновение, подобное когда-то испытанному в тюремной одиночке, но уже более управляемое. Мне казалось, что для разума не существует преград. Я видел социальную и экономическую жизнь общества через

закономерности информационных процессов. И в этом своем движении все дальше и дальше удалялся от официальных основ мировоззрения советского человека. То, что я делал

– не принималось им, то, о чем я думал – отвергалось им, то, как я чувствовал, противоречило его нормам. Я отчетливо понимал бесперспективность с социальной точки зрения всего, что я делал.

Сейчас, дожив до настоящего возраста, меня не огорчает, что все, что я пытался понять, сумел создать, не вышло в свет и не получило признания. Как оказалось, в философии я всего лишь заново прошел путь санкхьи и адвайты. Моя теория познания в главных чертах повторяла санкхью, а общий подход к восприятию истины бытия перекликался с адвайтой Шанкары, Раманы Махариши и Рамеша. Что касается науки, то ее движение поэтапно отражало осознанные мной теоретические основы, которые и определили ее современное лицо. То, что еще в шестидесятые годы я довольно подробно предсказывал и утверждал в физике, кибернетике и биологии, стало реализовываться с девяностых годов и до настоящего времени. И если бы не мои пожелтевшие от времени бумаги, в это трудно было бы поверить. Можно утешиться тем, что если я и не попал в официальную нишу, мои идеи витали в воздухе как осуществленные, так и осуществимые, и труд перед собой и Богом не был безумной бутафорией.

В это время у нас появилась первая дочь – Вика, Виктория.

Прекрасное создание, к которому я испытывал нежность и любовь всем своим сердцем. Появление Вики сгладило наметившиеся с Ниной сложности в отношениях, но, примерно через год, они выросли с новой силой, и уже не уходили из нашей жизни, до тех пор, пока мы не расстались окончательно. Первый разрыв заставил меня уехать в

Горький и там я работал некоторое время оператором-мотористом дренажных сооружений. После примирения, снова вернулся в Заволжье, но еще некоторое время по инерции работал на старом месте. Идиллия длилась недолго. На этот раз местом бегства оказался районный центр в Горьковской области – Ковернино. После "разукрупнения" районов, прокатившегося по стране как результат отказа от Хрущевских реформ,

Ковернинский район, входивший в состав Городецкого, был восстановлен. Журналиста из "Горьковской правды" Алина, послали в провинцию для реанимации почившей при "укрупнении" районной газеты

"Вперед к коммунизму". Он пригласил меня с собой в качестве сотрудника. Наверно во мне все еще присутствовало

желание покрасоваться перед публикой, – я согласился. Да и необходимо было как-то выбираться из жизненного тупика. Устройство на работу оставалось для меня большой проблемой. Я мог идти только туда, где были друзья, в противном случае возникали сложности заложенные властью в статус "белого билета". Ковернинский период имел все характерные черты свойственные опыту моего общения с советской властью, опыту присутствия в этой стране.

Нить повествования оборвалась, и мои воспоминания переросли в общие размышления о смысле постоянного недовольства властью. Процесс неопределенных мыслей, в которых присутствовало скорее настроение, чем размышление, прервал Йорик.

– Ложь, лицемерие и насилие, – вот что не может принять всякий нормальный человек, – назидательно произнес он. – Ты ощущал, прежде всего их, и протестовал против этого. В разном возрасте отношение имеет собственную окраску.

Рассвет России в языках пожаров.

Безбожность веры – в жадности попов.

И бездуховность – в красных комиссарах,

И безысходность – в ожиданье вдов.

Стихи как-то сами пришли в голову, то время и настоящее – соединились. Мое отношение к стране и жизни формировалось 66 лет, минус несознательный возраст, впрочем, и тогда оно формировалось.

Сегодняшняя ложь, лицемерие и насилие выглядят еще более отвратительными. Государство с многомиллионной армией чиновников стало циничней, наглее, бездушней. Вся эта человеческая мерзость, которая заполнила коридоры власти, должна была остаться там, где ее оставили нормальные страны, такие как Чехия, Венгрия, Польша и даже бывшая советская Прибалтика – на задворках истории и за пределами влияния на общество. Но произошло обратное – они не только не потеряли власть, они открыто и беззастенчиво отобрали у общества все материальные и денежные ресурсы, национальную собственность и принадлежащие всему народу богатства земли. И вот они снова кривляются, лгут и разлагают наши души и души наших детей. Мы уже не можем представить, как можно жить без лицемерия, угодничества и лакейства. Наше падение в бездну произошло так естественно и незаметно, потому что мы не знали и не сумели узнать другой, более достойной жизни, где бы почувствовали себя личностями и гражданами.

В любой мелочи, где вы попытаетесь отстоять свое достоинство и интересы, вас осадят, одернут, унизят, укажут на

место. Неважно где и на каком уровне это происходит – в магазине, где вежливость продавца сохраняется до первого столкновения интересов, в офисе, где вы выясняете ошибку бухгалтера, в конторах ЖЭУ, где вы жалуетесь на отсутствие услуг, которые оплатили по безмерно высоким ценам, – везде вы получаете отпор, жестокий, бесцеремонный, наглый и унизительный. Но это – низшая ступень власти, ее периферия, которая иногда может смягчаться, когда должность попадает небессердечному человеку. Но выше – все человеческое выжимается, как белье на центрифуге. Тенета системы четко улавливают всякое проявление честности, сострадания, принципиальности, способности широко видеть. Они оставляют для социального успеха только конформизм, преданное служение вышестоящему, умение подчинять устремления интересам системы, которая, в свою очередь, служит очень немногим конкретным людям.

– Да, да, да, да, – подтвердил Йорик. – Все, что ты нес через свою жизнь и выкрутасы сознания, как нельзя лучше пригодилось для желчного освещения сегодняшнего дня. Полюбуйся на Чечню и связанные с ней проблемы. Нет ни одного вопроса, который бы не вызвал обильного выделения желчи. Власть выработала особый стиль деятельности. Он, как ты справедливо пишешь, на жадности попов всех приходов, имеющих властные структуры, от кремля и до часовни. Он в нахрапистой наглости и бездуховности красных комиссаров, потому что эта форма и стиль власти признает только тип "красного комиссара".

Эти люди не знают что такое честь, долг, верность слову, благородство. Они отвергли все моральные и нравственные ценности, на которых воспитывались аристократы, имевшие личное состояние, интеллигенты, будь то ученые, писатели или инженеры, потому что они жили с сознанием своей незаменимости, уникальный талант каждого обеспечивал им надежное место в обществе. Торговое сословие, уверенное в собственной силе и энергии, потому что свобода торговли и рынка была естественным состоянием общественного механизма. Ну, и так далее. У всех членов общества даже при царизме, с его чисто

Российскими перегибами, имелась реальная основа для достойной жизни в обществе. А сейчас оно пропитано тем, о чем мы уже говорили – ложью, лицемерием и насилием. Все эти три столпа нынешней власти можно обслуживать только в форме холуйства, открытого или замаскированного, для того, чтобы получить виды на "кормление".

То, что Йорик поддержал настроение моего всероссийского

политического уныния, еще не означало, что я собирался переключиться на сегодняшний день, оставив в прошлом опыт общения с Ковернинским и колхозным бомондом, а также с голью перекатной из той же провинции.

Именно там я очень чувствительно прикоснулся ко всему, что сегодня оформилось в скорбные теоретические заключения.

Газета с весьма примечательным названием "Вперед к коммунизму", освещала "завоевания октября" главным образом в области сельского хозяйства. Промышленность в районе практически отсутствовала. Был деревообрабатывающий комбинат и кирпичный заводик, которые полностью вписывались в рамки и потребности колхозного строительства и обеспечивались колхозами. В газете имелся один отдел – отдел сельского хозяйства, и мы трудились, описывая передовые достижения в этой области. Районные власти возобновили свою деятельность весной, и земля еще хранила картины весенней распутицы. Впрочем, они будут сохраняться до первых морозов, но тогда мои свежие впечатления, что называется, оказались самыми глубокими. Первый рейс на автобусе в провинциальный центр длился более трех часов, чтобы покрыть расстояние в пятьдесят километров. Дорога, с глубокой, заполненной мутной жижей колеей, иногда переходила в небольшие полянки, где автомобили, в поисках твердой почвы, создавали новые канавы, часто застревая и оставаясь на месте в ожидании, когда трактор вытащит их на мощеную часть дороги. Таких переправ, где автомобили могли проехать только с помощью трактора, было не менее десяти на последнем двадцати километровом участке в сторону Ковернино. Но это была главная магистраль, соединяющая район с областью. Что же испытывали мы, отправляясь в спецкоровские командировки по сельским дорогам! Нельзя сказать, что на катастрофическое состояние дорог начальство не обращало внимание.

Каждый отрезок пути закреплялся за администрацией колхозов и совхозов, по которым проходили дороги. На особенно разбитых участках выставлялись таблички, с указанием расстояния зоны ответственности и наименованием ответственного хозяйства. Однажды мы выехали со вторым секретарем райкома и районным прокурором на УАЗе, с двумя ведущими осями, застряли, отъехав километра три от района, и, в ожидании трактора, прошли по дороге, разумеется, в резиновых сапогах. Трактор рокотал на другой стороне огромного дорожного озера, а рядом с нами из воды торчала дощечка с надписью: "Путь

Ильича" – 5 км", т.е. колхоз "Путь Ильича" отвечал за ремонт

этого участка дороги. Но выглядело весьма двусмысленно, – такого нарочно не придумаешь! В этом все – и интеллектуальный уровень, и ирония судьбы, и неприкрытая правда, и всеобъемлющая аллегория.

Ковернинская земля – родина далеких ярмарок, где торговали всевозможными изделиями крестьянского промысла, от знаменитой хохломской росписи, до Тарасовской валенной обуви. Спохватилась и советская власть, что можно на народном таланте и умении зарабатывать валюту и возродила промысел в нескольких деревнях. Не столько "возродила", потому что не перевелись умельцы с царских времен, сколько поставила на промышленную основу, обеспечивая и своих граждан, и заграничных любителей русской экзотики. Были колхозы зажиточные, где авторитет председателей, имевших высокие связи в области, сделал возможным создание в колхозах ферм по производству какой-то рентабельной продукции, например бройлеров и яиц. Жизнь наполнялась достатком там, куда приходили крепкие хозяйственные мужики, способные отстоять здравый смысл в ведении хозяйства и высеивающие лен на землях спланированных областью под кукурузу. Немало, правда, их полегло, на этих полях сражений, но после шестидесятых свою линию стало защищать проще. Но вот беда – добивались чего-то "крепкие председатели" и костенели в своем успехе. Много пили, бесцеремонно заимствуя деньги из колхозной казны, превращаясь в самодуров повелевающих судьбами колхозной челяди. Одного из таких – председателя колхоза им. Горького, довелось мне узнать очень близко. Интересный человек, незаурядная личность. Пришел в колхоз по "коммунистическому призыву". Чтобы поднять развалившееся хозяйство и вытащить утонувших в навозной жиже колхозных буренок, продал собственную "Волгу" и вложил все деньги в общее дело. За несколько лет сумел поднять и дух колхозников, и их благополучие. Построил птицефермы для мясных куриных пород, доходы возросли, колхоз вышел в "передовые".

Переманил он меня к себе на работу – директором Дома культуры, который построил для своих колхозников. Не жалел денег в оформлении

"очага цивилизации", согласился, чтобы я пригласил своих друзей – художников для оформления наглядной агитации и по колхозу, и настенной росписи в самом Доме культуры. Жили мы с Андреем Глебычем очень дружно, тянулся он ко мне, видимо ценя внутреннюю свободу и независимость мысли. Как-то даже поскандалил с женой и ушел жить ко мне на несколько недель. Много тогда было переговорено "за жизнь" и выпито водки на

колхозные деньги. Посылал Глебыч личного шофера за следующей дюжиной бутылок, как кончалась предыдущая. Помню, после этого долго я не мог преодолеть отвращения к "Старке" и тушеным в русской печи бройлерам. Но закончилась наша дружба тем, что и мной захотел распоряжаться председатель колхоза, а здесь нашла, что называется, "коса на камень".

Но, пожалуй, стоит вспомнить живую картинку последней размолвки с

Андреем Глебычем. Трещинки в отношениях у нас уже имелись, но тут приспел какой-то колхозный праздник, в общем, обычная попойка за колхозный счет для районного начальства и колхозников "в законе". К последним относился и я, как директор дома культуры и как лицо все еще приближенное. По причине моих приличных заработков семейные разногласия утряслись, и Нина иногда навещала меня в деревне Горево.

Случилось, что и на праздник она оказалась в колхозе. Глебыч, не равнодушный к "интеллигентному дамскому полу", повелел, чтобы я приходил с женой. Посадили нас поближе к председателю. Здесь в особом изобилии находился коньяк, шампанское, популярная "Старка", апельсины, бананы и немереное количество бройлеров. Все шло привычно-разгульно, широко и без обид, но вот Глебыч набрался сверх отмеренного даже для него состояния и стал материться в объеме, принятом для общения с колхозниками. Мои уши привыкли, но вот

Нина… В общем-то, как старая яхтсменка, на соревнованиях по парусу она слышала и не такое. Но тут на меня накатило. Я не мог терпеть мат в ее присутствии. Требовательные замечания не подействовали на председателя. Я завелся и пригрозил: – "Глебыч, убери мат, постесняйся Нину". Видимо, в присутствии районного начальства его возмутила моя непочтительность, и он особо витиевато высказался уже в адрес моей жены. Вообще-то пьяный я тоже дурной, и здесь взыграла и эта дурость, и праведный гнев. Я схватил Глебыча за его обширную талию, оторвал от застольной лавки, и, приподняв довольно высоко, протащил, под остолбеневший выдох присутствующих, через весь зал к выходу, и уже на улице засунул в сугроб. Конечно, после этого мы с

Ниной покинули "высокие палаты", а потом, и Ковернинский район.

Период ожесточения в супружеских взаимоотношениях утих и отполз в сторонку. Я уже приезжал по выходным домой в Заволжье, и размолвка с колхозным работодателем пришлась кстати.

Бросая итоговый взгляд на районный период, полагаю, что мне удалось изнутри увидеть проявление принципов советской власти на своем народе, прикрепленном к земле. Здесь в полной мере осуществлялся "тяп-ляп" нашего отношения к делу. "Крепкие" председатели действовали, полагаясь на интуицию, без глубокого знания экономических законов вообще, и, в частности относившимся к сельхозобороту. Да и не позволялось им. Тех, кто сильно

"высовывался", – убирали. Впрочем, "выдающихся" не стало на селе, научились деловые мужики вписываться в систему, избавляясь от излишнего мусора индивидуальности. Так и жили, – одни получше, побогаче, с пирами и попойками, другие – в привычной российской нищете, Ковернинскому люду еще повезло, – рядом богатые грибом и ягодой леса. Оттуда и набирались зимние запасы. Но насквозь, на

"передовых и отстающих", лежала печать необустроенного быта, наскока, бессистемности, отсутствия культурной традиции. А земля лежала огромная, но измученная, а леса стояли корабельные, но недоступные, с бестолковыми лесничествами. Прошли сталинские времена, когда лесничие избивали детей за хворост для печи, но страх перед госсобственностью сохранился. Если мужик строил для семьи избу, на это уходило полжизни, да и избушка вырастала низкая, тесная, с подслеповатыми окнами и огромной печью, так, чтобы прогревала все плохо проконопаченные углы. Конечно, можно было бы и основательнее возводить жилье, да несли мужики каждую лишнюю копейку в магазин. А на этом не сэкономишь. Самогона, так прилипшего к портрету русской деревни, тоже не нагонишься. Из сахара дорого, из свеклы – хлопотно, но главное и то и другое пахло тюрьмой и штрафами. Стукачество на соседа очень было распространено в деревне, как по самогону, так и по всему, что не поощрялось властями. Деревенский труженик был самым беззащитным и зависимым от властей существом, пресекалось любое слово, любая живая мысль, любое творческое начало. Отсюда – тотальное деревенское пьянство среди мужиков и баб. Это не возбранялось.

Должен сказать, что хоть мой опыт и насытился подробностями, но не изменился в теоретической оценке сущности системы. В колхозном быту советская власть в полной мере проявляла и насилие, и ложь, и лицемерие.

Итак, я вернулся в Заволжье. Для меня открывался новый период, в котором знакомство с многочисленными сторонами жизни страны – стройками, экспедициями, колхозами, совхозами и идеологией обслуживающей жизнь советского человека,

существенно дополнилась работой на "самом передовом", с компонентами зарубежных технологий,

Заволжском Моторном Заводе. В силу неисповедимых путей и неведомой логики советского типа производственных отношений, трудоустройство на завод на сей раз произошло гладко. В заместителях генерального директора ЗМЗ по кадрам, ходил Бросалов. До назначения это был весьма колоритный секретарь Городецкого райкома партии смещенный по личному указанию Хрущева. А еще до этого, Бросалов происходил из секретарей Ковернинского райкома и никогда не забывал о корнях происхождения. Когда я обратился к нему с заявлением о трудоустройстве, он, посмотрев в трудовой книжке записи о работе директором Дома культуры и сотрудником районной газеты "Вперед к коммунизму", предложил должность старшего инженера по кадрам третьего корпуса ЗМЗ. Тогда я еще не размышлял о том, как жизнь может манить подачками с барского стола, и что к ним надо относиться с недоверием и осторожностью. Я предполагал, что ЗМЗ рациональное индустриальное хозяйство, надеясь на то, что главный инженер -

Цукерман оставил в структуре производства неизгладимый след.

Цукерман – тоже история. В тридцатые годы он был послан от ГАЗА учиться в США, работал у Форда, вырос там до начальника цеха, вернулся в ССР, и, конечно, был посажен как шпион иностранной разведки. Но после войны являясь большим специалистом, был реабилитирован и вот сейчас нес ответственность за техническое состояние одного из "передовых предприятий" страны. Увы, вскоре мне пришлось убедиться, что ученик Форда так же бессилен перед своеобразием социалистической экономики, как и председатели колхозов. Но первое время я надеялся (надо сказать не сильно, во мне все же преобладал скепсис). Первое время на работе я пытался выдвигать разнообразные инициативы, – по организации труда, производства, внедрения технологических новинок. Пытался пропагандировать лекции, популярного тогда, только что вернувшегося из Штатов по приглашению Хрущева, доктора Терещенко, по научной организации труда. "У нас тут не Америка", – категорически отверг предложения начальник третьего корпуса Рабеко. Когда же я попытался убедить его в необходимости применения изотопов кобальта для повышения прочности режущего инструмента, он рассмеялся и сказал:

"Юра, что же там произойдет? – Железо железом и останется. Ты слышал, Коля! – Обратился он к вошедшему начальнику цеха алюминиевых деталей Чертовскому, – Изотопы делают железо

тверже!".

"Да что-то читал, – неуверенно буркнул Чертовской, недавно окончивший политех и еще помнивший физику и сопромат. Я возразил, что даже при термообработке железо меняет свойства. "Так то ж – термообработка", – многозначительно протянул Рабеко.

Ну, и так далее. А то, чем я должен был заниматься, в соответствии со своими прямыми обязанностями, было прямо противоположно и научной организации труда и рациональной технологии, являясь скорее антипроизводственной деятельностью. Я должен был выявить потребность производственных цехов в рабочих руках и составлял "проскрипционные" списки из "белых воротничков" на откомандирование с третьего этажа на первый. Там, люди, оторванные от кульмана, бухгалтерских, хозяйственных и прочих канцелярских забав, должны были погрузиться в настоящие рабочие будни. "Будни" отпускались в размере календарного месяца и люди отправлялись в цеха, как когда-то крепостные на барщину. Все это продолжалось из месяца в месяц, оставаясь абсурдом от начала до конца. Я заходил в какой-то отдел как вестник смерти и передавал поименные списки начальнику, обязанному обеспечить явку. Я старался быть объективным в выборе очередных жертв, правда, они так не считали. Тогда я включил самого себя, но вышестоящий по должности Уваров, неодобрительно покачав головой и заметив, что мы являемся организаторами производства, а не простыми рабочими, вычеркнул мою фамилию из списка. Но вскоре мне довелось испробовать пролетарского лиха в цехе сборки.

Как было заведено, каждую нерабочую субботу, или в ночь с субботы на воскресенье, руководство завода создавало дополнительные смены для выпуска продукции. С целью сверхпланового производства в цех сборки сгоняли всю "гнилую интеллигенцию", комплектовали команду по принципу "тяп-ляп", и выдавали на гора дополнительные движки. Сами понимаете, каким качеством обладали эти движки. На следующий за воскресеньем понедельник их разбирали и ремонтировали специальными бригадами, созданными из коренных сборщиков снятых с конвейера.

Такая перетасовка кадров, с точки зрения конечной продукции, производила нулевой эффект. Первая рабочая смена простаивала, так как все предназначенные ей детали были использованы в ночные сверхсмены, а интеллигенция и вверху, на собственной работе, и внизу, на службе пролетариату, особой пользы не приносила. В активе оставалась только железобетонная

твердость начальства, горькое разочарование инженерно-технического состава и сермяжная ирония рабочего класса.

В конце концов я уяснил все "прелести" синекуры, и чтобы не загадить душу окончательно деятельностью инженера по кадрам, написал заявление на перевод в цех сборки в качестве мастера.

Основной продукт моторного завода – восьмицилиндровый двигатель, только что получил новый цех с автоматической линией главного конвейера. Производителем автоматической линии был отечественный завод, но некоторые агрегаты комплектовались импортными деталями. На моей секции "В", пневматические шпильковерты имели английские дезутора. Симбиоз иностранной и советской техники принес неизбежный результат, – невыдержанный стандарт автомобильной шпильки с

Горьковского завода "Красная Этна", выводил из строя английскую технику. В первый же день официального пуска конвейера было поломано на 127000 английских фунтов стерлингов дезуторов, а в течение недели – цифра достигла 459000 ! Нет смысла описывать усилия по рационализации работы конвейера, но среди них, конечно, важное место занимает распоряжение начальника корпуса Рабеко:

"Немедленно изготовить для сборки 40 технологических ломов".

"Технологических" – ни больше, ни меньше! Эффект от автоматизации сборки восмицелиндровых двигателей был невелик, достаточно сказать, что для дублирования операции завертывания тех же пресловутых шпилек под головку блока, ставили от двух до четырех рабочих. При этом вчетвером за 20 секунд они ошпиливали блок, в то время как минимальный цикл конвеера равнялся 42 секундам, и часто его задерживали те же самые английские шипильковерты. Да если бы мужикам отдали 450000 фунтов стерлингов, которые в те годы равнялись: 1 -

3 $, да они бы!!! Впрочем, техника у нас всегда стояла и стоила выше человека.

В цехе сборки особенно остро чувствовалась несовместимость простого советского гражданина с Его Величеством Государственным

Планом. Бессмысленные сверхсмены потрясали завод снизу доверху.

Ночами перед выходными работали пестрые бригады из "пришельцев" и коренных рабочих. Они выдавали "на гора" продукцию, которую разбирали в понедельник утром. С хронометрической точностью смены по понедельникам простаивали. Начальство ничего не хотело понимать. Для них производственный абсурд был источником дополнительных

доходов, как для нынешних генералов Чечня. Апелляция к здравому смысли лишь вызывала раздражение. Они придумали даже специальный тезис, что

"сборка должна вытягивать детали на себя", – тот же Рабеко и все начальники цехов. Производственный абсурд для меня закончился тем, что я переругался с начальством, даже успел обидеть бывшего руководителя главка автопрома по кличке "Васька Кинжал", и ушел на линию "Рено" в алюминиевый цех.

Записи в трудовой книге между 05 1970 и 10 1971 изложены двумя строчками. Примерно так же кратко можно было бы сказать и о событиях того года. Меня снова позвали на сборку. Даже начальство вспоминало меня как неплохого мастера. Я согласился, но поставил условие, что числиться буду на рабочей сетке, а исполнять должность мастера. Как ни странно, такое условие увеличивало мою зарплату раза в полтора (ведь рабочий класс в ССР – гегемон, ему деньги и почет) и, снимало возможность наложения на меня взысканий как на представителя ИТР.

Начинался период вступления в самый важный период моей жизни. Это период радикального изменения системы ценностей, морального и духовного преобразования моей личности. Мироздание раскрывалось передо мною через систему своего нравственного порядка, указывая, что есть место в нем принадлежащее и мне.

– Тут я должен с тобой не согласиться, – внезапно запротестовал

Йорик, – Ты упустил одно из важнейших событий – твое крещение!

Нет, я не забыл, но мне хотелось рассмотреть это отдельно, правда, в таком случае нарушалась хронология. Поэтому я согласился с

Йориком и погрузился в воспоминания.

У каждого человека, который интересовался религиозными вопросами, наверняка было несколько открытий Библии. Сперва я прочитал ее, потом перечитал, потом открыл. Открытие последовало за изучением

Нового Завета, не как исторического документа, а как руководства к действию. При всем моем скептицизме, который был следствием осторожного подхода к социальным, экономическим и прочим теориям, я считал, что свое размежевание с атеизмом необходимо закрепить ритуалом, объединяющим нас с верованиями и традициями народа, к которому мы принадлежим. Я решил принять крещение, которое будет не формальным обрядом, а осмысленным погружением в

христианство. В это время мой друг по лагерю иеромонах Варсонофий, (Боря Хайбулин), служил в Муроме, в отдаленной от города церкви на погосте. Я помню, как добирался туда, через огромные квадраты созданные "великим

Сталинским планом озеленения природы". Это были густые полосы ярко-зеленых деревьев, отделяющих желтые пространства созревающей пшеницы. В тени нетронутого Муромского леса стояла великолепная церковь, обнесенная металлической оградой, внутри которой прятались кресты и надгробные плиты. Под уходящим высоко-высоко куполом храма я был единственным совершающим обряд крещения. Для меня приготовили купель. Когда я вышел из нее и перекрестился, оказалось, что я сделал это не совсем правильно – слева направо, по католически, а не по православному – справа налево. Варсонофий пошутил, что во мне видимо, сработала польская кровь, вспомнив свои католические корни.

Он провожал меня до Муромского причала, и снова мы шли по холмистой местности, расчерченной огромными зелеными квадратами с желто-зелеными лоскутьями полянок, на которых росли пшеница, горох и кукуруза. Я не мог сказать тогда, что испытываю чувства неофита.

Работа, которая происходила во мне, не прекратилась. Я продолжал двигаться к новым знаниям и открытиям. Это было лето 1970 года и мне недавно исполнилось 33.

ЗРЕЛОСТЬ

Но шло параллельно и какое-то затемнение. Суета свойственная специфике цеха сборки, проникла в мою душу и как-то затормозила сознание. Человеческие контакты, обряды, связанные с трудовым общением, дни рождения, премии, случайные и надуманные предлоги, предписывали определенную программу поведения. Работать приходилось, действительно, очень много. Работа изматывала, и пьяные встряски казались вполне уместными и освежающими мероприятиями. Я избегал, да и не особенно был принят в компаниях заводской элиты, но среднее звено и рабочие относились с уважением. С моей стороны требовалась взаимность, как и в любой нормальной формуле человеческого общения. Все это, вместе взятое, и вносило смятение в жизнь, в общем-то, непохожую на жизнь тех людей, с которыми приходилось общаться. Философия, психология, политическая экономия – присутствовали в сознании и времени, но как бы вращались по кругу в одной плоскости. Я продолжал быть автоматическим оппонентом государства и власти, но этот протест приобретал бытовой оттенок.

"Жизнь засасывает", – говорил я иногда сам себе, ничего не меняя в ползущей инерции. Так же буднично складывались и семейные отношения.

Нас с Ниной устраивал установившийся семейный конформизм, в котором мое состоявшееся возвращение, в сущности, не было до конца полным, но так легче было прятать взаимные упреки и обиды. Вика училась и уже не требовала пристального родительского внимания, тем более часть его взяла на себя бабушка и дед. И все же я ощущал движение деградации, а это только подхлестывало на какие-то действия, где не надо ни о чем думать, и опять возникало сожаление, и опять за ним следовал похожий день. Во мне шевелилось желание уйти от такого быта и заползало тяжелое ощущение, что так и будит продолжаться, – вот он этот день, проштампованный в недели, месяцы, годы. Движение в сторону – нарушит молчаливое признание проблем, которые в такой форме устраивают семью, нарушит сложившееся хрупкое равновесие.

Но мы уже вписаны в книгу жизни. Понимание этого иногда приходит слишком поздно, или вообще не приходит. Мы можем бежать, можем обманывать себя, говоря, что не слышим барабанов судьбы, но судьба не спрашивает нашего разрешения. Мы пробуждаемся и начинаем вести себя так, словно делаем все по собственному желанию. Так произошло и со мной, когда на

этой самой сумасшедшей сборке, я встретил Катю.

Ей было 19, мне 34. Ее ответное эхо напомнило, что я не один на этой планете, и не являюсь пасынком на празднике жизни. Как она решилась стать моей женой – не знаю. Но этот выбор состоялся и мы никогда не пожалели о нем.

Любовь моя! Храни тебя Господь.
Ты словно свет в дороге нашей странной.
И что во мне больной открылось раной
Ты исцелишь, как собственная плоть.
Любовь моя, прости меня за все,
За жизнь мою и нрав непостоянный.
Кто голос мой отвергнет покаянный
Пускай твоим прощением спасет.
Любовь моя, благодарю тебя
За то, что ты в судьбе моей явилась.
И мне Господь послал такую милость
Когда любимым можно быть – любя.

Стихи я напишу потом, когда у нас уже будет взрослая дочь и еще маленький сыночек, но в стихах отражается и то, что должно было произойти с нами и то, что произошло. Решимость, вначале вовсе не легкая, подобно прыжку с парашютом, позволила мне возвыситься до ее верности. Я получил человеческий образец внутренней чистоты и до сих пор удивляюсь, что щедрый пример создан именно для меня. Жаль только, что Вика приняла на себя удар и моего разрыва с Ниной, и моего обретения новой семьи. Но таков закон, и матери используют его в полной мере, чтобы отряхнуть часть собственной вины в том, что произошло с нами, и сделать разрыв с ребенком более горьким.

Краем глаза я заметил движение на столе и понял, что Йорик собирается вмешаться в процесс повествования.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, – твердо остановил я нетерпеливую попытку комментатора, – Но есть вещи, которые приходят и уходят только с нами, и никогда не станут предметом чужих умов.

– Но вот это замечание, – лукаво заметил Йорик, – оно для чего? -

Чтобы посеять сомнение в каких-то деталях твоего повествования. А в какую сторону сомнение? Когда читатель узнает о чем-то недоговоренном, он начинает подозревать, что от него скрыли самое важное. К кому относится это важное? Чья это тайна: твоя, Катина или

Нины. А может быть это связано с твоей дочерью? – Он помахал ручками и ножками, протестуя против моего возражения: – Я не собираюсь требовать ни откровений, ни оправданий, я

просто констатирую факт.

Если ты молчишь, – то молчи, а если приглашаешь меня высказать комментарий, – излагай суть дела.

Он был прав, но я ничего не ответил. Действительно, когда мы описываем события, взятые из реальной жизни, то обязательно должны придерживаться какой-то схемы. Но сама жизнь – она полнее. Стремясь быть точными и объективными, мы никогда не должны забывать, что наше письмо – не просто воспоминание, мы сообщаем его другим людям, с особенностями мышления, психологической реакции, жизненного опыта и нравственных ценностей. Мы должны учитывать, что вещи, простые и естественные для нашего сознания, совсем не обязательно должны быть таковыми в других умах. Поэтому я и посмотрел, Йорик, в твою сторону, чтобы ты напомнил, – мы не можем пером передать всю сложность жизненных обстоятельств, но это не означает, что их не было.

8 апреля мне исполнилось 35 лет, а 13 мы с Катей ушли из квартир, где оставалось все наше прошлое, где мы выдержали первые баталии за право семьи на существование. Мы уехали в Городец, и на некоторое время поселились у друзей. Нищенские зарплаты советского человека не предусматривали достойного существования. Требовалось немало времени, чтобы обустроить быт, и нам, на первых парах, пришлось несладко. Этот период не отличался особенными событиями, разве что приходилось часто менять квартиры. Но главное – наша позиция в этих условиях. Когда мы читаем книги о великих людях, монархах, ученых или завоевателях, перед нами возникают какие-то машины исторических свершений, а если мы пытаемся заглянуть в мелочи их быта, то замечаем, что по-человечески они не всегда успешно справлялись с мелочами. Шопенгауэр был желчен, раздражителен и мстителен, мастер дзен-буддизма и великий его знаток, Судзуки, справлялся со своей вспыльчивостью, даже в преклонном возрасте, с помощью колокольчика, в который звонила, видя возбуждение супруга, его жена. Рассматривая эти примеры, невольно задумываешься над тем, как много сил требуется человеку, чтобы защитить главное дело своей жизни. Как много великого похоронил под собой этот житейский, мелочный хлам. Если говорить о нашей жизни, моей и Кати, – мы прошли через все капканы и западни, которые быт ставит, стремясь разрушить (или испытать на прочность) человеческие чувства, и сумели сохранить их. И надо сказать, что важнейшая роль в этом созидании семьи принадлежала особой человеческой интуиции Кати.

Но ни на минуту, в самых головокружительных сюжетах

жизни, я не переставал ощущать боль нашей огромной истерзанной страны, ее обманутого народа. Это чувство словно гиря лежало и лежит до сих пор у меня на груди. Оно становится еще чувствительней от бессилия перед несправедливостью и насилием, воплощенном в системе государственного правления. Поэтому свет, исходивший от книги

Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ", свет свободы и сила правды, встряхнули меня, пристыдив и подсказав, что мой пессимизм слишком преувеличен. Я сидел у приемника, слушая ежедневные читки радиостанцией "Свобода" глав из "Архипелага". Я записывал отрывки на магнитофон, а потом перепечатывал, восхищаясь и наслаждаясь текстом. Я, казалось, не верил своим глазам. Великое слово правды, которую держала под замком эта чудовищная власть, наконец, вырвалось на свободу и теперь уже ничто не удержит его. Сопливые либералы запада, мечтающие о "передовом опыте" увидят подлинное лицо этой системы. Книга Солженицына как очистительная волна бежала по миру, открывая глаза миллионам людей. Она прокатилась по

Португалии, и на смену павшей фашисткой диктатуре не пришел коммунистический режим. Если бы не Книга, Португалия вполне могла стать одним из "оплотов" социализма. Эта великая книга напомнила всему миру о силе открытого слова. Есть, есть слово, способное пробиться сквозь алчность, жажду потребления и эгоизм, в человеческую душу, и воспламенять сердце праведным гневом.

Перечитывая написанное на этой странице, я представил себе физиономию российского редактора (едва не сказал "советского").

Впрочем, хоть и трубят эти редакторы о зависимости издаваемых ими произведений единственно от спроса, и свободе слова, а так и остаются "советскими", потому что не научились принимать на себя ответственность и продолжают обслуживать чьи-то интересы. В общем-то, это интересы власти, не важно кем она представлена – олигархами ли, администрацией ли, или еще какими-то пауками, повисшими над "независимым" редактором. Так вот, представил я эту физиономию, – физиономия кислая. "И что это тут понаписано! -

Никакого патриотизма, все русское опошляется, ниспровергается. Нет любви к русскому народу! Ну, и тому подобное. Есть у меня возражение для этого редактора: во-первых, сам-то я – русский, хоть и пишусь в паспорте "поляк". В "поляке" есть собственные резоны, – не мог я писать "русский" когда мой отец от страха перед властью скрывал свое польское происхождение. Но вырос я в русской культуре, а широта этой культуры была свойственна очень многим россиянам, от

Рериха до Солженицына и Сахарова, и я хотел бы смотреть на Россию их глазами. Россия – это моя жена, Катя. Я не могу представить ни одной страны, где могла бы возникнуть такая душа как у моей жены. Где могла бы быть такая безграничная доброта, сострадательность, стремление к пониманию и помощи. Ведь все эти качества должны же на что-то опираться в самой жизни, и эта жизнь проходила именно в

России. Боль страны, ее несправедливость, ее жестокость и звериная жадность, ее хамство и бессердечие, все это порождает великие искупительные качества у настоящих людей. Этих настоящих людей бесчисленное множество в России. Одна из них, моя жена, Катя.

Бескорыстные поиски истины иногда прерывались размышлениями, – а не написать ли что-то такое, что не будет "правоверным", с точки зрения советской власти, и вместе с тем, окажется приемлемым для ее цензуры. То есть просыпалось естественное желание публиковаться и рассчитывать на какой-то гонорар. Такие попытки были возможны в жанре фантастики. На прилавках советского книжного рынка появлялись произведения Ефремова, далекие от идеологической ортодоксии, братьев

Стругацких. И для меня жанр фантастики казался единственно подходящим, из-за возможности иносказания, аллегории, символа.

Вообще-то художественная литература казалась занятием несерьезным.

Чуть-чуть стихов – для души, небольшие аллегорические рассказы. Но в тот период появилась идея фантастического романа, где я мог использовать знакомство с наукой и философией. Меня всерьез тревожили возможности науки и то место, которое она займет в человеческом обществе будущего, я считал, что международные институты должны поставить под контроль некоторые научные направления, таящие потенциальную угрозу. Так появился роман

"Демоны поиска". С ним будут связаны многочисленные хлопоты и разочарования. Рукопись, отправленная в издательство "Молодая гвардия", через месяц вернулась назад с печатью издательства, но без объяснения. Я решил предложить "Демоны поиска" в Волго-Вятское издательство, которое располагалось в Нижегородском кремле. Тогда не сложно было оказаться на приеме у самого редактора. До этого я встречался с ним пару раз в Горьковском Союзе писателей, куда залетал скорее случайно, чем с корыстным умыслом. Он объяснил простую вещь – моя фамилия находится в списках идеологического отдела обкома партии, которые составляет КГБ. "Вряд ли, – сказал он,

– вы получите возможность печататься на страницах горьковских изданий". Что такие списки существовали, мне удалось убедиться несколько позже, но тогда, с рукописью, видимо имелись более простые причины. О них, довольно откровенно, мне поведал еще один директор издательства, в Красноярске.

Попасть в Красноярск меня побудили две причины – надежда в месте, где неизвестно мое "антисоветское" прошлое, пристроить роман, и, конкретное желание заработать в регионе с более высоким коэффициентом оплаты труда. Стремление подработать объяснялось появлением у нас с Катей доченьки – Дины. Своей квартиры не имелось, мы жили у тещи, и я, при всем умении ладить с людьми, чувствовал себя там не вполне комфортно. В Красноярский край я отправился с двумя друзьями по работе – бригадиром секции "В" Лешей

Корсаковым и испытателем двигателей Володей Лютовым. Внутри нас бродили иллюзии и уверенность в том, что подработать с нашей энергией в краю высоких заработков – дело плевое. Красноярск встретил густым желтоватым смогом алюминиевых гигантов расположенных на левобережье. Силуэты зданий по другую сторону холодных вод

Енисея казались погруженными в лимонный сироп. Нам пришлось пожить некоторое время именно в этом сиропе, потому что там были свободные места в гостинице. Они не только имелись, но и стоили значительно дешевле, как раз по экологическим соображениям. Одновременно с поисками работы я отправился на розыски центрального краевого издательства. Вот здесь и состоялась откровенная беседа редактора с наивным претендентом в писатели. Он объяснил, что я напрасно трачу время, пытаясь пристроить довольно объемистую рукопись, что включение в график издания – вещь сложная и требует совсем другого уровня связи с издательством и местным союзом писателей. На мое неуверенное предложение хотя бы прочитать рукопись, редактор, иронически усмехнувшись, ответил, что никто эту рукопись читать не будет. Даже если бы он знал, что перед ним гениальное произведение, то и это ничего не меняет. У них своя очередь на кусок хлеба, а искатели славы пусть обивают пороги столичных изданий, впрочем, и там такая же история. На вратах области литературного соискания славы написано то же, что и у входа в Дантов ад: "Забудь надежду всяк сюда входящий".

Мне неоднократно приходилось убеждаться, насколько это соответствует истине. Попытки заинтересовать Аркадия Стругацкого, закончились безрезультатно, он как ежа отстранил от себя протянутую рукопись, не впустив в прихожую, после

нескольких ничего не значащих фраз захлопнул дверь. Даже сын Ивана Ефремова, работавший в экспедиции Мосгидропроекта с моей сестрой, категорически отверг возможность знакомства с рукописью его отцом.

Между тем, надежды на высокие заработки растворялись по мере нашего поиска работы. Во-первых, был "не сезон", во-вторых, заработки появлялись вместе с приобретением льгот возникавших при длительном трудовом стаже на постоянном месте работы. Нас это не устраивало. Помахав топорами на широких просеках будущей дороги в

Саянах и побегав вверх-вниз по предгорьям Алтая, я вернулся домой. В кармане у меня лежали письма от Кати. Они жгли меня, и я как ребенок испытывал всю правду выражения: "Мама, я хочу домой".

В этот момент существо зашевелилось, и я услышал его вкрадчивый голос:

– Не ожидает ли нас рассуждение о главных ценностях жизни? Ведь ты кое-что пересмотрел, встретившись с настоящим чувством. Твой хваленый рационализм извинился и подвинулся.

Да, что-то такое было, но я привык анализировать все, что происходит со мной, рассматривая обстоятельства в общечеловеческом, социальном, и даже в космическом плане. Я никогда не забывал о биологических принципах взаимодействия людей и общества. Мне было интересно проследить, насколько внутренняя свобода зависит от моего чувства к семье, полноты потребности служить семье. По каким тропинкам необходимо пройти, чтобы служить истине, понять истину, приблизиться к истине, почувствовать истину, в конце-концов, задать вопрос: "Что есть истина?" Ведь этот процесс предполагает, что человек должен стремиться к чему-то высшему, что делает осмысленным и оправданным его существование на этом свете. Или, иными словами,

– кто хозяин: мы или бытие, обстоятельства? В принципе, ответы на эти вопросы есть, но если мы займемся ими сейчас, то никогда не доберемся до продолжения повествования. Лучше отправить читателя к

Библии, Ведам, самхитам, упанишадам и т.д., а здесь должен сказать, что мой рационализм еще не был подорван до такой степени, чтобы я ощущал себя не способным к контролю над обстоятельствами.

В начале движения по жизни, я задавал себе вопрос: что способна совершить воля в достижении цели или решении жизненных задач? У меня было пару философских эссе на эту тему. Частично я пытался изложенные там идеи претворить в

жизнь. Вообще-то, пока человек молод, ему лучше думать, что воля всесильна. Я так и поступал, навязывая организму определенный режим сна, отказываясь от курева или еще чего-то, заставляя себя писать, читать, когда этого мне вовсе не хотелось, и тому подобное. С возрастом, приходит понимание, что не все так просто. Но Йорик был прав. Действительно, именно тогда, в семидесятые годы, стало приходить понимание, что жизнь в значительной степени явление личного свойства и наши социальные, пассионарные движения души, отражают заинтересованность личности в самоутверждении, или утверждении насущных, если так можно выразиться, потребностей. К ним могут относиться все интересы – от интеллектуальных и духовных, до сексуальных и физиологических. При этом происходит рационализация в стремлении придать более низким потребностям более возвышенный вид…

Возвращение домой сопровождалось некоторым смирением перед обстоятельствами и осознанием недостаточности одних только волевых усилий в достижении цели. Я начинал понимать, что чувство имеет право на существование, и за ним могут скрываться более фундаментальные причины мотивов нашего поведения, чем у интеллекта.

Это понимание переопределило, в свою очередь, начало нового этапа познания – познания себя. Силы, направившие меня в сторону такого познания, давно бродили в сознании, как бы ожидая, когда им откроют двери. Я вернулся к индийской философии уже без высокомерия европейца. Здесь обнаружилось, что принципы моего мышления очень близки индуистским, что моя теория познания отражает логическую систему философии санкхья. Мне не нужно было искать доказательств правильности философских рассуждений, они уже имелись у меня. Я словно вернулся в страну своего детства, где говорят на родном, немного забытом языке, который в полной мере можно обрести вновь.

Мой вызов системе и ее власти отошел в сторону. Не то что бы проблема перестала интересовать мое сознание, она просто перешла во второстепенную. Для меня открывался путь йоги. Йога – особая степень свободы, особая степень бесстрашия сознания, в ней освобождение не только от социальных или религиозных догм, здесь освобождение от собственных заблуждений, а они, как известно, самые устойчивые, самые незаметные, потому что принадлежат нашему разуму и постоянно мимикрируют в нем.

Это было время, когда произошли изменения не только в области духовного сопряжения с миром, но и в бытовых условиях

– мы получили квартиру. Новое место обитания совпало с изменениями взглядов на роль тела, физиологии в той системе мышления, которая присутствует в каждом мгновении нашего бытия, а не только в теоретических построениях о нем. Это было время освоения принципов хатха-йоги, с близостью к природе, правильным питанием, рациональной гимнастикой.

Я перевернул кучу литературы, которая еще не издавалась в Союзе, ее перевод и размножение полностью зависели от энтузиастов. На старенькой пишущей машинке я перепечатывал тысячи страниц самиздатовского текста, погружаясь в мир строгой этики, ясного мышления, высокого благородства и духовной дисциплины. "Запад – есть

Запад, Восток – есть Восток, и вместе им не сойтись", – как говорил

Киплинг. Да, на Востоке глубже традиция, глубже проникновение в законы, которые нам передает космос, позволяя жить на земле; глубже, точнее, осознание вселенской связи. Сама передача информации в восточных вероучениях и философии, имеет много уровней посвящения и ступеней познания. Пока мы не подходим с полным доверием к этому процессу, нам не проникнуть в его глубины. Часто именно европейское высокомерие является причиной, по которой не раскрывается эта пещера

Алладина.

– Вспомни, – пробормотал Йорик. Он хотел картинкой из прошлого оживить мои воспоминания. Воспоминания о периоде в котором менялось все, – от места жительства до мышления и тела.

Новый, девятиэтажный дом, с привычным для новостроек пейзажем – какие-то вагончики, где мы получали оборудование для квартир. Кучи мусора, глубокие траншеи, частично необходимые для коммуникаций, частично ошибочные. Пушистый серый кот Персей, осторожно пробирающийся через строительный хлам. Он будет падать с балкона четвертого этажа в погоне за птичками, а я находить его слегка оглушенного от полета в траве, и возвращать обратно. Наша квартира пахла свежей хвоей, потому что я купил доски, чтобы создать встроенную мебель для книг и всего остального. Стратегическая позиция дома была довольно выгодна, с точки зрения возможности общения с природой. Зимой – лыжня в ста метрах от дома, летом – заливные луга с Приволжскими озерами, да и сама Волга не так далеко.

Мы всей семьей – Катя, Дина и я выезжали к озеру Долгое, на заливные луга, где пахло душистыми травами, где спела крупная

луговая клубника, голубика и кусты дикого орешника. Там у меня появился, после перерыва почти с самого детства, загар. Мы купались, я возил Дину на себе через небольшие глубины озера. Мы приходили на следующий день и смеялись над мамой, когда она неловко перенеслась на велосипеде через небольшую балку и зарылась носом в грязи.

Подумать только, подобный невинный садизм обычно вспоминается с особым удовольствием. Память вспыхивает не только яркими бликами, солнечными зайчиками воспоминаний, но и открывается панорамами картин, куда вмещаются и события и годы. Все это было со мной, и никакая власть не могла отобрать отмеренное там счастье.

Но течение времени вновь подхватывает и уносит туда, где я должен узнать, понять, преодолеть. Усилия, совершаемые в жизни, находяться в зависимости от идеи, ради которой они совершаются. С юности, если нами движет мощная пассионарная волна, растущая где-то внутри, кажется, что необходимо служить великим маякам – всеобщего счастья, равенства, братства ну и так далее. Или это могут быть поиски чистых знаний, громких открытий, и опять-таки, во имя человечества. Для меня пришло время, когда я мог повторить вслед за Сократом, что "я знаю, что ничего не знаю". Но йога ведет дальше, там, где начинаешь понимать, что самоценно каждое мгновение, каждое существо, каждый эпизод жизни. Мироздание пишет собственную особую летопись, в которой великие завоевания Александра Македонского положены на одну чашу с порывом материнской любви, или героизмом скромного землепашца защищающего свою семью, или, даже более, – способностью преодолеть в себе неправедный гнев. В мире нет пустяков. Революция может потрясти континент, но для человека важнее личное преодоление, ибо космос именно это вносит в свою летопись. Мы нужны как личности и общественные потрясения всего лишь слабый фон, на котором реализуется индивидуальное начало. Великое, совершившееся в пещере йога или в дружной семье, не достигает газетных полос, но для мироздания не менее значительно, чем мировые сенсации. В общем, в тот период я понял, что нет пустяков, а значит, и нет места, куда следует рваться. Если мы осознаем, что мы дома, мы действительно обрели дом. Буда спросил своего ученика, увидев его за воротами храма: "Манджушри, почему ты не входишь в храм?" На что Манджушри, проникший в суть буддизма, отвечал: "Куда мне идти? – Я не вижу ничего кроме храма". Так же и мы успокаиваемся, когда приходит понимание. Все, что мне требовалось для реализации, было в моей семье. Требовалось

лишь постоянное усилие, чтобы это понимание не рассеялось, не превратилось из религиозного в бытовое. Первые усилия, еще наполненные суетливостью неофита, я совершил в этой новой квартире. Потом они утратили неопытность и превратились в систему. Я делал гимнастику каждое утро, и меня постепенно отпускало зло, которое присутствует в каждом как первородное начало. Во мне просыпалось ощущение спонтанного знания того, с чем приходилось соприкасаться.

Но жизнь имеет собственные сюрпризы. Желание взять под контроль то, что мы начинаем понимать, но до чего еще не доросли, может незаметно обмануть любого, даже опытного человека. Но ведь мы созданы раскрывать неведомое, разве мы можем обладать опытом в этом неведомом? Мне стало недостаточно квартиры, она стесняла своей городской сухостью. Нам с Катей не нравился воздух, проникающий именно тогда, когда я хотел проветрить комнату. Рядом располагалась заводская свалка, и там постоянно что-то горело, распространяя смрад. Буквально через дорогу закончили строительство заводской котельной, и дым от сжигаемого мазута наполнял комнату при северо-восточном ветре. Сверх всего, перед нами со стороны солнечного восхода стали строить дом, который должен был подняться выше нашего на два этажа. Мы решили, (вернее я решил, а Катя не возражала) поменять квартиру на финский домик.

"Тук-тук-тук", – Явственно услышал я неопределенно исходящий откуда-то звук, и вопросительно посмотрел на Йорика.

– Это к тебе постучала Россия с обратной стороны экрана телевизора. – Невозмутимо разрешил он мое недоумение, – Когда ты пишешь, находясь во времени, к которому относятся воспоминания, ты продолжаешь, естественно, оставаться в настоящем моменте, поэтому реальное время может взять и отправить тебя пообедать, сходить в магазин или постучится, как сейчас, с обратной стороны телевизора.

Сегодня 12 июня 2003 года – День Независимости России. Правда, слово

"независимость" убрали с вывески праздника, но все остальное осталось. Того, что осталось, более чем достаточно. Отцы народа собрали себя на Красной площади, усадили на шикарные лавки, стыдливо прикрыли полотнищем государственного флага мавзолей, чтобы дедушка

Ильич не смотрел на безобразия своих внучатых племянников, и стали потреблять приготовленные для себя зрелища. Поистине, праздник олигархов. На лавках одно

федеральное начальство, включая президента. Что он хочет сказать в своей речи? – Ответа нет. Это можно только наблюдать и делать собственные выводы.

Я возразил:

– Ты вот тут употребил имя Ленина, связав с местами на лавках перед кремлевской стеной. Но это всего лишь кич, не более. Ульянов был обольщен идеей высшей социальной справедливости. Она его ослепила. Он довел до абсурда заповедь справедливости – "око за око", и никто не может сказать – раскаивался он или нет. Есть основания поддержать версию раскаяния, так же как и противоположную. Но что сделали наследники этой великой лжи? – они создали ложь просто невиданных размеров, и она возникла уже не благодаря обольщению лукавого, а вполне осознано. Теория лжи предшествовала ее воплощению на практике, и даже сатане здесь нечего было делать. Если в первом случае он обольщал, чтобы потом человек пожинал кровавые плоды, то у наследников зло уже воплотилось в самом сознании, оно планировалось как великое жертвоприношение.

Наследники перестали быть инструментом дьявола, они стали его институтом. Они создали обряды, закрепляющие свое торжество.

Йорик пошевелил пальчиками, словно не имел ничего против моих рассуждений, и мы воззрились на экран. Там, на площади бывшей свидетелем самых страшных российских преступлений сейчас сидели те, кто создал это общество, и потребляли зрелища приготовленные для себя. В небе проносились "Русские витязи" и "Стрижи", на брусчатке кружились раскрашенные в триколлор, студенты и физкультурники обоего пола, а где-то поодаль, за многослойным милицейским и спецназовским оцеплением шумела толпа из праздных и прикормленных властью граждан

Российской Федерации. И уже совершенно нагло в мою квартиру врывался восторженный комментарий телевизионного ведущего. И невольно вспомнилось недавнее, еще более позорное зрелище, – празднование 300-летия Санкт-Петербурга. Они сделали целый город ареной своих развлечений. С одной стороны – избранные под заслонами вооруженной охраны, с другой – отгороженная в загонах толпа, где все смешалось – влюбленные и пьяные – те, которые вопреки рекомендации властей уехать за город, остались в Петербурге, брели по набережным в надежде разделить торжество с гостями города. Многие, потеряв терпение в поисках отхожего места, прямо среди толпы справляли нужду не стесняясь друг друга.

Впрочем, об этом будет возможность поговорить, когда мы

попадем в надлежащее время. Разумеется, наше рассуждение по поводу священных коров выглядят как злопыхательство, ведь в России люди мгновенно забывают о том, как их обманули, унизили, разорили и уж тем более не хотят видеть, кто это сделал. Русский человек понимает, что он продолжит свою жизнь во власти деспота и уж лучше сделать вид, что правят добрые отцы и рачители интересов народа государства

Российского, чем такие, какие есть. Тем не менее, здесь уместно было бы добавить несколько цифр, которые я записал из речи председателя парламентского комитета по безопасности Александра Гурова, бывшего генерала МВД, человека знающего свое дело. Он привел закрытую статистику по преступлениям против личности на территории Российской

Федерации за 2002 год.

Убийства – 32000

Тяжкие телесные повреждения – 19000

Несчастные случаи со смертельным исходом – 14000

Самоубийства – 50000

Погибло в криминальных разборках – 42000

Безвести пропали – 38000

Итого насильственно вырванных из жизни граждан России – 195000 человек.

"Еще, – печально сказал Гуров, – можно добавить, что в стране существует только официально зарегистрированных 59 фирм торгующих детьми".

А они празднуют. Никогда российское начальство не делало интересы общества своими приоритетами. Всегда они дни думали только о своих интересах, и в гражданской войне, и в коллективизации, и войне

Отечественной, и в мирные будни, когда военные расходы забирали 88 копеек на каждый рубль национального дохода, и вот сейчас, на фоне всеобщего повышения цен, они отрезали для себя за счет наших больниц и школ, кусок пирога во многие миллионы долларов для развлекательных зрелищ. Что могут означать оптимистические заявления президента?! -

Все, что осталось для ушей.

Но, двинемся в путь. Уже совсем немного событий отделяет нас от новейшей истории Отечества и его недовольного гражданина.

Мы обнаружили квартиру, хозяйка которой желала поменять ее на каменное жилище. "Финский" – поселение деревенского типа, когда-то, в начале строительства Горьковской ГЭС построенное из щитковых домиков на одну или две семьи. Тот, что выбрали мы, имел за стенкой соседей. Дворик нашего жилья

был покрыт густой зеленью вишен и яблони. Рядом, за соседской оградой возвышались две великолепные старые березы. Их густая зелень покровительственно осеняла ближайшее пространство, наделяя его особенной красотой. Пожалуй, в округе не было еще двух таких могучих деревьев. Они тоже сыграли роль в нашем решении поселиться именно здесь. Шел 1984 год, до

Перестройки оставалось несколько месяцев.

– Ну, вот, – разочарованно протянул Йорик, – а я-то думал, что ты не будешь пролетать транзитом важнейшие события в отрезке времени, который ты так, по-кавалерийски миновал. Ведь там произошли главные изменения в твоем нравственном мироощущении.

– Да, – согласился я, – но об этом не просто говорить. Изменение мироощущения – не конкретное событие, которое можно выделить из ряда явлений. Оно накапливается как роса и только с восходом солнца начинает искриться, заявляя о себе.

– Кто здесь желает копаться в прошлом, – я, или ты?

Действительно, прошлое принадлежало мне. Йорик только ассистировал. Я не упоминал о том, какое огромное влияние оказала на меня "Махабхарата". Священные тексты имеют безграничный спектр приемов воздействующих на читателя. Это живая история. И факты и люди дышат нечеловеческой, возвышенной правдой. Когда проникаешься духом священных писаний, ощущаешь, что жизнь, показанная в них, более реальна, чем твоя собственная. Махабхарата открыла новые горизонты. Но главное – она убедительно показала, что человек должен постоянно очищать себя и жить вне лжи, лукавства, жадности и порока. Правдивость, верность слову, внимание к каждому живому существу стали для меня естественной нормой поведения. Мне это было легче делать, потому что рядом находилась Катерина. С того времени я категорически запретил себе две вещи – никотин и мат. Сегодня с экранов телевизора постоянно раздается хвалебное слово мату. Это так характерно для общества живущего в атмосфере постоянного унижения, оскорбления, осквернения и хамства. Разве можно представить

Жириновского без мата? А он – олицетворение низости властей. Мат появился не как украшение речи, он возник из желания оскорбить, унизить. В нем каждое слово отражает грубость, надругательство, похоть. Наша пресловутая "творческая интеллигенция", говорит даже об эстетике мата. Это примерно то же, что искать прекрасное в отхожем месте. Прекрасное – прекрасно, уродливое – уродливо, – это так просто.

Первый год жизни в гнезде, которое оказалось не вполне обустроенным, потребовал от меня неожиданных, вернее не

входивших в планы усилий. Ремонт, реконструкция и дополнительный пристрой, забрали время, отпущенное на английский язык. Пострадал не только мой, пострадал английский язык и у Дины – в местной школе имелся только преподаватель немецкого языка. Тихо печалилась Катя, вспоминая оставленную квартиру, и это особенно огорчало меня. Но отступать было некуда. В конце концов, мы освоились с новым сельским бытом и даже научились пользоваться его преимуществами, но и по сей день, существуют сомнения, – правильно ли было принято решение об обмене квартирами.

Мы вместе с Катей ездили на работу на велосипедах. Очистные сооружения находились на противоположном краю города. Там я числился слесарем-ремонтником, но выполнял самый широкий круг работ – токарные, лекальные, фрезерные, сварочные, Катерина трудилась лаборантом и следила за состоянием прошедших биологическую очистку сточных вод.

1988 год ознаменовался для нас ожиданием, надеждой и исполнением желания – у нас родился сыночек – Саша. Непросто появляются дети в нашем отечестве. Сложности в содержании, воспитании, да и самом рождении дополняются обстоятельствами для каждого индивидуальными, но несущими осложнения. Так было и у Кати. При рождении Дины она получила травму, которую гинекологи не замечали в течение пятнадцати лет. Сколько страдания принес ей этот медицинский "тяп-ляп"! На этот раз помогло санаторное лечение. По профсоюзной путевке Катю направили в санаторий, на Кавказ, в Грузию. Это тоже целая история и требует отдельного длительного повествования, но поскольку такая тема не предусмотрена направлением нашего изложения, как слишком типичная и распространенная, скажу только, что опытная врач-гинеколог санатория, сразу заметила травму и помогла сохранить ребенка. Мы встречали с Диной нашу мамочку, исхудавшую, истосковавшуюся по дому и никак не могли поверить, что, наконец, оказались все вместе. 25 ноября на свет появился Сашенька.

А время неслось вперед, и уже не первый год в стране шумела Перестройка. Забрезжила надежда, и рабочий люд слегка зашевелился.

Не то чтобы он готов был участвовать в политической жизни страны, но в соответствии с последними тезисами ЦК, его слегка подталкивали туда. Партия выдвинула идею о наделении трудовых коллективов какими-то полномочиями. Частичку административных функций намеревались передать советам трудовых коллективов. Меня избрали председателем цехового совета. Тогда многим казалось, что что-то в этой стране может

измениться в лучшую сторону. А я-то, я, – тоже попался на эту удочку и первое время даже пытался воздействовать на кадровую и технологическую политику цеха. Но скоро пришлось убедиться, что большие дяди из политбюро просто играют в свою игру, совершенно не просчитывая реальные варианты развития событий. Надо сказать, что местное начальство было напугано, но, оправившись от первого испуга, продолжило тянуть одеяло на себя уже с большим ожесточением. Трудовые коллективы, так и не получив реального воплощения, помаячили как приведения, и стали медленно чахнуть, отдаваясь во власть поместной бюрократии.

Это также было время, когда менялось отношение к инакомыслию. Я начинал обретать гражданские права и, наконец, почувствовал, что есть возможность восстановить свой полноценный гражданский статус.

Меня не устраивал "волчий билет" и все, что сопровождало его обладание. Уже не грозила служба в армии, но, по-прежнему, восстановление психической полноценности зависело от военкомата.

Когда я попросил поменять белый билет на красный, мне объяснили, что существует установленная процедура: организация, не рекомендовавшая службу в армии, должна признаться в ошибочности медицинского заключения. В конце концов, я приехал в областную психоневрологическую больницу к тому же психиатру, которая и способствовала получению белого билета. Встреча прошла вполне задушевно. Доктор повздыхала, что "были такие времена", а что касается наблюдений и того, что имелось в истории болезни, невозможно было дать заключение, которое вручили мне. Она извинилась от себя лично, признала, что в то время многое совершалось под нажимом (тогда очень модны были откровенные признания. Бывшие носители воли системы стремились показать что они тоже страдали от этой системы). Новое медицинское заключение с признанием реабилитации, было направлено в две инстанции -

Городецкий военкомат и Заволжскую городскую больницу. Если в последнюю заключение пришло, то в военкомате утверждали, что к ним документ не поступал. "Возможно, затерялся в почте". Я потребовал сделать запрос, на что через месяц сообщили, что "ответа пока нет", потом мне порекомендовали съездить в Ляхово еще раз. В общем, я понял, что только через прокуратуру могу заставить военкомат исполнять закон, да и то вряд ли. Военные по-прежнему чувствовали себя хозяевами в стране. А здесь подоспели обстоятельства, в свете которых терялся смысл в получении

красного военного билета. Да и я уже был официально реабилитирован психиатрическими инстанциями. Я попросту забыл о военном билете.

В стране наступал момент, когда с идеологией необходимо было определиться окончательно. Зашевелились партийные чиновники, чутко двигая носами, гадая в какую сторону дует ветер. Я помню свою первую публичную реакцию на позицию советских консерваторов, озвученную устами Нины Андреевой в статье "Не могу поступиться принципами". Мой ответ имел не менее решительное название: "Не поступиться правдой".

Настроение статьи – настроение того времени, и с ее текстом то время возвращается ко мне:

"Андреева говорит о путях перестройки, исчезновении зон закрытых для критики и, как бы прочистив горло этими прекрасными словами, начальственно одергивает тех, кого они могли очаровать. Что значит

"постановка проблем подсказанных западными радиоголосами" или "теми из наших соотечественников, кто не тверд в понятиях о сути социализма"?

Ярлыки очень легко навешивать и бить ими и убивать. Но ведь есть факты, есть аргументы. Разве обладание истиной является привилегией, а не результатом собственных усилий? А ну, как "они" правы?! Ведь убивая что-то хорошее "там", мы можем убить и "тут". Поступая в соответствии с конъюнктурными соображениями, мы поступаемся истиной, наступаем себе на горло. Но вот политический момент исчез, а осталась земля, небо, солнце. Остались люди, но уже разобщенные, неверящие, условно живые. И если говорить о сути социализма, – открытость тоже следует отнести к ней. Ведь с понятием социализм мы, прежде всего, отождествляем представление об оптимальной форме общественного устройства. Когда мы говорим об удовлетворении духовных, культурных и материальных запросов человека мы предполагаем, что лучше всего это может осуществить общественно-экономическая формация, которую мы называем

"социализм". Речь идет не только о социальной защищенности каждого члена общества, но и необходимости высших образцов общественного существования, чтобы социальное равенство избрало своей меркой не равенство в нищете, а равенство в изобилии.

Трепет священного гнева вызывают у Андреевой разговоры о многопартийной системе, свободе религиозной пропаганды, выезде на жительство за рубеж, право обсуждения сексуальных проблем и т. д. Но как не заметить вопросы которые явились в сознание? Общество не вопросов должно бояться, а вреда

возникающего в реальных обстоятельствах. Злопыхательство может вызвать дурную эмоцию, но исчезает от собственного яда и неспособности аргументировать себя.

Жизнь остается такой, какой мы ее создали, и найдутся силы защититься от накипи, если не ставить под запрет эти здоровые силы.

Бурный поток может быть мутным, но все же главное в нем – вода.

Воспитание молодежи… Нельзя забывать, что в обобщенное понятие

"молодежь" входят люди, наши дети, мальчики и девочки выросшие в семьях и длительное время смотревшие на жизнь глазами своих родителей, и определявшие главное в ней через их поступки. Мне рассказывали, как солдаты, делавшие уборку на генеральской даче, услышали окрик: "Почему меня разбудили!", а когда они, увидев шестилетнего мальчика, рассмеялись, тот гневно топнул ногой: "Я велю отцу наказать вас!" Кто привил ребенку представление власти над человеком и такую манеру обращения к старшим?

Отсутствие нравственного воспитания у детей невозможно восполнить идеологической корректировкой. Формирование ребенка – сложный процесс, его неустойчивость связана также с тем, что восприятие действительности акцентировано или смещено у молодежи. Отчасти это связано с тем, что называют "болезнью возраста", но эмоциональность, стремление к самоутверждению, групповые ценности и особенно страсть к потребительству – эти черты характера, при отсутствии здоровых ориентиров в обществе, сохраняются и делаются нормой поведения. Обществу необходимы простые принципы поведения: сдержанность, скромность, работоспособность, честность, твердость.

Привить эти качества, "зарядить" ими, должна прежде всего семья. Но как самим родителям вернуть веру в то, что утверждает человеческое достоинство?! Что мы видим сейчас? – В сознании людей уживаются дикие несоответствия. Их духовность, культуру, просто способность воспринимать и понимать факты разделяют столетия. Даже хорошие родители не могут защитить сознание детей от разрушительного воздействия окружения. Отсутствие духовного гипертрофирует материальное. А где подиум демонстрации материального? – Прежде всего, преуспевающие группы населения. Они разъезжают в лимузинах, щеголяют тем, что можно на себя напялить, демонстрируют себя, выпячивая обретенные привилегии. Я видел подвыпившую стайку третьеклассников, сверкавшую золотыми украшениями. Быть

может, выпили они украдкой, но одели-то их родители. Каковы же моральные ценности в таких семьях! Для них нормой становится проявление нетерпимости, хамства, высокомерия и чванства. Нам необходимо развивать в себе способность воспитывать совсем другие качества – вежливость, сострадательность, самоотверженность, доброту и великодушие, терпеливую заинтересованность, и главное, уважение к

ПРАВДЕ. Мы должны проследить путь, где эти противоположности создали выбор между жизнью и смертью, и поддержать жизнь. Это тоже главные положения перестройки.

Безусловно, требуется мужество, чтобы взглянуть на драматические стороны нашего бытия. В свое время Нильс Бор сказал о создаваемой атомной бомбе, что один из десяти, что она вообще не взорвется, и один из ста, что она воспламенит атмосферу. Не такая уж ничтожная вероятность, но ей пренебреги. А в результате испытаний ядерного оружия в СССР и США, до 1953 года в атмосфере накопилось около 2% предельно допустимой дозы стронция. Создание электронной системы

ПРО, при эксплуатации не исключает ошибки ведущей к катастрофе. В семидесятые годы сложились технологические обстоятельства, выскальзывающие из-под разумного контроля. Это связано с мировой и региональной экологией. В наши дни экологические проблемы достигли апокалипсического звучания. Даже ядерная угроза отступает на второй план перед таинственным и неотвратимым исчезновением озонного слоя… Разве амбиции, охраняющие интересы бюрократических групп, способны обеспечить Отечество необходимой энергией для мобилизации интеллектуальных и моральных сил для разрешения назревших проблем?!

Исполнительское рвение при отсутствии широкой профессиональной информации плодило странные заблуждения. Я помню фотографию с изможденными лицами неопределенного возраста, из книги коллективного автора "Канал имени Сталина". Под фотографией подпись:

"Природу научим, свободу получим" – из частушек беломорского хора". Вот она готовая формула вируса административного безумия.

Тогда были уверены, что природу надо учить, а не изучать. И учили. И вирус поражал последующие поколения чиновников. Вот на карте река

Уста. Здесь она еще сохранила изгибы в которых посылала воды свои в

Ветлугу и матушку-Волгу. К чистым водам Усты надо было пробираться через буйные заросли жимолости, черемухи, сирени

и жасмина.

Приустские луга буйно поросли травами и цветами редкостной красоты.

А птицы и насекомые наполняли благоухающий воздух звоном и трелями.

И весь этот живой мир, войдя раз в человеческую душу, оставался там навсегда как сладость родной земли. Было такое… Но вот чиновник леспромхоза смекнул, что многовато зигзагов в Усте, – застревает сплавляемый лес. И порешили ее выправлять аммоналом да бульдозером, заодно и воде прямой ход обеспечить, чтобы не бормотала. А вода – в песок, а луга, да сладкий приустский кустарник – в пустыню, а чарующая красота реки – в небытие… Уж не с них ли писал

Салтыков-Щедрин портрет Угрюм-Бурчеева? Ах, много можно было бы за этой картинкой обобщений сделать, да пусть уж додумает сама Нина

Андреева.

И еще немного о природе. Трагедия революции заключена для нации, прежде всего, в потере генофонда. Если биологию изучать не по теории Лысенко и Лепешинской, то можно понять, что генетика "не буржуазная шлюха империализма", а наука, отражающая реальность состояния вида. Но не будем сейчас искать виновников, а просто рассмотрим факты:

Гражданская война. В ней, вооруженный до зубов, противоборствовал самый активный слой населения – и погибал. Коллективизация – ей отвергался зажиточный слой населения, к сожалению, он же был и наиболее трудолюбивый, крепкий крестьянин – и погибал. Период массовых репрессий – преследовался не только широкий слой партийно-хозяйственного и военного чиновничества, уничтожалась всякая политическая и духовная активность; ее носители, люди – погибали. И на войне погибал лучший генофонд. Молодость, не защищенная жизненным опытом, открыта, благородна, безрассудна и беззащитна. Если сюда включить деятелей науки, по которым прошла коса всех этих периодов, да еще специально имела свои послевоенные годы, то можно представить какие потери понес генофонд нашей страны.

Но это одна сторона. На фоне названых изменений происходили социально-психологические. Можно, конечно, поставить под сомнение влияние ген на создание психологического типа, или, напротив, реакцию социального приспособления на изменение генных структур. Но вероятнее то, что определенный генотип более психологически соответствовал возникающим условиям. Бюрократический отбор неизбежно

впадал в противоречие с возвышенными качествами человеческой натуры. Бюрократическая машина подбирала человека по принципу его совместимости с формальными элементами. Потребность в инициативе породила тип "толкача", не способного к анализу, не способного вступить в противоречие с уложением, но готового принимать решения.

Исполнитель требовался без размышлений, размышления без самостоятельности. Действительно, взгляните на мыслящих людей, – малейший начальственный оклик вызывает у них оцепенение. Ведь именно они имели мнение, и то, что они его имели, представляло угрозу не только их жизненному комфорту, но и самой жизни. Многие понимают существо положения, но способных занять гражданскую позицию – не так уж много.

Необходимо приземлить эти подвешенные над обществом группы населения на почву, от которой они оторвались. Не разобщенность и непримиримость, а согласие интересов на широкой демократической основе. Наше государство, став во главе беспрецедентного в истории движения по своей коренной реконструкции, делает проводником этих решений те элементы, от которых необходимо избавиться. В человеческом плане это означает, что представителям косной машины, породившей так много бед в социальном и экономическом хозяйстве страны, предоставлена возможность исправить ошибки, перестраивая свое отношение к делу. Еще недавно, проживая на одной территории, мы находились в разных мирах и системах мысли. Сейчас появилась возможность стать гражданами одной страны, почувствовать, что наша многонациональность может восприниматься как нация.

У нас много недостатков, но есть основа для их преодоления – социалистическая форма правления. Мы должны развивать данное, свято помня, что в нем устранен основной корень социальных конфликтов – вопрос о собственности на средства производства и государственную власть. "Альтернативные башни" в виде ретроградных или утопических предложений, не более чем умственные конструкции в системе общественной мысли.

Стоим ли мы сегодня перед выбором? – Нет. Выбор определился семнадцатым годом. Сегодня мы должны осуществить его. Мы должны вернуть исторические долги и соотечественникам и мировому сообществу. Альтернатива между жизнью и смертью бывает у человека, человечеству этого не дано, – оно может выбрать только жизнь".

Вот такое крылатое ощущение времени присутствовало тогда в моем сознании.

Существо на столе двусмысленно хмыкнуло. Я сделал вид,

что ничего не заметил и старательно продолжил летопись.

Но общество пробуждалось, следуя за обманчивым светлячком надежды. Инициатива низов зашла так далеко, что мы в Городецком районе попытались создать политический клуб "Гражданин". Я был одним из инициаторов его создания, но вскоре убедился, что провинциальное сознание еще не созрело для политической борьбы. Они не только не умели формулировать цели, но даже не могли осознать их. Застарелая беда русского человека – неспособность осознавать собственные интересы. Подготавливая заявление от имени политического клуба, я писал: "… отрицательная инерция предыдущих десятилетий продолжает совершать разрушительную работу. Недостаток товарного вещества и значительное изъятие денег дельцами теневой экономики требует денежной эмиссии и ведет к ощутимым инфляционным процессам.

Сопутствующая этим явлениям социальная несправедливость, коррупция, рост преступности, незащищенность граждан, дефицит, снижение жизненного уровня, подводит к опасной черте социальной напряженности". "Пять лет перестройки, пять лет мы бичуем себя, выставляя язвы и раны обнажаясь, казалось бы, до предела. Но в душе саднит, и разумом мы осознаем, что продолжаем жить в прежнем состоянии несвободы, потому что наложено табу на самую главную правду общества. Правда эта состоит в том, что в 17-м году мы были порабощены утопией, а утопия, как всякая неправда – бесчеловечна.

Да, было мужество, было движение к свободе, но и то и другое эксплуатировалось с беспощадным политическим цинизмом и невиданной бесчеловечностью. "Классовая теория" и "классовая мораль", по заявлению их вдохновителей, не имели законов. Понимая по-человечески, что сегодняшние носители этой утопии являются невольными наследниками зла, что для них разрушение идеи является разрушением Ноева ковчега существования, мы, тем не менее, должны настаивать на утверждении правды. Если это не сделать сейчас, разрушение лжи примет длительные и жестокие формы. Классики марксизма создали вероучение насилия, которое в 1917 году воплотилось в практику откровенного разбоя. Она была направлена на

"эксплуататоров" и уничтожала эксплуататорские классы. Но "классы" – это люди и они уничтожались уничтожением людей. "Эксплуататорские классы" по законам социальной эволюции состояли из цвета общества, были его плодородным слоем, подобно тому, как гумус является плодородным слоем земли. Этот слой с кровью содрали с тела общества.

И как земля лишенная гумуса перестает плодоносить, так и

общество, истощив чудом сохранившиеся запасы духовности и профессиональных знаний, деградировало до состояния, которому трудно подобрать соответствующее определение. Общество оказалось подобным телу ракового больного, организм которого уже не способен сопротивляться многочисленным метастазам. Действительно, если взглянуть на нашу историю, историю болезни, ведущую отсчет с октября 17-го года, то мы убедимся, что подобная социальная чума не имеет аналогов ни в списке революционных катаклизмов, ни в самых кровавых бойнях за всю историю человеческой цивилизации. Понятие "эксплуататоры" приобрело после революции чрезвычайно широкое толкование. Все кто мог вызвать хоть тень подозрения у новых повелителей Российской Империи, искоренялись самым беспощадным образом. Их жертвами стали дворяне, промышленники, финансисты, крупные, средние и мелкие землевладельцы, духовенство, писатели и поэты (за небольшим и худшим исключением) философы, трудовая интеллигенция – врачи, инженеры, учителя, ученые всех направлений науки, – вот кто был приговорен к уничтожению главным тезисом русской революции. Культ Сталина и его жернова нигде и никогда с такой неумолимой последовательностью и в таких огромных масштабах не уничтожали интеллектуальный слой общества.

Антиинтеллектуализм стал государственной программой, вошел в национальное сознание. Жестокое преследование инакомыслия более всего разрушало интеллектуальный слой. Антиинтеллектуализмом пропиталась вся атмосфера общества. "По-простому", "по-народному", стало принципом восприятия явлений, принципом, который определял уровень информации, отбрасывая сложность и многообразие жизненного опыта и низводя его до императивов инстинкта и потребления. Отсюда и сладострастие, с которым преследовались всякие религии. Догмы желудка директивно отменили человеческое бессмертие, и это импонировало тем, кто не способен на постижение духовной истины.

Религиозный поиск сосредотачивается на правде, нравственности, разуме, справедливости и любви. Все эти ценности антагонистичны практике советского общества. Признание их в настоящее время по-прежнему лишено своей естественной природы, они признаются по практическим соображениям, а не как сокровенная сущность человеческой природы. По-прежнему обходятся молчанием этапы социальной лоботомии и по-прежнему ставят капканы на лучших, думающих, честных".

Это было сразу после Первого Съезда народных депутатов.

Перестройка оказалась всего лишь словом, которым партийные идеологи попытались обозначить процесс преодоления глубокого кризиса.

Пожалуй, это был первый символ отрезвления в мозговом центре партийной олигархии, и первое драматическое осознание своей ответственности за судьбу страны и мирового сообщества. К сожалению, слово, которым пытались отразить реальность в политических и экономических процессах последних десятилетий, так и осталось словом, потому что действие, на которое оно хотело претендовать, не могло осуществиться из-за отсутствия концепции, насыщенной реальным содержанием.

Однако изменения происходили. Хозяйственный механизм страны требовал внедрения товарно-денежных отношений. Моделью, на которой надеялись создать какое-то их подобие, был "Закон о малом предприятии". Он слегка приоткрывал шлагбаум на пути светлого капиталистического будущего. Весной 91 года два друга, из тех, с которыми нас жизнь сводит случайно, предложили создать малое предприятие. Мое положение на работе позволяло воспользоваться излишними производственными площадями, давнее знакомство с

Александром Минеевым, в то время главным инженером завода, убедить ответственных лиц в том, что площади действительно непригодные для производственных целей и могут быть арендованы. Идея предприятия заключалась в производстве гипсовых изделий. Главным товаром оказались популярные в то время копилки. У советского народа имелись излишки металлических денег, на которые все равно нечего было купить. Их желали хранить в виде небольших кладов в копилках из гипса. Поскольку я разбирался в юридических и финансовых тонкостях, и имел значительную долю в коллективном капитале, меня выбрали директором малого предприятия. Дела у нас шли неплохо, гипс в ту пору был дешевым, производственные площади – просторными, продукция пользовалась спросом. Но в самом начале движения, несмотря на то, что по уставу малое предприятие на три года освобождалось от налогов, я ощущал на себе лапу государства с его главным тезисом для хозяйствующих субъектов – "держать и не пущать!". С первого дня создания МП приходилось "крутиться и выкручиваться". Налоги, ограничения, были таковы, что при их полном соблюдении ничего не оставалось для нормальной работы предприятия. Впрочем, разработчиков новейших экономических доктрин, призванных вытаскивать нас из социализма, можно было понять. Они заботились о благе программ составляющих устои государства. Они не могли допустить, чтобы частная собственность

превратилась в самостоятельный институт достаточный для определения хозяйственной политики страны. У нас просто не было настоящих специалистов по рыночной экономике, и поэтому ее первые образцы пристраивали в хвосте, но так, чтобы этот хвост мог вилять.

По настоящему, вложения могут приращиваться за счет технологического цикла. У нас были специалисты, были небольшие производственные секреты, но не имелось серьезной производственной базы способной обеспечить устойчивость предприятия. У нас имелись легковесные основные фонды, а остальное – стены и оборудование, – на правах аренды. В принципе, действующие специалисты могли в любое время отделиться и образовать собственную подобную артель, или, говоря высоким слогом, Малое Предприятие, готовое производить конкурентную продукцию. Поэтому выплачивалась высокая зарплату способная отгонять бунтарские мысли, но это, естественно отражалось на возможностях роста предприятия. Если бизнес не растет, он деградирует. Мы изворачивались, стараясь увеличить капитал через торговый оборот посторонней продукции. Доходы увеличились, но их по-прежнему было недостаточно. Наступило золотое время сырьевых монополий. Гипс кратно дорожал. Используя собственные средства как трамплин, я решил осуществить более серьезную деловую идею.

Расстановку сил по национальному признаку уже можно было предвидеть.

Лилась кровь в Карабахе. Лилась кровь под саперными лопатками спецназа в Тбилиси. Специальные войска разгоняли демонстрации в

Баку. Было понятно, что уйдут из Союза южноазиатские республики вместе с хлопком, сырье которого обеспечивало Российскую текстильную промышленность. Нормальный кабинет министров, радеющий о национальных интересах, должен был бить тревогу и увеличивать посевные площади льна. Но никого не интересовал лен, а уже простаивали владимирские ткачихи. Вот у меня и созрела несложная идея создания акционерного общества по производству и глубокой переработке льна. И расчеты-то совсем простые и выгода очевидная. В то время на сырьевой бирже в Лондоне тонна льноволокна стоила 1200

. У нас, льнокомбинат Нижнего Новгорода (тогда, правда, еще

Горького) покупал волокно по 280-340 рублей за тонну. Такие цены, при рациональном выращивании льна, только-только покрывали издержки производства, а при средне-российской технологии и производительности, делали его убыточным. Во

времена плановой экономики имелись контрольные цифры, которые должны были выполнять руководители хозяйств, но вот, инициатива передается вниз, и председатели смекают, что вовсе не обязательно выращивать культуру, имеющую сомнительную рентабельность. Южноазиатский хлопок уходил из страны, собственное сырье утратило хозяйственную привлекательность.

Я сделал расчеты на весь цикл глубокой переработки льна, с привлечением современных технологий, получалось что на выходе такой процесс даст кратную, к затратам, прибыль. Идеей создания широкой базы по производству льноволокна, с последующей обработкой, я заинтересовал семь колхозов, два предприятия и Городецкий

Промстройбанк. Они согласились, объединившись создать открытое акционерное общество, и предложили мне, на первом акционерном собрании, возглавить его. К сожалению, в основании этого сооружения лежал очень маленький уставной капитал – по 50000 рублей, в то время как $ стоил тогда уже 6 рублей. Что можно было делать с капиталом соответствующим стоимости всего лишь одной "Волги"? Здесь не интересно рассказывать, как я пытался нарастить капитал, как мне предлагали под бизнес-план через третье лицо 125 миллионов рублей, с

"откатом" в 25 миллионов, как меня пытался ограбить один старый друг и с каким трудом я вытянул через Арбитражный суд свои миллионы.

Все это – частный случай общего государственного подхода при создании правовой базы ведения рыночного хозяйства. Я пришел к выводу, что надо либо принять форму криминального ведения бизнеса, либо расстаться с ним. Я выбрал последнее. Гораздо примечательнее другая деталь, связанная с идеей рационального льноводства. Мои экономические разработки по льну попали в организации, имевшие еще советские основные фонды – Горьковский комбинат льноволокна и

"Московский лен". Под эти идеи они получили огромные кредиты и использовали их, практически, для уничтожения посевов льна, по крайней мере, в нашей области. Идея была проста, – на кредиты приобреталась по оптовым ценам стремительно растущая в условиях инфляции продукция – автомобили, холодильники, стиральные машины.

После завершения товарного цикла они, в силу инфляции кратно возрастали в цене. Их продавали, и цикл повторялся. При этом, чтобы не отвлекать денежные средства от прибыльного дела, закупочная цена отраслевой продукции – льняной тресты – держалась на старом уровне.

В условиях инфляции выращивание льна стало глубоко убыточным. С 91 по 94 годы посевные площади льна сократились в 20 и более раз, а в некоторых хозяйствах исчезли совсем! Вот так действовал спекулятивно-базарный бум Гайдара, который в правительстве называли уважительным словом "реформа". А в своем бизнесе я подчистил хвосты, рассчитался по долгам и к 1997 году остался "бедным советским пенсионером" с мизерной пенсией.

Но вернемся к тому периоду, когда в политические будни страны ворвался необыкновенный август. В то время не было интереснее занятия, чем отслеживать развитие событий по телевизору. Гласность еще находилась в моде, и мы видели и начало путча, и его окончание.

Рассматривая попытку части советского политбюро удержать инициативу в своих руках и поставить под контроль уходившие рычаги власти с позиций более позднего времени, нельзя дать однозначную оценку такому решению. Есть необратимая поступь истории. В ее сюжетах возникают различные варианты, но сама масса исторических обстоятельств настолько велика, что уже никакая плотина не может остановить ее стремительного течения. Не имеет значения успех или провал "путчистов", им в любом случае пришлось бы искать пути преодоления глубокого экономического и политического кризиса. Их победа могла означать определенное решение кадрового вопроса при выработке тактической линии. Быть может, нас ожидал "китайский" вариант экономического развития, сохранение Союза? – История молчит.

Но кто бы поднял упавшее знамя национального возрождения? Понятно, что тот слой партийно-чиновничьей элиты не был самым лучшим. Это были консерваторы со свойственными именно этому слою признаками заторможенности, если не сказать туповатости. Но, с другой стороны, среди них не было хищников подобных Ельцину и Чубайсу. Они еще сохраняли признаки порядочности и морали, и как-то думали об ответственности перед обществом.

Кульминацию августовских событий 91-го года я наблюдал по телевизору. Все врывалось в мою душу – и страх перед возрождением всевластия ГПУ, и волна эмоций свободолюбия, которая всколыхнула на

Красной Пресне столицу, и всю державу. Когда по асфальту грохотали танки, все вспомнилось мне, – и Берлин, где протестующих немцев кололи штыками, и Венгрия, где Будапешт был отдан на разграбление солдатам, и Прага, где сломили волю чешского народа. Танки могли все. Но о чудо! – танкисты вылезали на броню и отказывались стрелять в демонстрантов.

Правда имелись и ревностные исполнители, которым было приятно давить. И все же народ побеждал, жертвуя отважными юношами своими телами прикрывшими свободу. Меня переполняла гордость за Россию. В те дни свершилось немыслимое, – сдернули с пьедестала "Железного Феликса". Я благодарил Бога за возможность видеть уничтожение главного символа системы. Уже одна эта картина венчала и оправдывала мое политическое противоборство властям. Я как бы ощущал, что и мои идеи витают в умах тех, кто сейчас демонтировал памятник чекисту.

Свобода приходила на волне эйфории. Недолго же она продолжалась.

Как всегда одни доставали жар из печи, другие им пользовались. С радио и телерекламой в наши квартиры входила демократия. Затем она подкрепила свои усилия стремительной инфляцией, ростом базарных цен и, наконец, Гайдаровскими реформами. Окончательной смысл их мы уясним через несколько лет, но мне он стал ясен еще тогда, когда работал впоследствии расстрелянный Верховный Совет. Поэтому я пригласил и читателей "Нижегородского рабочего" последовать вместе со мной в мир теории и разобраться, что произошло со страной и ее экономическими институтами.

"Разборка" – самое популярное занятие делового мира России.

Правда, "вверху" и "внизу", она отличается качеством и масштабами.

"Внизу", как утверждают авторитеты, она дает положительные бескровные результаты. Но есть средняя часть, она же и самая значительная, которая неприкаянно болтается между низом и верхом – народ, та самая Россия, в верности которой клянется правящая элита и бесцеремонно обирает элита уголовная. И хоть клятвы театральные, а с отдельного человека много не возьмешь, все понимают, что сила именно здесь, здесь и богатство. Народ – законный владелец Отечества и ему принадлежит настоящее и будущее России. Вот и пора среднему представителю народа разобраться в том, что с ним происходит – осознать, научиться представлять и защищать собственные интересы.

Только гражданское общество обладает силой и возможностью защитить интересы большинства, только осмысленное отношение к действительности может быть условием построения гражданского общества.

Перед нами стоят непростые вопросы:

Какая система предпочтительнее – государственно-бюрократическая или демократическая; открытое или закрытое общество; рыночная или распределительная экономика?

Мы должны понять, что руководит экономикой – политические пристрастия, олигархическое лобби или национальные интересы.

Что лежит в основе процветания – производственные законы или национальный характер, каким образом отделить общечеловеческое от этнического, какой уровень общественного развития требуется для восприятия современной экономической культуры.

Кто будет формировать основы экономического строительства – администрация или представительная власть, рынок или монополия; насколько вообще допустимо вторжение власти в процессы экономики; где спонтанное развитие рынка, и развитие, подчиненное регламенту законодательства…

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОМУТ

Социалистическая хозяйственная мысль рождалась в пылающих умах революционеров, чьи стремления "разрушить до основания" воплощались самым решительным и беспощадным образом. Но как строить "новый мир" они не знали и приступили к экспериментированию. Хозяйственная практика СССР – это невиданный по размаху эксперимент в области прав собственности, в результате которого частное и национальное богатство уносилось в коммунистические закрома, оседая там и скудным ручейком перетекая к производителю. У нас нет истории экономики, есть – анамнез – история болезни. Однако, она имеет свои ярко выраженные вехи.

Захватив власть, большевики понимали, что если им будут противостоять материально обеспеченные слои общества – власть не удержать. Они с удовольствием подхватили лозунг утопистов "все зло исходит от собственности и денег" использовали его с политической дальновидностью и невероятным упорством. Идея проста – собственность легко обнаружить и изъять, отсутствие денег не допустит ее нового образования. Военный коммунизм с натуральным обменом давал желанный идеал равенства всех, за исключением, конечно, "самых равных".

Ничего примечательного в этом периоде не было, если не считать разрушения рынка.

Переход к "мирному строительству" не лишил экономику роли средства достижения политических целей, но методы нуждались в коренном пересмотре. За плечами большевиков свирепствовала разруха, небывалый на Руси голод; полыхали крестьянские бунты, солдатские восстания, рабочие стачки. Большевики осознали, что достигли края эксперимента, за которым нищета становится такой же реальной угрозой власти, как и буржуазное богатство. С большим трудом логика политического прагматизма оформилась в непримиримых умах в виде концепции НЭПа. НЭП означал конец первого этапа эксперимента над правом владения собственности и денежным обращением, и открывал дорогу государственному монополистическому капитализму.

КОБАНОМИКА

Но не долго длился медовый месяц капитализма с идеологией народных комиссаров. Сталин смекнул, что в такой форме союз рабочих и крестьян будет слишком много проедать, отвлекая ресурсы от подготовки к "мировому пожару". Следовало создать что-то новое, позволяющее одновременно управлять и обществом и ресурсами. Он взял кое-что из теоретического наследия времен военного коммунизма, кое-что из буржуазного наследия, познакомившись, похоже, с "Теорией занятости, процента и денег" Джона Менарда Кейнса. Получилась система, в которой, как мог бы сказать Коба, следуя диалектике своей мысли: "собственность – это и собственность и не совсем собственность; деньги – и деньги, и не совсем деньги". Экономическая концепция вполне соответствовала личности великого интригана: она имела два лица – официальное и фактическое; она была построена на терроре и страхе; она осуществляла заветную цель – окончательное ограбление подданных с сохранением поголовья; она ставила точку о месте денег и собственности при социализме. В ней все было наоборот: самый главный принцип – всеобъемлющая и исчерпывающая информация рынка – был заменен принципом государственной тайны, в которой тайна также имела многочисленные маски. Поступательное движение экономики содержало "генеральную линию", суть которой заключалась в милитаризации страны. На обочинах "генеральной линии" находился колхоз и ГУЛАГ. Они выполняли роль буферных зон в местах возникающих колебаний неповоротливого хозяйственного механизма. Чтобы сделать экономику устойчиво-восходящей, ее изолировали от воздействия внешнего рынка и ввели принудительный курс рубля специально для валютных операций. Теперь экономика получила гарнированную безопасность, и, несмотря на значительное отклонение реальных цифр пятилетнего плана от его контрольных значений, ничто не угрожало ей потрясениями. Она могла позволить себе любую производительность и предельную мобилизации в избранном направлении.

Нормальная экономика работает на основе потребительских приоритетов общества, где национальные ресурсы осваиваются через стоимостную и ценовую цензуру: редкий ресурс, большая потребность – более высокая цена. В таких условиях потребитель довольствуется тем, что предлагает и в каких объемах поставщик рынка. Кобаномика обходит это затруднение. В ней главным потребителем является государство, а государство потребляет в

соответствии с "генеральной линией". Единственным препятствием становится черта выживания, да и ту Сталин переходит не один раз. Чудовищно противоестественны цели этой экономики: не ресурсы становятся источником обеспечения потребностей общества, а само общество превращается источник максимального обеспечения ресурса. Последний штрих к перевернутым ценностям – материя становится субъектом истории. Удивительно, что есть еще люди очарованные противоестественной романтикой тех времен.

ВИРУС РЕАЛЬНОСТИ

То, что теоретические принципы кобаномики никогда не имели официального статуса, становится ясным при анализе того, как распорядилось сталинским наследством идущая за ним генерация руководителей страны. Им казалось, что систему можно модернизировать, подправив стимул идеи материальными стимулами. С

Никиты Хрущева и Алексея Косыгина начинается разлагающее воздействие вируса реальности на логически непротиворечивую, но полностью искусственную модель сталинской экономики.

Как победа варваров над античным Римом привела к созданию

Священной Римской империи, так и победа СССР над Германией привела к мировому блоку социализма. При этом возникло много параллелей этому историческому прецеденту, как в культурном, так и в технологическом плане. Небольшие порции немецкой технологии не могли преобразовать

Советский Союз настолько, чтобы превратить его в конкурентоспособную экономическую державу, но продвинули его в этом направлении. Однако, в соответствии с демографическим законом "победитель определяет развитие побежденного", европейские страны социализма, интегрированные в СЭВ, тормозились в развитии экономическим уровнем восточного неповоротливого гиганта. С другой стороны, именно такое сообщество как СЭВ, сыграло злую шутку с экономическими аксиомами сталинской модели социализма. Экономика перестала быть закрытой.

"Железный занавес" получился довольно прозрачным с "братскими" странами, и, в свою очередь, его невозможно было сделать достаточно

"железным" между СЭВ и остальным миром. Расхлебывать это положение вещей довелось Никите Хрущеву.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ "ПОСТУПЛЕНИЕ ПРИНЦИПАМИ"

Никита Хрущев завоевывая власть, создавал, с одной стороны, привлекательные перспективы для партийной элиты – независимость секретарей республик и обкомов через совнаркомы; с другой стороны, для уничтожения противников, он использовал изящный политический ход – разоблачил культ личности. Все это можно было реализовать, только освободившись от наиболее одиозных сторон сталинской концепции социализма. И вот здесь экономика заявила о себе достаточно внятно. С исчезновением грубого принуждения и страха рухнули стимулы к труду. Послабления в соцобщежитии означили также необходимость удовлетворения все возрастающих потребностей советского человека. Но тут начинает выясняться, что "отец народов" не оставил наследникам формулу экономики без потрясений, с устойчивым экономическим ростом. Подобно рецепту алхимика, она была спрятана в голове своего творца и золото, приготовленное по этому рецепту, теряло свойства от соприкосновения с реальностью.

Растерявшиеся руководители впервые после НЭПа заговорили о "законе стоимости" при социализме. Косыгин, будучи, прежде всего практиком и хозяйственником, не особенно вдавался в теоретические тонкости

Сталинской алхимии и больше доверял наглядным успехам экономики индустриальных стран. Ему казалось, что использование некоторых технических приемов рынка в рамках плановой экономики, позволят

СССР выйти на качественно новые рубежи. Потекли чрезмерные инвестиции в громоздкие и гигантские предприятия. Гигантомания покоилась на идее централизации, в основе которой лежал российский предрассудок: "народу у нас много, а умного начальства мало", отчасти и от того, что большие образования легче поддавались плановому контролю. Экономика СССР начала перегреваться…

Столкновение рыночных и распорядительных механизмов знаменовало начало разрушения экономики социализма и деградации его экономической мысли. Не будем забывать, что кобаномика создавалась не для товарного производства. В ней был один заказчик – Сталин, поэтому пристроить к ней закон стоимости можно было только в пропагандистских целях. Советские руководители слишком легко манипулировали

богатствами огромной страны, и у них возникла иллюзия, что так же легко можно повелевать и законами товарного производства, поэтому они никогда не относились серьезно к изучению этих законов. Однако закон стоимости оказался тем камнем преткновения, обойдя который можно было получить только то, что получилось – невиданная по своей несуразности хозяйственная система.

ПОДВОДЯ ИТОГИ ПОД СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ ПЕРИОДОМ

Напомним и нынешним экспериментаторам, что экономика не может нормально функционировать там, где ее делают средством достижения целей. Она работает на основе свойственных ей законов, которые приводятся в действие собственностью порождающей товарно-денежные отношения (рынок). А поскольку законами манипулировать невозможно, безответственные политики стараются разрушить их, свидетельством чему постсоветский, не менее впечатляющий этап российской экономической истории. Гайдаровские потрошители расписались в своем лукавстве, назвав инфляцию, последовавшую за экономическими актами правительства, инфляцией издержек. Но как может возникнуть инфляция издержек там, где в основе ценообразования нет стоимости, как основы общественно-необходимых издержек производства? Нас вытолкнули в капитализм, из социалистического предбанника не дав возможности нормализовать ценообразование, и мы явили миру все убожество своей наготы.

НАШЕСТВИЕ МОНЕТАРИЗМА…

Пусть Милтон Фридмен не принимает близко к сердцу иронию в адрес своей теории. Гайдар вряд ли может быть отнесен к его ученикам, поскольку сценарий капитализации России не вписывался ни в какие экономические теории, ни в здравый смысл. Не соответствовал он и прогнозам, что очевидно, оказалось столь же неожиданным для творцов сценария, как и для тех, на ком он "обкатывался". Оказалось это неожиданным и для высоких аналитических умов евро-американских политиков, эксперты которых то рекомендовали, то не рекомендовали поддержать буржуазные усилия России. Оно и понятно – непредсказуемость несовместима с экономическим расчетом. Сложившееся положение оказалось следствием командного выхода из командной экономики. Нам объявили, – завтра просыпаемся при капитализме! – не поставив при этом в известность сам капитализм. Правда, некоторые положения гайдаровских реформ перекликались с теми, которые сформулировал наркомфин Григорий Сокольников при вхождении в НЭП – налогообложение и вера в мудрость рынка. Зато отсутствовало все остальное – золотые червонцы, товарная интервенция на потребительский рынок, специалисты, которые еще не успели забыть, что такое товарно-денежные отношения. Необъявленный тезис гайдаровских реформ гласил: "Отпускаем цены, пусть рынок разбирается с ними; когда будет исчерпана покупательная способность, цены придут в соответствие с денежной массой". Или, более наглядно можно сказать так: рынок имеет миллиард предметов, потребитель – десять миллиардов рублей; сейчас предмет стоит пять рублей, когда цена дойдет до десяти, покупательная способность будет исчерпана, мы обуздаем инфляцию, уничтожим нависший над дефицитным рынком

"отложенный спрос", т.е. сбережения населения, деньги теневой экономики, и, избавившись от бюджетного дефицита, войдем в капитализм с положительным сальдо!

Не вышло…

…И ЕГО "СТРАШНЫЙ СУД"

Вместо того чтобы сектор государственной торговли, вмещавший большую часть продовольственной корзины страны, позвал за собой неуправляемую социалистическую толкучку, он принял ее законы, избавивший от застенчивости трамвайного щипача и приобретя безапелляционную наглость уличного громилы. Став "рынком", вся армия владельцев товарной массы рванула цены вверх, втягивая в водоворот своих интересов госснаб, банковскую систему, военно-промышленный комплекс. С них деньги всей страны потекли в коммерческие структуры, подгоняемые невиданными в прежние времена взятками. Безналичка крутилась вокруг ГАЗа, ВАЗа, ЗИЛа, холодильников, ценных металлов, радиоаппаратуры, перекачивая деньги в наш скудный рынок. За всем этим ощущалась режиссура чьей-то "мохнатой руки", не желающей понимать смысла "реформаторских идей". И когда вновь испеченный рынок ковшом гигантских цен вычерпал отложенный спрос, промышленные, сельскохозяйственные кредиты и горячую массу вновь отпечатанной наличности, волна предложения отхлынула от искусственно созданного спроса. Возникло перепроизводство продукции на фоне общего падения производства. Наступил коллапс неплатежей. Инфляция по индексу продовольствия перешагнула сто пятьдесят тысяч процентов. В ней потонули основные фонды России, разрушилось паритетное ценообразование, денежное обращение, банковская система. Наше сомнительное благополучие стало очевидным неблагополучием.

Правительство, чтобы поправить дела, стало прибегать к мелким хитростям – не выплачивать заработанные деньги в расчете, что моменту выдачи они значительно истончаться инфляцией.

ПОДСЧИТАЛИ – ПРОСЛЕЗИЛИСЬ

Небескорыстно течение реформ использовали и сами реформаторы.

Однако не это было внутренней пружиной их энергии, а некий капиталистический идеализм. Действительно, то, с какой решительностью перекачивались национальные ресурсы на производство потребительских товаров, говорило о желании улучшить жизненный уровень россиян. Но отсутствие теоретических предпосылок, а если они и были, то их ошибочность, привели к неожиданному, до шока, результату. То, с какой поспешностью перекраивалась первоначальная экономическая доктрина, какие лоскутки противоположных тенденций пытались подшить к политическим предпосылкам при формировании бюджета, говорит о том, что власти в период всеобщего разорения хотели "как лучше". Но, как говорит Маркс, человек тем и отличается от пчелы, что сперва строит дворец в голове… И если бы команда

Гайдара, начиная реформы, освежила в памяти блестящий анализ денег данный в работе родоначальником коммунизма "Критика политической экономии", ошибок было бы меньше.

ИНФЛЯЦИЯ – вот наиболее разрушительный итог реформ 1992 года. На ней и сосредоточим внимание.

ИНФЛЯЦИЯ – ЭТО КОГДА ГЛАВНОЕ В ДЕНЬГАХ – БУМАГА

Так считает каждый кабинет министров, прибегая к инфляции.

Действительно, в XX веке бумажные деньги обнаружили способности неведомые предыдущим эпохам – на законных основаниях разорять граждан через инфляцию. Во время и после первой мировой войны инфляцию использовали правительства разных стран. Не миновала соблазна и Российская Империя, и Советская Россия. Воюющим сторонам было удобно покрывать растущие расходы с помощью печатного станка, а после войны с его же помощью погашать текущие долги и репарационные платежи. Но как показала практика тех лет, инфляция вела к разрушению хозяйственного механизма. Осознание этого факта нашло отражение в преодолении инфляционного сползания введением национальных валют, в том числе и в Советской России. К 1924 году процесс стабилизации был завершен и начался экономический рост.

Во все времена, во всех странах экономисты понимали, что главным условием процветания экономики является стабильность и, следовательно, предсказуемость. С инфляцией приходит экономическая неопределенность, необъявленное тяжелеющее налоговое бремя, резко снижаются возможности получения внутренних и иностранных инвестиций.

Инфляция уносит национальное достояние через банки, кредитный процент которого оказывается неизмеримо ниже инфляционного.

Инфляция не решает, к удивлению и сожалению своих творцов и вопрос бюджетного дефицита. Нет аргумента в ее защиту, но она есть. В

России объяснение одно – ее не могут преодолеть, потому что не понимают причин и механизмов именно отечественной формы инфляции.

Оставим пока криминальную заинтересованность в инфляции со стороны власти и олигархов аналитикам уголовного права, и попытаемся понять действие инфляционного механизма вообще, и в наших условиях в частности.

ПЕССИМИЗМ БЫВАЕТ РАЗНЫЙ

"Умом Россию не понять" – это верно, но в известных пределах.

Непредсказуемость России проявляется там, где не сложились ее традиции, где государственное наезжает на национальное, где проявляется ее историческая молодость. Она становится непонятной там, где завоеватели, реформаторы и революционеры стирали почти начисто национальную память, оставляя на грани инфантильности целые поколения. После семнадцатого года в стране едва не полностью был уничтожен интеллект вместе с тремя сословиями. Да и сейчас не проявляется бережного отношения к тому, что еще ухитрилось сохраниться после семидесятилетней селекции по выведению гомосоветикус. Все думающее, особенно критически, истребляется и морится в стране, подобно кухонным тараканам.

Это лирическое отступление всплыло в связи с пессимизмом, который весьма уместен при экономическом прогнозе ближайшего будущего.

России нелегко будет усвоить аксиомы рынка. Но есть и лукавый пессимизм, вылезающий из официальных и полуофициальных щелей, который, ссылаясь на национальные особенности, иногда используют, чтобы приговорить Россию к длительному экономическому абсурду.

Особенно он любезен тем, кто неспособен к обучению и усмирению своих амбиций.

Народ России творит и трудится, как и другие народы, Его труд плохо организован и низка экономическая и профессиональная культура. Но принципы организации и обучения – как раз то, что необходимо понимать умом. И вообще – экономика – область рационального анализа и русские здесь должны вести себя так, как если бы были коренными японцами или американцами. Понимание требует усвоения некоторых общих принципов. Поэтому -

НЕМНОГО ТЕОРИИ

Понимание экономических принципов кажется мучительно сложным, пока не осознаешь, что в основе процессов лежит простая аксиома: потребить можно только то, что имеется в наличии. Если перед вами яблоко – мы имеем возможность съесть только его – независимо от того, удовлетворит это наш голод или нет. Наши потребности, как бы ни были они велики или малы, всегда должны находиться в строгом соответствии с тем, что мы произвели, на заводе, в крестьянском хозяйстве, в целом по стране. А для того, чтобы произошло соответствующее произведенному распределение, необходимо на полюсе потребления иметь эквивалент того, что имеется на полюсе наличия продукта. Товарное предложение оценивается денежным спросом, т.е. потребительная стоимость, с необходимой функцией и качеством, через цену реализует свою меновую стоимость в эквиваленте, чья надежность обеспечена конвенцией, законодательством или признанной ценностью.

Пока происходит эквивалентный обмен, экономика функционирует нормально. Нарушение баланса влечет инфляцию, дефляцию и другие экономические болезни. Когда банкноты обесцениваются увеличением тиража, товар защищает себя бегущей ценой, которая не только отражает инфляционные ожидания, но и провоцирует последующую денежную эмиссию. Процесс этот может тянуться сколько угодно, пока не остановится эквивалентным обменом. Ведь в основе товарно-денежного обмена современного рынка лежит тот же бартерный обмен, который проделывали с результатами своего труда первобытный гончар и охотник. Пока деньги не будут выступать как товар, они не будут восприниматься как мера стоимости. Это хорошо прослеживается в семиотическом принципе расчетов, когда реальные вещи в своем взаимодействии представлены своими символами в виде ценных бумаг, обязательств и т.п. Каждый агент рынка одновременно удовлетворяет и спрос, и предложение, получая равное удовольствие от совершенной сделки. Форма эта отражает длительный период мировой истории, когда платежным средством мировой торговли было золото. Но вот появились бумажные деньги. Будучи первое время обязательствами банковских подвалов, где хранились сокровища, бумажные деньги с успехом заменяли золото как платежное средство. Выступая от имени национальных сокровищ, они становились валютой. Это и выдает с головой бумажные деньги – они суть обязательства, но не сами сокровища. И как

обязательства они могут быть нарушены и превратиться в фальшивые обязательства. Поэтому надежность их должна быть обеспечена системой правовых норм. Механизм приведения правовых норм в действие обеспечивается силой. И тут мы попадаем в замкнутый круг – сила возвращает нас туда, откуда начиналось нарушение обязательств – к государственным институтам.

ЧЕЛОВЕК В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИЗМЕНЕНИИ

Круг замкнулся. В этом один из пороков авторитарных государств – они успешно справляются со своими поданными, но не могут справиться с социальными и экономическими проблемами. Авторитарное государство

– своего рода отстойник нечистот и погрешностей экономического развития общества. Чем больше происходит ошибок, тем сильнее обосабливается правящая верхушка, противопоставляя себя обществу.

До настоящего времени наше государство не было заинтересовано в потребительской стороне жизни гражданина, его интересовала в нем только рабочая сила. Сталинский принцип: "Народу – пайка, государству – все остальное", жив до сих пор. Народу печатают столько денег, сколько необходимо для удовлетворения государственных интересов. Потребительская корзина российского гражданина равняется тому, что остается от "всего остального".

Сейчас к военному комплексу прибавились дворцы и виллы в райских уголках планеты. Сделать гражданина равноправным участником рынка может только полноценная денежная единица, при полноценной оплате труда. Но государство отказывает гражданину в валюте. Правительству кажется, что если номинальное содержание денег сделать реальным – это опустошит казну. Традиционно власти не желают понять, что казна и ее содержимое, функционирующее в денежном обращении – это все то же национальное достояние. Разница лишь в том, что чиновник теряет доступ к распоряжению национальным достоянием. А поскольку государство – это и есть чиновник, отсутствие тотального контроля за потоком любых денежных средств для него невыносимо.

И, тем не менее, до 1992 года темпы инфляции не вызывали особого беспокойства. Почему такое было возможно? Ответ ясен – если государство берет на себя обеспечение стоимостного эквивалента бумажных денег, а не придает им золотое, валютное или другое реальное содержание, оно, тем самым, берет на себя ответственность за существующие цены. Цены – это единственная форма, в которой государство, не имеющее во внутреннем обращении мировую валюту, способно обеспечить принятые перед обществом обязательства по стоимостному содержанию бумажных денег. Тут неразрывная связь – плановая

монополистическая экономика дает контрольные цифры на цены и денежное обращение. Если оно теряет эту связь или не понимает ее, то происходит то, что произошло в России. (В качестве курьеза можно указать на Анголу, которая, во время социалистической экспансии в мире, приняла у себя советский вариант экономики. Искусственный курс ангольского куанза привел к тому, что внутренней валютой стало баночное пиво).

Утрата понимания этой связи сквозила и в отчаянных попытках правительства Рыжкова и Павлова придать ценам стоимостное содержание. У них это выразилось в создании трех уровней цен: централизованных, договорных, свободных. Это привело к вспышке спекуляции. Но непревзойденным шедевром абсурда, стало решение отпустить оптовые цены при замораживании розничных. (?!)

ЧЕЛОВЕК НА ВЕСАХ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Но вот произошло то, что произошло. Товаровладелец откололся от государства и в еще более грубой форме противостоит потребителю.

Потребитель – его добыча, цены – его оружие. Практически любой владелец товаром становится монополистом, потому что через сговор становится хозяином ценообразования. В условиях товарного голода он делает товар еще более дефицитным, придерживая, или даже уничтожая его. Товаровладельца не интересует стоимость производства товара, как основы общественно-необходимой прибыли. Его интересует прибыль, в условиях жизни и смерти потребителя. Следствие этого положения – инфляция. Деньги, сохранившие за собой лишь функцию средства обращения, передают все козырные карты в руки товаровладельца. Товар диктует любой масштаб цен, до тех пор, пока не будет полностью исчерпан спрос. Даже остановка печатного денежного станка не отразиться на ценах. Для голодного человека хлеб дороже обручального кольца. Нет чуда, способного остановить рефлекс стяжательства. Есть механизм – конкуренция и стоимостной эквивалент в руках потребителя.

(Заметим в скобках, что потребитель является товаровладельцем своих профессиональных качеств и имеет право требовать за них справедливую цену. Но это уже область профсоюзной борьбы.)

ВТОРЖЕНИЕ ТЕОРИИ В ПРАКТИКУ

Теория – концентрированное, выраженное в понятиях и терминах отражение практики. Или, другими словами – описание обобщенной и приведенной в систему, до выявления характерных признаков и закономерностей, практики. Другой она не может быть. Теория

описывает, а не предписывает, как это делало

"передовое учение". Если полученные знания используют – они ведут к созиданию, отрицание знания – это и есть разрушение.

Драматические последствия гайдаровских реформ – плод непонимания товарно-денежных отношений, при наличии "деревянного рубля". Если государство передает товарную массу в частные руки, оно перестает контролировать денежный курс, потому что цены – единственная реальная субстанция денежного содержания

– начинают формироваться независимыми от эмитента силами.

Течение нашей "единственной в мире" инфляции, было совершенно не похоже на течение инфляционных процессов известных экономической теории. В России все происходило наоборот – не денежная эмиссия заставляла разбухать товарные цены, а товарная масса, в ее разбухающих ценах вынуждала Центральный банк прибегать к денежной эмиссии. Соответственно уменьшалось то, что государство имело и увеличивалось то, что государство хотело иметь. В результате – рост бюджетного дефицита. Удивительно! – В Германии после первой мировой войны прибегали к эмиссии для выплаты долгов по репарациям, а в

России товаровладельцы увеличили государственный долг, стимулируя денежную эмиссию. При этом, как всегда крайним остался рядовой потребитель, на которого легла тяжесть высоких цен, государственного долга и денежной эмиссии.

ЩЕДРОСТЬ С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ

Удивительно так же и то, как жили наши банки в условиях инфляции.

Во всех странах мира самые тяжелые удары инфляция наносит по банкам.

Там это приводит к прекращению банковского кредитования, вызывая экономическую стагнацию. У нас же банки процветали именно на кредитах, но при этом стагнация сохранялась! И эта "загадка" также связана со стоимостным содержанием денег. Банки получают процентные отчисления с кредитов, т.е. имеют дело с деньгами в их номинальном значении, но когда эти деньги возвращаются в хозяйственный оборот, они воплощаются в реальные ценности, и тогда выясняется, что значительная часть их уничтожена инфляцией. А поскольку банки оперировали деньгами государства, через них утекали деньги государственного бюджета, невидимо, но неуклонно увеличивая государственный дефицит. Мало того, Государственный Банк России упорно поддерживал невиданную по размаху благотворительную деятельность по отношению к запредельным странам. На протяжении 1993 и1994 годов искусственно сохраняя завышенный курс рубля. Только больное воображение могло считать, что этим укрепляется рубль и сдерживается инфляция. Был момент, когда как бы устыдившись, что его заподозрят в непонимании сути происходящего, мэтр ЦБ Геращенко, заявил, что Центральный банк не будет поддерживать курс рубля за счет истощения валютных резервов. Но это было одно из тех высказываний, которыми привыкли успокаивать и вводить в заблуждение общественное мнение. После заявления курс рубля длительное время оставался завышенным, но реальность прорвала искусственный барьер и разразилась знаменитым "черным вторником". Это стоило Геращенко места, а "умники" в правительстве, вместе с товарищ Парамоновой создали "коридор", притянув "деревянный" к курсу доллара.

Мировая практика "змеевидных коридоров" для национальных валют, по отношению наиболее стабильной валюте – доллару, возможна в условиях открытого рынка, способного индикативно вносить уточнения в реальное содержание национальной валюты. Наш же "коридор" служит обогащению коммерческих банков и отдельных лиц. Схема проста: Мы получаем доллары за продажу сырья по мировым и демпинговым ценам, далее они поступают в ЦБ и "по дешевке" продаются структурам, которые с большой выгодой для себя финансируют

импорт. Таким образом, доллар возвращается к первоначальному владельцу по ценам мирового рынка. Более того, иностранная фирма, продав в России товар на один доллар, получала такое количество рублей, на которое могла в

ЦБ, с помощью "коридора", купить от четырех до шести долларов.

(Пример: Жвачка за 10 центов продается за 2000 рублей, на которые покупаются 45 центов.)

"БОРИС, МАЛЬЧИШКИ ОТНЯЛИ КОПЕЕЧКУ…"

Нет возможности даже просто перечислить нелепости и необъяснимые парадоксы рыночной России. Но один феномен особенно остро отражался на национальных и человеческих интересах – всеобщие неплатежи.

Неизвестно, что парализовало профессиональных экономистов, но они, видимо, не нашли подходящих слов, чтобы объяснить правительству пагубность этого явления. Оставив в стороне преступные и нечистоплотные причины неплатежей взглянем на то, что представляется обязательным для выполнения. В самом слове "неплатежи" раскрывается суть происходящего – одна из сторон отказывается вернуть производителю эквивалент потребленного. Если мы пойдем по цепочке производитель-потребитель, то обнаружим, что самым злостным неплательщиком является государство. Это очень странно! Если продукция произведена и находится у государства на реализации, то государство расплачивается кредитом, в счет реализации. Если у государства нет денежных средств – значит, возник инфляционный разрыв или мала скорость денежного обращения. Необходима эмиссия, для увеличения денежной массы. В здоровой экономике этот вопрос решился бы чековыми депозитами или системой электронных расчетов.

Правительство боится прибегнуть к эмиссии, опасаясь роста инфляции.

В связи с этим уместно вспомнить экономическую притчу Кейнса о фальшивом долларе, который, поддержав обращение, дал прибыль в 50 центов. Не будь он фальшивым, прибыль составила бы полтора доллара.

Поэтому, если государство не потребит, подобно фальшивомонетчику ценности, равные произведенной эмиссии, деньги останутся средством обращения и не спровоцируют увеличения инфляции. С другой стороны, государство не должно уподобляться корове, которая принадлежит тому, кто пьет молоко. Нельзя позволять субъектам рынка, через увеличение масштаба цен отправлять потоки денег, напечатанных монетным двором для обращения, в собственные нечистоплотные карманы. Давно пора понять, что если рынок "крутится" на наличности, эмиссию не вернуть через налоги.

И еще к "неплатежам": Для постсоциалистического производства типично нестоимостное ценообразование, в

результате чего агенты товарно-денежных процедур оказываются в положении неэквивалентного обмена. Особенно свирепствуют сырьевики, энергетики, связисты, железнодорожники – естественные монополии. При российской зарплате в 15 – 20 раз уступающей уровню развитых стран, услуги этих ведомств стоят дороже мировых в 2 – 3 раза.

ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ

Тем не менее, среди прочих чудес российской экономики неплатежи выглядят как нонсенс, досадная, но исправимая ошибка. Но совсем не проста проблема перераспределения ресурсов через рыночные механизмы в сопровождении инфляционных процессов. Энергичное вмешательство правительства способно ликвидировать неплатежи, но у нас нет шансов остановить инфляцию одними административными средствами. Более того, прямой контроль зарплаты и цен затормозит решение главной задачи – перераспределения ресурсов и создания здоровой, пропорционально развивающейся экономики.

Единственно средство обуздать инфляцию и решить задачу перераспределения ресурсов – стоимостное ценообразование, где деньги подчинены золотому стандарту.

Горячие головы возразят, что нигде в мире уже нет золотого стандарта, что даже США, с величайшим золотым запасом, отказалось от поддержания банкнот золотым эквивалентом и т.д. На что можно возразить, что в 1981 году американское правительство рассматривало вопрос о возвращении к золотому стандарту в связи с экономической доктриной расширенного потребления. Но при денежной системе США стабильность рынка обеспечивается ценными бумагами, в которых отражена стоимость совокупного национального продукта. Цена их, в свою очередь, регулируется нормой процента, поэтому колебания, связанные с массой и скоростью денежного обращения, ниже, чем колебания способные возникнуть в результате неравномерного предложения золота. В России пока нет стабилизатора в виде ценных бумаг, курс которых поддерживается и фондовой биржей и Федеральной резервной системой. Единственным стоимостным эквивалентом при не сложившихся рыночных механизмах, может стать золото – эталон, соответствующий общепризнанным и правовым нормам. Такой эквивалент привлечет иностранные инвестиции и вернет убежавшую за рубеж валюту. А когда заработает механизм перераспределения ресурсов, т.е. способность рынка выравнивать количество товаров, на которые предложен спрос и количество товаров удовлетворяющих этот спрос, на базе сложившегося стоимостного ценообразования возникнет естественный стабилизатор – ценные бумаги, отражающие реальное положение национального капитала. Тогда можно было бы снова вернуться к государственным обязательства в виде банкнот

Центрального Банка или Российской Федеральной резервной системы.

ПОДВЕДЕМ ИТОГИ

Главной задачей России – является создание гражданского общества.

Все остальное – производное гражданского общества. Рыночная экономика – всего лишь механизм эффективного использования национальных ресурсов. Собственность, право, товарно-денежные отношения – условия существования рынка. Мы выходим из состояния длительного социального эксперимента имевшего трагические социальные последствия и явившего полную экономическую неэффективность. Мы должны категорически отказаться от дальнейшего экспериментирования и продолжить жизнь в рамках естественноисторического течения процессов цивилизации. Чтобы вернуться в это русло, требуется политическая воля и осмысленные усилия всего общества. Историческая, политическая и национальная специфика, безусловно, накладывают отпечаток на движение России к рыночному хозяйству, но законы рынка являются общими и для России и для США. Законодателю и исполнителю нет надобности изобретать

Российский рынок. Национальные экономики отличаются одна от другой не более чем люди цветом кожи, в основе лежит общая для всех физиология. Но на сегодняшний день все разумные усилия, направленные на создание рынка, будут разрушаться вирусом "деревянного рубля", который сохраняет все признаки экономического прошлого и свою неспособность выполнять функцию денег.

Семиотика материального ряда породила много заблуждений в среде финансовых практиков. Им кажется, что банки и ценные бумаги могут совершить чудо, оперируя знаками вещей. Но это еще впереди. Сегодня без товарно-денежных отношений невозможно гармоническое перераспределение национальных ресурсов. Если этого не произойдет,

Россия останется заложницей политических амбиций и произвола чиновников. Это, в свою очередь, уготовит ей место сырьевого придатка мировой экономики".

Йорик хмыкнул, прочистил горло, и буркнул:

– Теоретический нарциссизм.

– Не понял. – Мне было немного обидно. Казалось бы, кто такой

Йорик? Однако, – Что ты имеешь в виду? – переспросил я.

– Видишь ли, ты пишешь так, словно это кому-то адресовано. Но ведь тебе известно, что советские руководители, а никого

другого я не вижу ни в Кремле, ни на Старой площади, ни в Белом Доме ни до, ни после "революции", никогда не руководствовались теоретическими принципами в области политической экономики. Они мыслили в рамках натурального хозяйства, только с большими цифрами. Они понимали, что такое КАМАЗ или БАМ, но не связывали это с такими вещами как кредитно-денежная политика, рыночное ценообразование, закон спроса и предложения. Все они заложники ГОСПЛАНА. На них работали научные институты, но они могли понять только то, что отражено в цифрах, а ты о золотом эквиваленте. Для них золото – это определенное количество импорта, а с этой точки зрения твои предложения просто смешны.

– Дорогой Йорик, но я хочу жить в мире реальных понятий. Я не принимаю систему из-за ее искусственности. Я говорю о том, что построенное в настоящее время – тоже искусственное построение. Я не могу называть черное белым, к сожалению, из-за этого белое теряет право на существование, но это уже не его вина.

– Ну, ладно, согласился Йорик. – В общем-то, статья хорошая, особенно если учесть, что ты написал ее перед разгоном Верховного

Совета.

– Небольшие уточнения были внесены уже в 97 году. Трудно было пройти мимо фокусов Геращенко.

– Однако отдадим ему должное за то, что не имея твердого рубля, он сумел придать ему некоторое обеспечение валютными резервами.

– Тут, дорогой Йорик, я мог бы возразить тебе, но нам еще предстоит дойти до того момента, когда это будет более своевременно и уместно.

То, что я назвал его "Йорик", прозвучало впервые и выглядело несколько фамильярно.

– Я вообще-то подозревал, что ты про себя называешь меня Йориком,

– но не ожидай, что я назову тебя Гамлетом, – обиженно буркнул он.

– Не будем спорить, – примирительно ответил я. – Сейчас мы на некоторое время оставим экономические вопросы и перейдем к вопросам политическим.

В этой области у меня тоже имелись впечатления, связанные и с личным опытом, и с событиями в России. Главным, конечно, является разгон Верховного Совета.

К 93 году всем стало ясно, кто такой Ельцин и куда он может завести Россию. Некоторым это нравилось, но были и

протестующие. И снова мы прильнули к телевизору. Там исторические картины колебались перед нами на чаше весов. Белый Дом противостоял воле Кремля. Вот, вот, вот, – казалось еще немного – сторонники восставшего Совета рвутся в Останкино, – вот, вот, вот! – Увы, уже бегает по улицам

Москвы Егор Гайдар с чемоданами денег, уже сыпется горячая наличка в карманы МВД и спецназа. Нет, не отдадут олигархи наворованного.

Горит Белый Дом, стреляют в закоулках сторонников Верховного Совета.

Мой знакомый депутат, защитник Белого дома выводится вместе с председателем Хазбулатовым и вице-президентом Руцким. Но и здесь начальство в привилегированном положении, – их показывают телекамеры, дабы продемонстрировать падение и бессилие тех, кто покушается на ОСНОВЫ. Рядовые депутаты гонятся через строй спецназовцев, их произвольно выдергивают из общей группы, тащат на задворки и избивают, как это могут делать "братки". У Саши Уткина сломаны семь ребер, но он бывший боксер, умеет держать удары, а вот его коллегам достается потяжелее. Многие из них уже никогда не вернутся домой. Ельцин торжествует. Теперь он может принять

Конституцию под себя.

Сухая осень. В небесах
Сухое солнечное небо.
И лес как старческая проседь,
И запах пригоревшим хлебом,
И взвешен дым как на весах.
И листья алые легли
Ковром бесчисленного праха
На пепел высохшей земли.
Рукой дрожащей патриарха
Их жадно грабли соскребли.
И вздрогнув, замерла природа…
И всесожжение листвы
Столбами встало в огородах
Как всесожжение народа
У осени моей страны.

Вот так поэтично откликнулись те события во мне по горячему следу, но это также настроение, вытекающее и из последующего их развития. А в жанре публицистики я откликнулся коротким комментарием:

"В России после 17 года политика стала областью самого доходного бизнеса. Сословные привилегии и собственность были успешно заменены атрибутами властью, которая в условиях

унитарного режима и партийной тайны давала политическим проходимцам льготы и неограниченное владение национальным богатством. Были, правда, некоторые неудобства – вкусненькое приходилось есть под одеялом, но от этого вожделенная цель не теряла привлекательность. Политическая деятельность перестала быть предметом государственного строительства и превратилась в профессиональную борьбу за власть.

Что мы имеем сегодня, когда заблудившиеся в словах россияне пытаются прозреть очертания будущего и вместе с этим смутным видением отдать предпочтение тому или иному политическому лидеру?

Давайте посмотрим, чем отличается политик "демократический" от политика "социалистического". – Это то же самый большевик, которому, однако, надоело есть вкусненькое под одеялом. Он хочет, чтобы полученные от политического бизнеса дивиденды были реализованы в собственность, на вершине которой можно наслаждаться жизнью, не прячась ни от бедных, ни от богатых. К сожалению, эти политики и стали главной движущей силой "русской капиталистической революции".

Цена их принципов легко прослеживается на примере четырех бывших заместителей Хазбулатова – Шумейко, Филатова, Рябова. Все они, питаясь со стола Верховного Совета, критиковали Ельцина, а последний перебежчик на съезде яростно требовал импичмента. Однако сегодня, в команде президента нет более рьяных противников Верховного Совета, чем его бывшие четыре лидера. Но это так, частный случай. Главное – то, что нет в нашей "революции" ни революции, ни капитализма.

Рассматривая происходящее на фоне уже известных буржуазных революций, мы не найдем в ней ни христианского аскетизма Кромвеля, ни вдохновенных идей Руссо. Там, где революционный народ писал

СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО, демократические чиновники вывели:

"НАКОПЛЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО КАПИТАЛА". Наши прекрасно тренированные мастера печати, радио и телевидения не разгибая спины, переползли под новые лозунги и продолжают обслуживать не ИСТИНУ, а СИЛУ. Они успешно добиваются цели – люди перестают верить фактам и начинают верить словам.

Есть ли смысл задавать вопрос: что лучше – "коммунистическая" или

"демократическая нищета? В этой игре слов важно только одно существительное – НИЩЕТА. Это состояние, в котором находился народ десять лет назад, сейчас она увеличилась

кратно. Но есть разница, – разочарованные ожиданием коммунистического рая мы, кажется, готовы поверить в рай капиталистический. Можно предположить, что здесь больше шансов, потому что рыночное общество результат естесвенно-исторических процессов. Но в таком обществе экономика должна служить созиданию, а не развалу, а главным механизмом гражданской жизни должно быть право, а не произвол. Печальный опыт последних дней демонстрирует призрачность надежд на правовое общество в России. Опять приходит легендарный Железняк и говорит:

"Караул устал"… В свое время Учредительное собрание заменили

Советы, которые формировали большевики в условиях насилия и страха.

Теперь на смену Советам грядет Учредительное собрание или Дума. Но как в словах важен не звук, а смысл, так и в народных представителях важно сознание ответственности и внутреннего долга, а не чьей-то воли. Как же мы изберем нравственных и независимых депутатов, если избирательная компания начинается под знаком насилия, если политическая усталость масс переходит в одной стороны – в страх, с другой – в агрессию. Смысл неожиданного президентского шага видится в том, что власть хочет продемонстрировать стране и народу КТО ЗДЕСЬ

ХОЗЯИН и эта демонстрация, в свою очередь, должна заставить напуганное общество перебежать под знамена силы, заставить каждого думать о собственной безопасности и безопасности семьи. Если бы указ преследовал цель не напугать, а разрешить политический кризис, достаточно было бы назначить, с такой же решительностью, досрочные выборы.

Плюрализм, слегка замаячивший после августа 91 года, еще не успел освободить национальное сознание от колючей проволоки, а нас уже загоняют в хлев. Но если в хлеву окажется одна часть населения, там окажется все общество, потому что у россиян одна общая родина -

Россия".

Это то, что можно было написать по горячему следу. Но вот, в 1994 году вышла книга Руцкого, дополнившая картину документами и протоколами. Конечно, и 94 году историческая перспектива не успела созреть, сегодня, в 2003 она видится яснее. Печальное состояние общества следствие прошедших событий. Что мы получили – видит каждый. Закон в России, "что дышло", но есть особые иллюстрации опасности такого отношения к закону. В новейшей истории самая яркая

– попрание властью решения Конституционного Суда. Для

каждого полезно освежать в памяти такие свидетельства истории. Освежим и мы документ 93-го года, он проясняет самую суть конфликта законодателя и власти:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

о соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации" от 21 сентября 1933 года N 1400 и "Обращением к гражданам России" 21 сентября 1993 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя

В.Д. Зорькина, заместителя Председателя Н.В. Витрука, секретаря Ю.Д.

Рудкина, судей Э.М. Аметистова, Т.Г. Морщаковой, В.И. Олейника,

Н.В. Селезнева, О.И. Тиунова, Б.С. Эбзеева, рассмотрев в судебном заседании действия и решения Президента Российской Федерации, от 21 сентября 1993 года, руководствуясь статьей 165. 1 Конституции

Российской Федерации, пунктов 3 части второй и частью четвертой статьи 1 и статьями 74, 77 Закона о Конституционном суде Российской федерации, пришел к заключению:

Указ Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина "О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации" от 21 сентября 1993 года N 1400 и его "Обращение к гражданам России" "! Сентября 1993 года не соответствуют части второй статьи 1, части второй статьи 2, статье 3, части второй статьи 4, частям второй и третьей статьи 104, части третьей пункта 11 статьи 121,6, части второй статьи 121,8 статьям 165, 1, 177 Конституции Российской Федерации и _служит основанием для отреш_е_ния Президента Российской Федерации от должности или приведение в действие иных специальных *механизмов* его ответственности в порядке статьи 121, 10 или

121,6 Конституции Росси_й_ской Федерации._

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, В. Д.

Зорькин

Секретарь Конституционного Суда Российской Федерации, Ю. Д.

Рудкин.

Добавить нечего. Все ясно. Однако Ельцин закону не

подчинился.

Но есть и еще одно свидетельство вольного обращения с Законом. 3.

10. 93 г., председатель Центрального Банка Р. Ф. Геращенко, был отозван из командировки в Китай, чтобы выдать наличные и нигде не оприходованные деньги на подавление Верховного Совета. Мы помним, как ими распорядился Гайдар.

В десятую годовщину расстрела Белого Дома мы узнаем масштабы трагедии и безмерность жестокости. Свидетельства приходят из разных источников – из документального фильма мужественного журналиста

Евгения Кириченко "Черный октябрь Белого Дома", в программе Савика

Шустера "Свобода слова", в газетах посвященных трагической дате.

Москва в сентябре 93-го была завалена трупами. Убиты сотни невинных людей – детей, стариков, женщин, журналистов. Люди в белых халатах, выходившие из машин скорой помощи не спасали людей, а забирали у них, еще живых внутренние органы, для трансплантации богатым клиентам. – И ни одного уголовного дела!

В "Экспресс газете" N 39 один из разворотов посвящается событиям тех дней. Там масса любопытных сведений и, кстати, дается официальная цифра погибших: – 150 плюс 5 скончавшихся в больнице.

Но Иона Андронов – бывший председатель комитета по международным делам расстрелянного парламента, утверждает, что видел "Горы трупов" в Белом Доме. "Следователей пустили в здание только на пятый день, этим и объясняется, что они не видели убитых". По свидетельству правозащитников в Николо-Архангельском крематории сожгли около 400 трупов. Морги и госпиталя Минобороны, внутренних дел и госбезопасности вывозили трупы на кладбища Видного и Мытищ, не давая о них никаких сведений.

И есть еще одна символическая деталь, в этих наполненных символами событиях, – американская администрация обнажила свое лицо и показала подлинное отношение к России и ее народу. Позже, Стивен

Коэн, американский специалист по России, стыдливо заметит: "Ельцин вел экстремистскую политику, а Америка поддержала его, и даже возможно подталкивала к этому". Куда уж возможней! Вот что пишет председатель комитета по международным делам Андронов: "Все было предрешено, притом план штурма Верховного Совета обсуждался при участии

американцев. Затем я получил документальные подтверждения.

Мои друзья из США, а в этой стране я работал 10 лет журналистом-международником, прислали мне стенограмму выступлений

Строуба Тэлботта, посла по особым поручениям, помощника госсекретаря США, от 6 октября из закрытого заседания комитета по международным делам Конгресса США. Из этих докладов следует, что

Ельцин, за 2 недели до путча, командировал в Вашингтон министра иностранных дел Козырева с поручением информировать правительство

США о разгоне российского парламента. А весь день 3 октября и следующее утро 4-го Тэлботт вел из Вашингтона переговоры с соратниками Ельцина. Речь шла о расстреле Белого Дома и его защитников".

– Для чего все эти подробности? – в пространство поинтересовался я.

Видимо приняв вопрос в свой адрес, Йорик некоторое время молчал, изучающее поглядывая меня.

– Может быть, ты воспринимаешь события как утерянный шанс демократической России? – Он помолчал, и сам же ответил: – Вряд ли.

Наверно не можешь смириться с жестокостью властей и циничным прагматизмом Американцев. Да и при чем здесь американцы? В отличие от наших правителей янки исходят, прежде всего, из национальных интересов, и в данном случае, рассматривая варианты, они понимали, что лучше сохранить власть человеку обязанному им своей властью, чем вступать на скользкий путь неизвестности в отношениях с новой

Россией.

– Цинично, но верно, – нехотя буркнул я.

– Что такое цинизм в моих устах, дорогой? – Это то, что тебе не хочется признать, но ты вынужден считаться с фактами. Иными словами, это правда, которая тебе не нравится. Тогда живи в мире иллюзий и не выдавай себя за искателя истины.

– Дело не в этом, – возразил я, – все, что мы обсуждаем – результат поведения людей. Мне бы хотелось, чтобы это поведение не было жестоким и исходило из норм морали и права, а не соображений простой выгоды. Гуманное поведение свидетельство интеллекта и способности видеть историческую перспективу, в противном случае самым эффективным стал бы каннибализм.

– Не будем спорить, иначе слишком далеко уйдем от конкретного события. Чтобы закончить с "путчем", могу

предложить тебе возможность покалякать с самим Борисом Николаевичем, – вкрадчиво поинтересовался Йорик, – Правда, живых доставить сюда труднее, чем усопших. Там просто вызываешь дух, наделяешь его признаками материализации – и болтай, а тут… – все же свобода воли. Требуется непосредственное согласие. Но попросить могу. Ну, как?

– Не стоит, – не размышляя, ответил я, – Бориса Годунова – еще, куда ни шло. А этот – ослеплен похотливой жаждой власти. Что может сказать человек, у которого жажда править неизмеримо превосходит чувство ответственности. Да и был-то он всего знаменем надвигающегося полчища грабителей, правда, с очень острым чутьем и способностью делать выигрышные политические ставки.

Йорик откровенно расхохотался.

– Наверно не это является причиной твоего нежелания. Ты просто боишься узнать нечто такое, с чем тебе нечего будет делать. Слишком много разрушенных иллюзий – это не по плечу ни одному правдоискателю. Ну, да ладно, поползем дальше.

Атмосфера в стране стала удушливой, но все делали вид, что ничего не произошло, что по-прежнему свобода и там и сям. Поощрялось оживление всех видов политической ориентации у граждан, кроме, конечно, тех, кто сидел в Лефортово. Меня что-то потянуло в политику. Я надеялся, что Россия обратит-таки свой благосклонный взор на реальную социал-демократию. Что-то такое обещали в своей платформе молодые политики во главе с Глазьевым. В Нижнем в то время находился один из его соратников – Полозков. Мы познакомились. Я изложил свою точку зрения на социально-экономическую обстановку в стране. Она ему показалась созвучной идеям "Народного альянса". На собрании студентов, сторонников движения, меня выдвинули и избрали председателем Нижегородского филиала "Народного альянса". Ввели в состав политсовета. Ну, и практически все. Мое участие в делах ограничилось несколькими статьями, в которых разрабатывалась политическая концепция, а потом я заметил, что это никому не нужно, что политика – совсем другая игра. Если со стороны властьимущих прослеживались явственно выраженные интересы, то со стороны народа требовалась лишь вынужденная реакция на политические технологии. Я не видел людей преданных идее. Все вокруг делали маленький или большой, но свой собственный политический бизнес. У крепнувших олигархов были деньги, но еще не было достаточно политической силы.

Вот эту силу они и покупали, а политические стряпчие предлагали свой товар, расхваливая и показывая его с самых выгодных сторон. Но это всегда был недобросовестный продукт,

потому что не отражал подлинных интересов широких слоев населения; он представлял его имитацию, или, в лучшем случае товар, только очень низкого качества, наше характерное "тяп-ляп". Если такой "тяп-ляп" был вполне достаточен для обладавших властью структур, которые желали бы заполучить всю политическую палитру, то для вновь формирующихся институтов гражданского общества, этого было недостаточно. Для реального политического строительства, отражающего общественные интересы, требовались серьезные усилия. Однако политическим стряпчим надо было крутиться сейчас, немедленно, им и дивиденды нужны были сейчас, немедленно, поэтому они не вели кропотливую работу с народом, да и талантов для этого не хватало. Мне приходилось сталкиваться с какими-то политологами, чекистами-политтехнологами по "канадской" системе охмурения умов, казначеями сомнительных источников средств для поддержания миража. Может быть, все они были и неплохие ребята, но уж очень рвались к личному успеху. Правда, мне так и не довелось встретиться с Сергеем Глазьевым, тем не менее, к нему сохранилось уважение. Он один из немногих политиков ощущающих свою ответственность перед обществом, беда в суетливом времени. Я тихо выбыл из "Народного Альянса". Как мне показалось, потерю никто не заметил. Некоторое время я сотрудничал с Нижегородскими газетами, лениво отправляя статьи на тему дня, но было понятно, что ради моей

"сермяжной правды-матки", никто не будет сориться с власть предержащими; либо вымарают все, что серьезно коснется больных вопросов, либо просто отправят статью в корзину. Да само положение газет, к которым выработалось определенное отношение еще при советской власти, не позволяло в полной мере серьезно относиться к их материалам. Даже когда в "Нижегородском Рабочем" проходили достаточно глубокие материалы, они могли заинтересовать лишь единичных читателей. Бюрократия в провинции держала круговую оборону, этому способствовало и традиционное почтение к власти, и привитая за годы небытия апатия, и неверие в действенность усилия снизу. Опыт того периода, имел, скажем, так, типичные признаки.

Опять несвоевременное "тук-тук". Настоящее просится на мои страницы теперь уже из случайного сообщения радио. Йорик подтолкнул меня, дескать, иди, послушай. Сегодня, 3 июля 2003 г. умер блестящий и честный журналист Юрий Щекочихин. На протяжении всей своей журналисткой деятельности он трепал нервы властям, особенно в Чечне.

Его позиция была бескомпромиссна и, думаю, нажил он немало врагов среди больших боссов. И смерть-то загадочна – неожиданная и ранняя.

Говорят, таинственная аллергия сразила его после командировки в

Рязань. Не любят в России правду, а у меня просится на страницы восточная мудрость, строки из "Мокшадхармы" – одной из книг священной Махабхараты:

"Правда есть Брахмо, Правда есть подвиг,

Мир держится Правдой, Правдой восходят на небо.

Кривда есть образ тьмы, вниз темнота увлекает;

Тьмой поглощенный не видит, ибо свет для него заволочен тьмою.

Небо есть свет, преисподняя – тьма; так полагают.

Обе – правду и кривду получают странники преходящего мира,

Одинаковым образом здесь во вселенной вращаются правда и кривда,

Закон – беззаконие, свет и мрак, счастье – несчастье.

Отсюда: что правда, то и закон (дхарма), что закон, то и свет, а что свет, то счастье;

Отсюда: что кривда, то беззаконие, что беззаконие, то и мрак, а что мрак, то и страданье".

Мало у нас правды, мало у нас света, мало у нас счастья. Много у нас кривды, много мрака, много страданья. Отчего так происходит, отчего мы завидуем благополучной Европе, но не можем наладить свое благополучие? Из поколения в поколение в России наследовалась злоба и беззаконие. Грозный – Годунов – Отрепьев – Романов, – все они отрицали друг друга. Двести лет прошло, чтобы замирения достигла

Россия в лице Александра II. Но вновь – Николай – Керенский – Ленин

– Сталин – Хрущев, да что говорить, весь XX век был пронизан отрицанием да борьбой за власть. А дальше? – Горбачев – Ельцин.

Антагонизм достиг апофеоза. Когда им было постигать культуру власти, гуманные традиции, осознание ответственности? Хищник шел вслед за хищником, и унаследование происходило на отрицании лучшего в предыдущем, ибо без драки нельзя было вырвать кость. Не так ли возникают наши олигархи и монополии? Не из естественного развития, где рыночная среда формирует сильнейшего, а монополии из укрупнения отрегулированных конкуренцией компаний. – Нет: наши олигархи вышли из невиданного в мире

грабежа с бандитскими разборками и кровавым отбором. Наши монополии возникли из советских монополий, завоеванные олигархами они обрели те же аморальные устои. Они не совершенствуют механизм производства, они делают их более грабительскими. Так откуда же в России возникнуть гражданскому обществу, способному защищать свои интересы? Как этот народ, не имеющий нравственных и гражданских традиций, может защитить и отстоять себя? Кто его вожди и куда ведут?! – А в ответ тишина…

Уход из бизнеса сопровождался разными неприятными вещами.

Вытягивали судебные исполнители из моего должника средства небольшими дозами. Это обстоятельство держало меня в подвешенном состоянии, – вроде работы уже и не было, и, с другой стороны, еще не все было закончено. Странное чувство присутствовало во мне на протяжении всей моей коммерческой деятельности. Это было не мое от начала до конца. Я знал все, что требуется для успеха дела, но мои принципы, но моя йога требовали постоянной честности, открытости, верности слову, щедрости, мягкости в обращении с людьми, понимания их слабостей и несовершенства, снисходительности к их ошибкам, всепрощения. А для успеха требовалась постоянная жестокая борьба, черствость в обращении, мелочная опека, отсутствие щепетильности.

Самое неприятное, что необходимо было выстраивать особые отношения с людьми, общение с которыми не доставляло мне никакого удовольствия.

Я не осуждал, но не мог принять их образ жизни и мысли. Но бизнес – умение строить отношение с нужными людьми, а не с теми, кто тебе приятен. Когда я заканчивал предпринимательский цикл и обрывал связи, я чувствовал себя вылезающим из западни. Западня была моей, созданная по собственному желанию и претензии я мог предъявить только себе. Семья испытывала некоторое разочарование. К сожалению, не все мы разделяем между собой и не все можем объяснить друг другу.

Естественно, Кате, Дине и Саше было жаль терять тот уровень благополучия, который давала предпринимательская деятельность, но в том-то и дело, что я уже не мог принимать его. Такая цена для меня была несопоставима с моральными затратами. То, что мы тратим невидимо; мироощущение спрятано глубоко внутри и его невозможно показать даже самым близким. Но жизнь продолжалась. Накопленные незначительные средства таяли с каждым днем. Семейный бюджет требовал, чтобы я

устраивался на работу.

– Постой, постой! – Йорик многозначительно поднял пальчик вверх,

– Ты очень поверхностно проскользнул по весьма важному периоду твоей жизни. Неужели все так просто? – Ведь для тебя это был не просто бизнес, не просто способ заработать побольше денег, ты стремился получить н6езависимость и свободу. Ты стремился создать обстоятельства, над которыми хозяином будешь только ты, а не система.

Мои руки застыли над клавишами, и я терпеливо выслушал всю фразу.

В принципе, я собирался закрывать эту тему и переходить к другой, но реплика нарушила планы. Замечание было по существу и чтобы быть честным с самим собой, требовалось основательнее осветить то, о чем говорил мой собеседник.

Обстоятельства всегда теснили меня. Конечно, ни одна власть и никакая система не может осуществлять полный контроль над поведением человека, но она создает условия зависимости. Они тем более ощутимые, чем больше мы хотим получить от нее. Поэтому я старался делать так, чтобы отдавать самому, – если трудиться – то с полной отдачей, если требовать, то только справедливо, если нести бревно, то брать за тяжелый конец. В какой-то степени благодаря этим принципам мне удавалось получать определенную автономию на работе, то есть, я был неплохим работником, умел организовать свой труд и труд людей, с которыми был связан производственными отношениями.

Меня ценили и во мне нуждались, насколько уместно употребить эти слова к обстоятельствам, в которых у нас ничего не ценится и царит безразличие. Когда меня избрали председателем СТК цеха, я попытался повлиять на создание более разумной организации труда, на обоснованность кадровых решений, но, как уже говорилось, начальство умело "держать и не пущать". Но было и другое обстоятельство, осложнявшее мои связи с производством – для некоторых, даже близких людей, я представлял собой неудобство бескомпромиссной честностью и принципиальностью позиции. Глубоко спрятанное, но иногда прорывавшееся раздражение коллег по работе тяготило меня. И вот, когда представилась возможность создать свое собственное производство, выйти полностью из состояния зависимости, я решился на организацию малого предприятия. К сожалению, все перечисленные неудобства в собственном деле просто перешли на иной уровень, пришлось столкнуться с уродством, которое вносила система и российский менталитет в каждую деталь нашего быта уже с

"капиталистическим" акцентом. Напрямую мне никто не делал сомнительных предложений, но делали через посредников. Используя моих помощников, заволжские рэкетиры пытались "наехать" на "ГИД", но когда я лично встретился с заправлявшим тогда уголовным миром

Заволжья "Мочалой" – ныне покойным Володей Мочаловым, вопрос был снят. Володя слышал обо мне, слышал, что я сидел, ну, и видимо личные впечатления, впрочем, не знаю, но для меня сделали исключение. Однако перспектива подобного рода подзаконных отношений меня категорически не устраивала. Это тоже одна из причин, заставивших разрушить почву, на которой могла произрасти зависимость.

Вот, пожалуй, и все, что следовало сказать на реплику, брошенную моим партнером по размышлению Йориком.

Страна переживала кризис. Рабочие места сокращались. Моторный завод испытывал на себе первые удары советского предприятия входящего в новые экономические условия. Я все же мог бы пойти на очистные сооружения, профессиональный уровень и квалификация оставались востребованными, но возраст заявлял о себе, начиная проявляться в костях и по всему телу. Я особенно не переживал, присутствовало чувство, что все утрясется, – меньше-больше, лучше-хуже, – не пропаду. Действительно, в спорткомплексе, где работала моя жена, нашлось место, самое, пожалуй, подходящее в тот момент. Я устроился сторожем на стрелковом стенде. Место сказочное для человека сохранившего память работы на заводе. Стрелковый стенд

– сооружение выросшее на прекрасной лесной полянке, среди озер и почти девственного леса. Удивительно, – в тридцати минутах ходьбы от моего дома открывался этот чудесный уголок природы. Нас было четверо с суточным графиком дежурств. Платили, разумеется, немного, но свободное время позволяло писать. Я давно хотел закончить "Демоны поиска". Новая Россия давала собственную среду обитания для моих героев. Сейчас не требовалось экспортировать комиссара Барка за границу, все перипетии сюжета органически вписывались в реальность российской действительности. Имевшийся вариант я решил полностью переработать. Этому, кстати, способствовало не только мое решение. В

92 году печатное дело обретало самостоятельность, и возникали новые издательства. С одним из таких, издательством "Импульс", у меня сложились особые отношения, потому что там работала знакомая – Ира

Немеш. Редактора "Импульса", Геннадия Пархоменко,

заинтересовал роман "Демоны поиска". Я приехал в Москву, правда, по другим делам

(тогда я еще занимался бизнесом) и навестил редакцию. Мы заключили договор, по которому обязывались, со стороны редакции – издать роман в количестве 100 000 экземпляров, а я не возражал против литературной правки. Примерно через год рукопись вернулась ко мне, с просьбой сделать правку самому. Тогда не нашлось для переработки времени, да и желания, и вот сейчас, через пару лет, я решил написать совершенно другую книгу.

Работа подвигалась довольно быстро. Месяца через три после того, как я сел за переработку романа, он был готов. Признаться тогда у меня имелись не бескорыстные мысли, что труд писателя – самый подходящий и свойственный мне вид работы, что он должен обеспечить какую-то сносную форму материального существования и тому подобное.

К сожалению, я уже не мог использовать договор, заключенный с московским издательством "Импульс", – к тому времени оно разорилось.

Я попытался воспользоваться своими старыми связями и через

Полозкова, работавшего в то время в Государственной Думе, договорился о встрече с Говорухиным. Здесь тоже обстоятельства были не на моей стороне, приехав в Москву я узнал, что у Станислава

Сергеевича стряслась беда с сыном воевавшим в Чечне и он уехал туда.

Долго находиться в Москве я не мог. Оставался Нижний Новгород.

Препятствий для издания книги не имелось, я считал себя единственным в Нижегородчине писателем-фантастом и попробовал обойти местные

Нижегородские издания. Не все оказалось так просто. Практически издания способные проводить самостоятельную издательскую линию, не устояли в новых экономических условиях, превратившись в корректорские приложения к уже существующим типографиям. Все же в миниатюрном, работавшем с учебниками, издательстве "Деком", у меня взяли рукопись, но черед некоторое время возвратили, почему-то в заново переплетенном виде. Зав. Литературным отделом Ольга

Червонная, похвалив содержание и посетовав на то, что их финансовые возможности не позволяют брать на себя ответственность за издание одного произведения, но редакция будет готова к разговору, если я с этим романом предложу еще

что-нибудь. На этом мы расстались. В

"Нижегородском рабочем", прочитав роман, предложили дать в нескольких номерах сигнальные главы и обратиться к возможным спонсорам прямо через газету. Я согласился, и в предисловии изложил мотивы, которые толкали к написанию романа. Это было в декабре 96 года.

"Какое будущее ожидает нас?

Ответ имеет два варианта: возможно будущее созданное инерцией разрушительных процессов, возникших благодаря нашей недальновидности и жажде потребления, и будущее, в котором люди осознают настоящее, пытаясь разумно влиять на него.

Компьютерная модель первого варианта утверждает, что при сохранении существующих тенденций хозяйственной практики и отношения к экологии резервы планеты исчерпаются через шестьдесят лет, плюс-минус двадцать. Наши дети могут стать свидетелями гибели земли и ее последними обитателями. Во втором варианте есть надежда изменить жизнь к лучшему, очистить и возродить планету. Между первой и второй альтернативой стоит наука. Она в равной степени может способствовать и разрушению и созиданию. Ученый должен обладать твердостью, позволяющей отстоять выбор перед давлением обстоятельств, претензиями политиков и чиновников, перед соблазнами, предложенными беспринципным бизнесом. В этой невидимой миру борьбе раскрываются самые социально значимые человеческие качества. Ожидающая награда – не деньги, признание и слава, а лишь моральное удовлетворение. Для судеб планеты такой выбор может иметь решающее значение.

Но что бы ни происходило между политиками, чиновниками и учеными, не следует забывать, что на трибунах театра сидим мы – простые люди.

К нам обращены призывы отвергнуть или признать действия участников спектакля. Способность сделать квалифицированный выбор должен сделать каждый человек, только тогда выбор станет разумным.

Для нынешней России подобные вопросы стоят особенно остро. Мы в очередной раз продемонстрировали миру свое умение "разрушать до основании". "Буржуазная революция" как Мамаева орда пронеслась по просторам Отечества и ее хозяйственному механизму. Более всего пострадало при этом человеческое сознание. Не высокие идеалы легли в основу радикальных реформ – их горючим и движущей силой стала первобытная жадность.

Разумеется, пока обществом управляют инстинкты – ему не

до размышлений, а с таким социальным алгоритмом нет шансов удержаться в двадцать первом веке. Наш шанс – обрести разум и доброе сердце.

Доброта – не призыв к бедности, достаточно понять, что не бывает удовлетворенной жадности. Напиваясь, алкоголик не думает о последствиях, но наступление последствий уничтожает саму способность к размышлению. Такое может случиться с целыми народами.

Государству, похоже, безразличны судьбы его подданных, Члены политического Олимпа словно скроены из особых атомов, каждый из которых генерирует безграничную жажду самоутверждения. Не заметно, чтобы где-то там сохранилось место сочувствию и состраданию к ближнему. Поэтому всем нам необходимо учиться принимать свои маленькие, но ответственные решения.

Перечисленные проблемы подспудно просматриваются в фантастическом романе "Демоны поиска". Будущее общество, показанное здесь, не научилось справляться со своими гражданскими обязанностями и все более попадает под полицейский контроль. Учеными тоже владеют химеры жадности. Мировое сообщество создает орган контролирующий их деятельность. В романе таким органом является МАКНАД -

Международное Агентство Научных Достижений. Но роман – не социологическое исследование, он следует законам жанра, тем более что этот жанр – остросюжетный фантастический детектив. Но автора, как и современников, конечно, больше интересует настоящее, и содержание романа является настоящим, правда, загримированным под будущее".

Я сделал все, что мог в тот момент, и повис в ожидании. Ожидание было не пассивным, продолжалась работа над трилогией. На стрелковом стенде хорошо писалось и думалось, а дома имелось достаточно времени, чтобы отпечатывать написанное и продуманное на машинке.

Вскоре была готова первая часть трилогии – "Шантаж". Опять мне не повезло с издательством – "Деком" приказал долго жить. Я отнес рукопись в недавно созданный меценатом Седовым литературно-художественный журнал "Нижний Новгород". Барсуков, бывший в то время редактором, принял рукопись, и как мне передали, высоко отозвался о ней и уже готовил к публикации, но был заменен другим редактором, который не мог решать такие вопросы самостоятельно. Последний отдал роман на согласование с хозяином журнала – Седовым. Седов как раз принадлежал к категории лиц, о которых писалось в романе. Видимо ему это не понравилось. "Шантаж" вернулся на исходное

место. Я заканчивал вторую часть – "Агасфер".

Когда я писал "Шантаж", улучшилась техническая база моего творчества – купил компьютер с принтером. Мои попытки пристроить роман как бы утратили остроту – я мог самоиздаваться, печатая книгу в домашних условиях. По крайней мере, друзья и родственники имели возможность прочитать то, что я написал.

В 1997 году подоспело и еще одно событие, имеющее важное значение в жизни каждого человека – наступил пенсионный возраст, рубеж, где начинаются новые формальные отношения человека с государством. Год, когда мы узнаем, как ничтожно отечество оценило наши усилия по созданию его крепости и процветания. Вообще-то хронологическая цифра 7 имела в истории России фатальное значение, – что-нибудь да произойдет, -!7 год – революция, 27 год – начало коллективизации,

37 год – массовые репрессии, кстати и я родился, 47 год – борьба с космополитизмом, 57 год – Хрущевские репрессии, кстати, и меня посадили. Последующие два десятилетия проскользнули без потрясений.

87 год поколебал страну пиком "перестройки", а 1997 – потряс дефолтом, этот, кстати, был и годом моего выхода на пенсию.

На работе такие даты тоже замечают, поэтому я не мог миновать общепринятой традиции и не отметить выход на пенсию. Справляли юбилей и дома и на работе. На работе – стрелковый стенд был к нашим услугам. Впрочем, его постоянно использовали для каких-нибудь увеселительных мероприятий – то гуляло непосредственное начальство, то городские власти, то "оттягивался" заводской цех, обмывая надуманное событие. Теперь это было мое 60-тилетие. Особенно радовался стрелковый пес Кузька. Жизнь его была сытой, но праздник есть праздник – здесь, если не считать спиртного, Кузька имел больше чем любой участник мероприятия. Он до сих пор виляет хвостом на памятной фотографии юбилейного застолья.

Особого "приварка" к моему скудному окладу я не получил, – тогда срезали ставку работающим пенсионерам. Но вздохнул с облегчением – все же теперь у меня имелось официальное право на независимость, пусть даже нищенскую.

Обозревая признанный биологически активным период времени, я думаю о событиях, не получивших отражения в наших с Йориком воспоминаниях. Главное из них, конечно, Чеченская война. Война, в которой государственные чиновники свою бездарность и невиданную безнравственность превратили в национальный позор. Существует официальная хроника и

официальное изложение событий, но у каждого гражданина России появлялось личное впечатление, личная хроника, слагаемая на основании свидетельств очевидцев, из сообщения наших отцов, детей и знакомых, прошедших через чеченское пекло, размышления и анализа информации, которая всегда проскальзывает между строчек официальных сообщений. Открывается своя правда. Такая правда тем убедительнее, что она и есть психологическая субстанция хватающая за душу, владеющая сознанием и формирующая мироощущение; это то, с чем мы идем по жизни. Книги закрываются, закрываются страницы истории, но остается национальное сознание, психология, в которой отложилась память современников и очевидцев и никто уже не узнает, почему народ потерял достоинство, почему перестал верить в свое Отечество, почему чувствует себя ущемленным. События уйдут, но останутся их посевы.

Много было позорного в боевых действиях – и штурм Грозного, с положенными там без счета головами и танками, и Буденновск, поверженный Шамилем Басаевым. Кизляр и Первомайский, где бывший комсомольский вожак Салман Радуев посмеялся над всеми видами правительственных войск. Взятие Грозного Асланом Масхадовым окончательно расплющило репутацию федерального силового бомонда во главе с Ельциным. Апофеозом позора и унижения стал Хасавьюрт. Не выдержали нервы, и Ельцин делегировал свою бездарность и беспомощность боевому генералу Лебедю. Но это всего лишь военная сторона постыдного чеченского конфликта. Социальная, историческая и нравственная, нанесли более непоправимый ущерб национальному сознанию. Государственные начальники не видят и не понимают, как они по атому сокрушают национальное здоровье, разрушают веру в человека и возможность дружественного сосуществования. Бесчеловечность не становится гуманной оттого, что она обращена на представителей другой национальности. Свидетелями хищнической наживы на смерти и крови стали не только журналисты, жестоко преследовавшиеся в Чечне, но и вся Россия, смотревшая как торгуют жизнью и оружием министры и генералы, и все приближенные к ним с целью наживы. Невозможно изгладить из памяти свидетельства очевидцев-солдат, получавших устаревшее оружие с того же самого склада, откуда воюющие с нами чеченцы уезжали на джипах и БТРах, с новейшими системами вооружений. "Бандиты" платили наличными. И как-то бледно перед всем этим выглядит тот факт, что еще до начала войны Гайдар и Грачев передали советские арсеналы генералу Дудаеву.

Йорик постучал по столу, предлагая восстановить на страницах хронологический порядок.

– Куда ты меня торопишь? – спросил я, – ведь я пишу не летопись, а исследую состояние души в условиях российской действительности.

Мне, да и тем, кто отважится прочитать написанное, важно знать, почему отдельного человека волнуют события, не имеющие к нему прямого отношения.

– Тогда вернемся еще немного назад и вспомним Афганистан? А это более грубое вмешательство в жизнь другого народа, чем в Германии,

Венгрии, Чехословакии или даже в Чечне. Генералитет и ЦК, зараженные милитаризмом, хотели иметь военный полигон. Им требовалось совершенствовать системы сухопутных видов вооружений.

Да, генсеки играли в глобальные политические игры. Их не интересовала судьба отдельного человека, настолько не интересовала, что ЦК санкционировало на тульском оружейном заводе производство специальных мин-ловушек. Там изготавливали игрушки, разные безделушки, даже мины-калоши, узнав, что калоши были распространенной обувью среди афганцев. Дети подбирали игрушки, взрослые одевали калоши. И те и другие погибали или оставались без рук и ног. Об этом позоре не говорили тогда, не говорят и сейчас, но я знаю об этом, потому что есть живые свидетели преступлений, и всегда буду помнить. Я никогда не соглашусь с теми, кто считает излишним суд над коммунистическим режимом. Отсутствие осознания, покаяния, не позволяет развиваться обществу, а без зрелости общества не возникнет гражданского контроля над действиями властей.

Отсутствие контроля приводит к повторению исторических преступлений.

– За чеченской темой ты проскочил тему дефолта 97 года, а ведь мы хотели поговорить об этом, – осторожно заметило существо на углу стола.

– Да, – согласился я, – но получилось так, что мне не пришлось основательно заниматься вопросом августовского кризиса. Сохранились только впечатления и субъективные суждения. Но как я уже говорил, мое сознание – это часть национального сознания и атомы размышления витают в ауре всеобщего российского размышления, я поделюсь своими впечатлениями.

В начале 97 года дефицит национального бюджета возрос. Уже не было Гайдаровской инфляции, но Черномырдинская

дороговизна не покрывала правительственные расходы. К тому же приближенные к правительству отдельные лица и финансовые структуры использовали активы ЦБ для того чтобы "позолотить ручку" на Государственных

Казначейских Обязательствах – ГКО. И эти два государственных прохиндея – Ельцин и Черномырдин, решили провернуть новую аферу всеобщего национального ограбления для заполнения финансовых пробоин. Поскольку Ельцин уже не очень беспокоился о своем паблисити, так как выборы были позади, а на новую удачу ему не приходилось надеяться, он мог от своего имени принимать непопулярные решения. Но Виктор Степанович еще трепетал за личную репутацию, наивно полагая себя популярным в России государственным деятелем, поэтому он предпочитал оставаться в тени. Для операции по великому ограблению они наметили кандидатуру, не очень заметную, но преданную и ревностную до последней степени – Кириенко. Вроде бы человек со стороны, и, вместе с тем, "умница". Кириенко не раздумывал ни секунды, для него экономическая афера – раз плюнуть.

Его не заботит репутация, да и какая репутация?! – о таком взлете карьеры он не доходил в самых смелых мечтах. "Из грязи да в князи" – какой дурак, особенно из молодых "демократов" упустит предложенную возможность? Ведь друг Немцов "порулил" в замминистра, – и ничего.

Я полагаю, что идея обрушения рубля принадлежала Кириенко, в принципе этим и определился выбор его кандидатуры. Он предлагал слегка "подправить" дефицит, а потом, возможность стабилизации экономики передать в руки Черномырдина, роль которого с "Домом всей

России" возрастет как спасителя Отечества. Дума приняла формулу сделки, согласившись на предложение Ельцина отдать кабинет министров "молодому и способному" Кириенко. Кишки российского налогоплательщика прокрутили через мясорубку дефолта, и запланированное падение рубля состоялось. Внутренние долги стряхнули вместе с напечатанными купюрами как гусь воду с жирных перьев. Пора было гнать Кириенко и возвращать Черномырдина на место. Да вот беда – та часть депутатов, которая не раскусила сразу маневр президента, обиделась на Бориса Николаевича за надувательство и решила отыграться хотя бы на Викторе Степановиче.

Так взошла яркая политическая звезда Примакова. Его назвали

"спасителем", но ничего действительно необходимого для налаживания хозяйственного механизма России он не сделал.

Просто порулил левой ручкой, той, к которой наиболее был адаптирован административно-финансовый аппарат, сформированный на советском менталитете.

Вышеописанный сценарий был разгадан мною еще до того, как произошли события. Исполнился он с абсолютной точностью. Не угадал фамилию Примакова, но заранее предполагал, что Дума согласится только на человека подобного склада и ориентации. Итак, власти очередной раз доказали, что плевать им на народ и национальные интересы. Всю энергию они направляют на самоутверждение и посвящают только себе.

Внутренние изменения в стране мы всегда связывали с первыми лицами. Стиль их публичного присутствия наполнил особым ароматом листаемые страницы Российской истории. В памяти каждого аборигена сохранилась галерея "первых лиц", вроде закладок в книге времен.

Вот Никита Сергеевич. Он разыгрывал мужичка от сохи. Видимо это когда-то нравилось Сталину, а потом должно было понравиться и всему миру. Ботинок в ООН сопровождал эту роль. Прямолинейным напором

Хрущев напоминал паровоз. Ему приделали маховики и поставили на колеса. Он всегда словно катил по рельсам, которые убирали сзади и клали впереди. Мы знаем, что он не мог куда-то приехать. Как политик

Никита обладал огромной энергией и способностью к интриге. Но не было политической проницательности и это переходило в близорукость, не позволившую ему разглядеть то, что находилось прямо под носом.

Леонид Ильич. Было в нем что-то от статиста, аккуратно усвоившего все, что ему хотели внушить приближенные. На лице Брежнева отразилась напыщенность и как бы недоумение. Он наивно любил себя и свои дела. Его неторопливая размеренность словно погрузила страну в сон, где не худеют, но и не толстеют. Брежнев любимый генсек моей старшей сестры, потому что "при нем было самое счастливое время". Но именно при нем ввели войска в Афганистан, а ей лично, не разрешили выезд с экспедицией в Монголию, потому что брат сидел по 58 статье.

Моей жене не разрешили работать в военизированной пожарной охране по той же причине.

Андропов Юрий Владимирович. У меня сохранилось впечатление, как будто он ходил всегда с больным горлом. При Андропове возникли ожидания и разочарования. Конечно, он не мог и не хотел серьезно реформировать систему, но хотел сделать ей капитальный ремонт. Он глубоко верил в принципы унификации и тоталитаризма. Он верил в управляемость

социалистического хозяйства и его прогрессивный характер. Мы не дождались плодоношения его преобразований, так как в судьбу Андропова постучалось Время. Но кое-что все же осталось.

Говорят, что он направил учиться в Венский экономический Университет нынешних младореформаторов – Чубайса, Илларионова, Гайдара,

Глазьева. Но в моей памяти он сохраняется как главный палач венгерского народа. Он был основной пружиной идеи ввести войска и потопить в крови национальный порыв к независимости.

Тяжкое впечатление от Константина Устиновича Черненко. Весь он больной, рыхлый, неприглядный. Он вошел, как бы уже окутанный сваном. Как вошел, так и вышел из истории без собственного почерка.

Последний генсек, и первый и последний президент Советского Союза

– Михаил Сергеевич Горбачев. Он как светлое пятнышко на облачном небе – то есть, то нет. Первое лицо, которое можно было воспринимать как личность, не отождествляя с системой. Его не нужно было поддерживать под руки, но походка его была далеко не твердой.

Пожалуй, он спешил, и хоть многое хотел, но многое и не умел. Его амбициозность и самоуверенность свойственна скорее положению, но не чертам характера. Горбачев был "меченым" и, конечно, питал суеверную веру в свое историческое предназначение, но многое пересмотрел, оказавшись вне большой власти. Я отдаю дань мужеству, с которым он принял на себя крест своих целей. Это был генсек стремившийся сделать свою роль искупительной. Жаль, что для такой роли у него не хватило глубины, мудрости и благородства, но в какой-то степени он обладал всеми перечисленными качествами.

Так виделись мне, гражданину Советского Союза, руководители государства из провинциального Заволжья.

Я заметил, что Йорик вздремнул прямо на краю стола. Ему было скучно, так как в написанном отсутствовали события, а он, главным образом отвечал за них. Он почувствовал, что я остановился, смотрю на него, и встрепенулся.

– А демократическим генсекам будем промывать косточки? – бодро спросил он, словно и не сопел носом секунду назад.

– Им принадлежит будущее, – ответил я, – хоть они и созданы, чтобы отобрать его у собственного народа.

– Но на хронологии эмоции не отражаются, поэтому пойдем дальше, – заключил Йорик.

Мы как-то незаметно перешли к периоду Путинского

правления.

Ельцин еще находился у власти и нам доведется встретиться с ним, но

Путин пришел гак главный защитник режима, когда Дума гнула свое: – подавай им Примакова – и все тут. А Ельцин понимал, что пора на

Евгения Максимовича управу находить – слишком много самостоятельности проявляет. Красным подыгрывает, а то еще надумал и какую-то "петлю Примакова" из-за Югославии отмочил. Ладно, друг Билл не сильно обиделся, но если так дальше пойдет, чего доброго и капиталы "семьи" пострадают.

Продолжая повествование и подойдя к правлению Второго президента

России сделаем небольшой экскурс в систему ценностей на фоне исторических иллюстраций. Системы ценностей, – это основные жизненные установки, позволяющие человеку верить в будущее. Без них не может быть ни общества, ни государства.

6 августа 1996 года отряды Масхадова, возглавившего чеченских сепаратистов, вошли в Грозный, бывшую русскую крепость "Грозная", основанную в 1818 году. Погибло более трех тысяч российских солдат… А еще раньше, в августе 1945 года, была сброшена атомная бомба на Нагасаки. Разрушена треть города, погибло и ранено около семидесяти пяти тысяч человек. А еще перед этим 7 декабря 1941 года, японцы, без объявления войны, напали на Перл-Харбор, военно-морскую базу США на Гавайских островах. Погибло 2117 моряков и 960 пропало без вести. Япония считала Тихоокеанский регион сферой своих национальных интересов.

В последнем предложении содержится то, что объединяет все три события – система ценностей. Это великая сила, приводящая в движение народы и государства, уничтожающая и возрождающая целые континенты. Она посылала армии крестоносцев завоевывать Священные земли, и она направляла с Востока полчища мусульман покорять неверных. Она – в подвигах Матросова и Гастелло, она – тускло, но все еще блестит на орденах ветеранов Отечественной войны. Эта сила побуждает действовать как общество, так и каждую личность в отдельности. Было бы интересно проследить на примере трех перечисленных событий как эта закваска, создающая историю, бродит в человеческих умах, претворяясь в действия.

На мирной конференции в Потсдаме проходившей с 17 июля по 2 августа во дворце Цецилиенхоф, 33 президент США Трумэн сообщил

Эттли, только что заменившему английского премьер-

министра Черчеля, что Соединенные Штаты намерены нанести по Японии удар новым оружием.

Это будет одна атомная бомба, и сбросят ее на Хиросиму. 9 августа

Советский Союз должен был присоединить свои усилия в войне против

Японии, и политическое руководство США считало одну бомбу достаточной для демонстрации силы. Однако появилась вторая – сброшенная на Нагасаки. Приказ о бомбардировке отдал генерал Дуглас

Макартур – командующий театром военных действий в Тихоокеанском регионе. Он считал это ударом не только устрашения, но и возмездия, возмездия за коварную и кровавую бомбардировку Перл-Харбора.

Система ценностей генерала, основанная на заповеди "око за око" позволила ему видеть справедливым уничтожение японского города. За тайной принятия решения Макартуром лежит еще одна тайна Второй мировой войны – тайна бомбардировки Перл-Харбора. Франклин Делано

Рузвельт, 32 президент Соединенных Штатов Америки, прилагал немало усилий, чтобы избежать военного столкновения с Японией. Он понимал неизбежность противостояния США странам Оси – Берлин-Рим-Токио, но справедливо считал, что эта политическая необходимость еще далеко не созрела как национальная необходимость. Такая война требует мобилизации усилий всех слоев общества, а народ США смотрел на кровавую бойню в Европе как на чужую войну. Американцам требовался страшный урок, чтобы они расшевелились и вышли из состояния сытого благополучия. Поэтому, когда утром 6 декабря, за сутки до бомбардировки, президент получил сообщение о готовящемся ударе, он распорядился скрыть содержание шифровки. Рузвельт, безгранично преданный своему народу, единственный президент в истории

Соединенных Штатов избиравшийся четырежды на свой пост, совершил великое жертвоприношение, ничего не сделав для спасения моряков военно-морской базы на Багамских островах. Система ценностей, выраженная в патриотизме получила дополнительную энергию. Америка поднялась. Готов был воевать каждый школьник, и даже домохозяйка.

Трумэн знал тайну Перл-Харбора. Солдаты в нее не посвящались.

Генерал Макартур был солдатом.

Есть в пожаре второй мировой войны и еще великие символы, основанные на системе ценностей. Японские генералы,

арестовали своего императора за то, что он хотел вывести Японию из состояния войны после бомбардировки Хиросимы, и не желали капитулировать. Они предполагали, что 12 августа США сбросит еще одну атомную бомбу на

Токио. Готовилась эвакуация правительственных учреждений, но опасность скрывалась от гражданского населения Токио. Видимо, генералам тоже требовалось жертвоприношение, чтобы вселить жажду отмщения в душу каждого японца и продолжить войну. Генералы не могли смириться с поражением. За последние 500 лет Японские войска ни разу не капитулировали. Наступление Советской армии в Манчжурии, сделало эти настроения бессмысленными.

Вот так системы ценностей управляют общественным сознанием и сознанием отдельного человека.

Блеск ценностей высоких идеалов сверкнул в августе 1991 года, когда на Красной Пресне воздвигались баррикады и люди своими телами прикрывали такую еще хрупкую и ненадежную свободу от танков ГКЧП.

Последние дни радужных надежд! Пир хищников, разорвавших Великую империю и похитивших ее богатства, ввергнул сознание среднего россиянина в оцепенение и гражданской апатии. Исчезли идеалы позволявшие верить в будущее России. Будущее у нас просто украли с помощь такого же циничного беззакония, с каким украли сбережения граждан. Но еще трепетали повергнутые жертвы и собирались с силами, чтобы выразить свой протест. Последний идеализм и последние надежды еще бродили в головах первого, демократически избранного парламента

России. На Указ Ельцина N 1400, о прекращении деятельности

Верховного Совета, депутаты попробовали ответить силой. Беспомощный всплеск надежд и бесславный провал. Идеалы оказались недостаточно убедительными, чтобы разбудить энергию жертвенности у населения.

Когда рассеялся дым, окутавший Белый дом, оказалось, что вместе с ним расстреляны последние иллюзии. Стало понятно, что эта власть создается для самой себя, и ее строительным материалом сделались мы все – простые граждане. Население было унижено и в бесправном состоянии брошено как беспомощная добыча новым хозяевам России.

И вот, бесславная чеченская война 1994-1996 годов. Вряд ли в

России можно было найти человека, который бы верил в справедливость и необходимость этой войны. В Чечне были разбои, рабство, притеснение русского населения, – все, что

способно возмутить нравственное чувство и вызвать у человека потребность защитить справедливость. Но мы видели, что чеченцев вооружило правительство

Гайдара, мы видели, как велики личные интересы Черномырдина в чеченской нефти. Что-то пыталось объяснить продажное СМИ, но мы видели, что оно продажно и видели тех, кто его положил в карман.

Команда Ельцина считала, что армию можно заставить воевать за деньги. Деньги требовалось платить, но поток ассигнований был направлен в карманы высоких чиновников, а солдатам не хватало на скудное питание. Не видно было что-то честных исполнителей государственной воли. Даже президент, не мог бы сказать, как это во время Крымской войны сказал Николай 1 своему сыну Александру: "Здесь не воруют только ты и я". И это тоже видела вся страна. И был позор

Хасавьюрта, и были унизительные для Кремля визиты Чеченской делегации, где Ельцин делал вид, что он здесь начальник, но чувство победителя позволяло Масхадову держаться с большим достоинством.

Огромная держава и крохотная ее провинция! Несопоставимые значения материальных и человеческих ресурсов. Но таковы парадоксы больших и малых величин, когда в жизнь вторгаются человеческие ценности.

Погрязшая в наслаждениях и воровстве правящая элита почувствовала беспокойство. Не настолько, чтобы менять систему и пожертвовать уже присвоенным, нет, им стыдно было превращаться в посмешище в глазах мировой правящей элиты, где они желали закрепиться на равных правах.

Это тоже ценности и тоже стимул к действию. Однако, не имея достаточной материальной базы, трудно совершить политический маневр по оздоровлению ситуации в стране. На шее национального бюджета тяжким грузом висели долги по государственным казначейским обязательствам, следствие игры, которую затеяло правительство

Черномырдина, чтобы оплачивать поддержку своей власти и своего обеспеченного будущего. Тогда Ельцин, вняв тайным желаниям и здравому смыслу, пошел на дефолт, так мастерски разыгранный вновь испеченным премьером Кириенко. Авторитет правительства – тоже немаловажный фактор в системе ценностей каждого общества. К сознанию того, что у России национальный бюджет меньше чем у Финляндии, а военная мощь проигрывает даже Чечне, добавилась мысль, что обществом манипулируют во имя интересов "семьи" и ее ближайшего окружения. В обществе нарастала апатия. Но апатия – тоже фактор внутреннего

состояния и может быть материалом для построения политических конструкций. Человека легко поманить из этого состояния, потому что оно противоречит его природе. На этом возникал феномен Путина. Но было и еще кое-что в приходе к власти второго президента России. Эти обстоятельства формировались на стыке различных течений. Вахабизм усиливал радикальные настроения верующих в ислам на Кавказе. Работорговля, как нахальное напоминание о проигранной войне, приобретала разгул и все более устрашающие антисоциальные формы. И большие и маленькие политики учуяли, что в душе большинства россиян нарастает раздражение Чечней. С этим что-то надо было делать, учитывая беспомощность Ельцина и даже опасность, которую начинал представлять патриарх для существующего режима. Иными словами, новые хозяева России реально почувствовали давление обстоятельств возникших в результате разрушенных ценностей.

Проблемы ценностей возникали в России с особой остротой, когда подрывался военный авторитет государства. Общество оглядывалось по сторонам и искало причины "оскудения духа" после Крымской войны

1853-1855 годов, после Японской 1905 года, Первой мировой. Напившись братской крови в Гражданской войне, оно несколько успокоилось, но эта традиция возобновилась во время Афганского конфликта. Эта невидимая субстанция всегда волновала мыслящую Россию, и даже славянофил Н. Я. Данилевский говорил, что народ лишенный созидательной силы духа "составляет лишь исторических хлам" который

"в огонь вметается в день исторического суда". В прошлом веке с

"оскудением духа" разобрались в победоносной войне по освобождению сербских братьев. В конце XX века ответ вызову, который предложила

России История, тоже мог быть только один – победоносная война. Но как ее начать и как разжечь огонь патриотизма в этих выгоревших душах? – Нам не надо искать рецептов на этот вопрос, потому что его дали события. Нам интереснее понять, что происходило с национальной душой, она управляла или ей управляли при заполнении новых страниц

Российской истории.

В августе 1999 года двухтысячный отряд Басаева и Хаттаба вторгся на территорию Дагестана. Крохотная неокрепшая Чечня, обремененная изобилием собственных проблем, решилась на захват территорий принадлежавших огромной, многомиллионной России! В это невозможно поверить, если бы не происходило на

наших глазах. Действия Басаева и пассивная позиция президента Чечни Масхадова казались настоящим безумием! Представьте себе, что вы сняли со стены старый отцовский дробовик и пошли силой захватить часть территории Московского

Кремля. Представили? Другой вопрос, если ваш друг комендант Кремля предложил бы: "Приходи, Вася, с ружьем, а я сделаю вид, что испугался".

Многочисленные аналитики, обозреватели газет и телеобозреватели, склонялись к мнению, что в походе Басаева не все было так, как это предлагал официальный комментарий, и предполагали, что его поманили из самой Москвы…

Ну, что ж, залез "чеченец злобный" – пойдем бить. Посмотрим, как это получается на своей территории, где "и стены помогают". Побили.

Разгромив отряды Басаева и Хоттаба, а с ними и несколько мирных дагестанских сел, сделали небольшую передышку. Следовало осмыслить то, что получилось. Сочли, что преодолели "чеченский комплекс". Но чеченская проблема еще ожидает своего решения, однако, на ее пути масса сложностей – общественное мнение, как доморощенное, так и мировое. Особенно мировое! Да и не мешает зажечь в душе остывшей и скорбящей от реформ, поражений и разочарований, огонь патриотизма.

Необходимо сознание справедливого наказания мятежной республики.

И тут очень кстати начинают взрываться дома в спальных районах

Москвы, Волгодонска, Махачкалы. Ох, эти взрывы! Если допустить робкую мысль о том, кому они выгодны…! Но мысль не только допустили, но пошли всякие домыслы.. Нашлись также живые свидетели из Казани, которые утверждали, что видели, как к многоэтажному дому доставили взрывчатку. "Это были учения для проверки бдительности" – утверждал пресс-секретарь ФСБ Зданович. Но нужно было видеть, как

Зданович, в программе телевизионного расследования, вертится под градом прямых обвинений в том, что взрывы были инспирированы ФСБ.

"Нет!" – Однако никто не был привлечен за клевету и чудовищные обвинения. А потом этот вездесущий "БАБ" – Борис Абрамович

Березовский. Говорят, что в событиях августа 1999 года он сыграл не последнюю роль. Олигарх, в момент развития событий являясь помощником секретаря безопасности России, имел в то время прямые контакты и с Басаевым и с Масхадовым. Он выполнял личные поручения премьера Путина. Позже, сбежав в

Лондон и прячась от гнева Кремля, он направит документы в Генпрокуратуру о взрывах домов в Москве. О том же будет говорить выпущенная им в Англии книга. И вот сейчас, из зарубежного далека, но с экранов российского телевидения, он утверждает, что взрывы были организованы спецслужбами, по указанию свыше. Так и хочется пригнуться под тяжестью произнесенной фразы.

Попробуем взглянуть на все эти ужасы не ужасаясь, глазами логики.

Какое наследие принимал Второй президент от Первого? Об этом сказано достаточно. И не видно путей, способных вывести Россию из состояния катастрофического падения, кроме тех, которым мы стали свидетелями.

России нужен был хоть один действующий орган, способный сыграть роль уздечки, для обуздания отбившейся от рук "птицы-тройки". ФСБ тоже тронуло гнилое дыхание времени. Если организацию не поставить в особое положение, не возвысить ее исключительным правом, правом тайного повелителя государства, оно пойдет следом за остальными полуразложившимися силовиками. Тайна спецоперации ставила ФСБ выше закона, одновременно делая послушным инструментом власти. А, говоря языком простых чисел, можно утверждать, что взрывы жилых домов, наверняка позволили спасти больше человеческих жизней, благодаря разбуженной ими энергии. Дали гнев, дали моральное право, дали сознание справедливости, позволили извлечь меч из наших заржавевших ножен. Не забудем и о том, какую точку зрения на систему человеческих ценностей разделял самый популярный и любимый американским народом 32 президент Франклин Делано Рузвельт.

Все, что было написано здесь, не в коем случае не носит обвинительный или разоблачительный характер. Такова правда истории и она не может быть переписана. Эти факты просто показывают, в какую социальную и историческую бездну мы уже скатились. Трудно управлять таким разнородным образованием как Россия. Быть может ее имперский дух, и стремление власти к абсолютизму возникали как следствие сложностей управления. Укрепить вертикаль власти, особенно в стране получившей демократические механизмы, можно только при широкой общественной поддержке. Власть стремилась к консолидации после опасного состояния, и получила поддержку, накормив нас собственным мясом. Общество вправе рассчитывать на то, что ему возвратят долги полноценной монетой. Нам нужно вернуть веру в справедливый суд, веру в то, что милиция защищает честных людей, а не преступников, веру в способность государства

защитить общество от хищников какой бы шкуре они не приходили. Нам нужно вернуть веру в то, что правительство, которое мы избираем, служит нам, а не является клубом обслуживания чиновниками собственных интересов. Если не возродить эти системы ценностей, общество какое-то время еще продолжит функционировать, объединенное чисто механическими связями, как в последние дни Советской империи, а затем последует неизбежный распад. Не будем гадать, какие формы получит распад, но мы уже видим, как люди стремятся заменить отсутствие ценностей их суррогатами – алкоголем, наркоманией, развратом. Богатые думают, что их защитят деньги, – но почему они бегут из России?! Откуда всеобщее желание бежать из России?! И хочется послать в эфир крик, словно пассажир корабля терпящего крушение: "Спасите наши души!"

Изложенное – мое свидетельство от 2000 года. Оно не лишено релятивизма в области системы ценностей, но хотелось быть снисходительным к новой политической звезде. Ведь на срок его президентства будет отпущено время либо сохранить, либо схоронить

Россию. Уже тогда проявлялись особенности правления Путина, его основные черты и политические принципы. Когда я увидел премьера первый раз, еще не известного, выскочившего как черт из табакерки на политическую арену страны, он беседовал с Ельциным. Я обратил внимание на его сильные кисти рук. Я еще не знал, что он дзюдоист.

В этом человеке чувствовалась воля, амбиции и готовность служить.

Зная, что он выходец из спецслужб, я подумал, – вот человеческое воплощение принципа "цель оправдывает средства". У него мышление военного человека, для которого самое важное – победа, какой бы ценой она ни доставалась. Позже я обнаружил, что он может хранить верность и быть неумолимо мстительным. Несмотря на то, что Путин появился в Кремле в качестве президента волшебным образом, благодаря исключительно воле Бориса Ельцина, имелись логические мотивы рассчитывать, что он не останется только хранителем интересов семьи, а сделает что-то для России. Логика честолюбия, искры общечеловеческого восприятия, подскажут собственный путь. Увы, он занялся созиданием железного каркаса у существующего режима. Суть его – в укреплении властной вертикали с желанным идеалом – введением "единомыслия". Путин постоянно говорит о демократических институтах, но делает-то противоположное. Он все время дает почувствовать свою власть, власть и волю Кремля. Не думаю, что он является пассивным исполнителем интересов

"семьи", он строит свои политические конструкции, опираясь на реальную силу, и играет только на стороне победителя. И все же в первые месяцы его правления даже для меня сохранялась надежда, и в ожидании его публичных действий я писал в "Нижегородские новости":

"Президент пригласил общество к диалогу. Распахнулись двери

Кремлевского Дворца Съездов, и пятитысячная… Здесь так и хочется вспомнить Сергея Михалкова: "Вот в высокие палаты собирались депутаты". Гимн не прозвучал. – Символическое обстоятельство, молчаливо признающее наличие проблемы. Действительно, было бы странным видеть главу государства, отдающего честь национальному гимну, и сидящих "демократов" усмотревших в этом символе рецидив опасного прошлого. Как быть? – Если отсутствие гимна явилось молчаливым признанием противоречий, то его исполнение сделало бы такой факт наглядным для каждого участника процесса. Но это не легендарное Учредительное собрание, главным действующим лицом которого стал матрос Железняк. Форум созывался властью. Президент понимает необходимость диалога с обществом, и эта дальновидная патриотическая позиция была недвусмысленно обозначена им. Но там имелись представители аппарата, их ставленники и аморфное облако тех, кто вертится вокруг стола хозяйственных и политических вопросов, которые неплохо кормят. Были и протестующие, наивно полагающие, что их незаметно около того же стола. Но незримо присутствовала еще и огромная страна, голос которой трудно услышать на подобных форумах. Попробуем заглянуть в мутные глубины этого образования.

Мы не научились делегировать в представительные органы людей защищающих наши интересы. Как всегда правящая верхушка выдвигает самое себя и видит состояние дел глазами собственных интересов. Ведь проблема гражданского общества, прежде всего и заключается в том, что чиновники и бюрократы всех мастей отобрали у народа ключи удовлетворения национальных потребностей. Они создали особый непроницаемый слой, связанный с остальным обществом только каналами текущих вверх денежных потоков. Если представить общество как почву, смысл которой производить и потреблять, то механизм, технология возделывания и потребления продукта – вот секрет его эффективности. А где технология общества? – это аппарат, это народ, и, наконец, информационное поле, связывающее воедино группы населения. Хорошая работа всех звеньев и есть эффективность общества отраженная в

экономических и культурных результатах. А что такое

плохо, мы знаем. На наших глазах рухнула Великая

Империя. Каким оказалось ее самое слабое звено? – НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Несправедливость – вот волшебное слово, раскрывая социальный смысл которого слой за слоем мы можем взглянуть на отечественные проблемы. Несправедливость разрушает договора и союзы, раскалывает общество, она рвет родственные связи и брачные узы. Кажется, испокон веков главный элемент бытия русского человека

– сознание несправедливости. Но никогда чувство справедливости не страдало от бессилия так, как во времена Бориса Ельцина. С приходом администрации Владимира Путина, смягчились острые противоречия, недоверие уступило место ожиданию, но суть в том, что причины предыдущего состояния не исчезли.

Как такое произошло и можно ли преодолеть существующий вялотекущий антагонизм внутри общества? – любимые вопросы парламентариев, демагогов и политических деятелей России. Такие вопросы не новость в истории человечества, над ними бились и многие поколения, и философы, испокон веков размышлявшие над загадками человеческого общежития.

"Когда великое Дао пришло в умаление,
Явились "милосердие", "справедливость" и "долг".
Когда вышли наружу мудрость и знания,
Возникла большая ложь,
Когда между родственниками воцарились раздоры,
Возникли "сыновняя почтительность" и "родительская забота"
Когда в стране воцарились беспорядок и смута,
Явились "верные подданные".

К этим словам Лао-Цзы я бы добавил, – "когда среди людей исчезает добродетель, появляются прокуроры и адвокаты – слуги юстиции, те, кто создает писаный Закон". Закон характеризует моральное состояние общества. Он утверждает, что отношения между гражданами больше не регулируют внутренняя порядочность, чувство долга, правдивость и личная ответственность. Не полагаясь на самого человека, общество создает рамки, внутри которых происходят все процессы человеческих взаимоотношений. Мы подчиняемся ограничениям, но закон нас не воспитывает, ему плевать на нашу добродетель, его образно характеризует доброе наставление вохры сталинских лагерей: "Налево

– провокация, направо – агитация, прыжок вверх – побег. Стреляю без предупреждения".

Европейские страны оказались первыми, осознавшими опасность падения нравов и признавшими, что человеку уже нельзя доверять "по совести" делить кусок хлеба и пора надеть на него намордник Закона.

Приоритет здесь, конечно, принадлежит Риму. А наивных древних греков так распирало от добродетелей, что софист Калликл решительно выступая за неограниченную личную свободу, утверждал, что в наслаждении, необузданности, независимости состоит добродетель и счастье. "Добродушие – дело условного соглашения, пустая болтовня".

Если в Элладе необузданность нуждалась в защите от добродушия, то в

Римской Империи это уже никому не приходило в голову. А каково же в наше время?! Добродушие, как условие человеческих взаимоотношений взято под защиту Закона, уничтожено там еще раз и похоронено под определенным разделом, параграфом, статьей. Нам от него остается милость судей и, если повезет, господ присяжных заседателей.

Не отдавая себе отчета в смысле своего чувства по отношению к

США, мы ощущаем, что "там что-то не так". Это "не так" – прежде всего стремление американцев регламентировать буквально каждый шаг личности рамками закона. Принципы американской свободы основаны на глубоком недоверии к членам общества. Смерть сопровождается системой прав владения собственностью передающейся по наследству.

Никому не придет в голову положиться на порядочность оставшихся в живых. Браки заключаются по брачному контракту, в которых предусматривается вся будущая подлость и коварство супружеской четы.

Короче говоря, нравственная основа, неписаный Закон, закон мироздания, который китайцы называют Дао, а мы говоря о Нем, в молитве произносим "Да будет Воля Твоя", он истреблен в наших выжженных душах, и может быть возвращен туда только как его отдаленное подобие – писаное право. Как бы ни хотелось многочисленным сторонникам "особой стати" и "особого пути" России, бросить все на самотек и ожидать, куда "кривая выведет", нам придется согласиться, что при существующем падении нравов, есть только один путь – создать писаный закон. Создать четкий регламент взаимоотношений между членами общества, перед которым нет

"близкого" и "дальнего", "сильного" и "слабого". Предварительным условием, условием необходимым и главным, является разработка концепции гражданского общества в России.

Его не нужно выдумывать, как не нужно изобретать еще раз велосипед. Это всего лишь механизм, апробированный в условиях существования устойчивых демократий

Запада. Но если посмотреть внимательно на страны

Азиатско-тихоокеанского региона, такие как Япония, Китай, Корея, то мы увидим, что там взаимоотношения людей строго регламентированы традиционным многовековым укладом, основанным на Конфуцианской этике и системе ценностей. Нормы получили свою специфику в Японии и Корее, но имеют очевидную связь с законами "Срединной Империи".

Один из элементов действия механизма гражданского общества – общественное самоуправление. Законодательное собрание Нижегородской области еще в 1997 году приняло постановление о принятии в первом чтении проекта Закона Нижегородской области "О территориальном общественном самоуправлении Нижегородской области". Попробуем проследить его судьбу на конкретном примере – попытке применить в городе Заволжье. Есть в Заволжье забытый уголок – Гидростроительный микрорайон. Второе его полуофициальное, название – Финский поселок.

Название обязано многочисленным одноэтажным щитковым домам, поставленным в пятидесятые годы Горьковской ГЭС Финляндией.

Пристрастия своего сердца "отцы города" безраздельно отдали новым районам Заволжья – компактного проживания моторостроителей в многоэтажных панельных и кирпичных домах. Там они обосновались сами, там они обустраивают свой быт. Финский поселок – без канализации, с перебоями электроэнергии, не все улицы газифицированы и имеют водопровод. Проблем изобилие, но "не доходят руки" у руководителей до проблемного микрорайона.

И вот однажды, 25 октября 1997 года, В.А. Труфанова, бывшего главу Городецкого района, в чьем административном подчинении находится Заволжье, посетила мысль передать дело спасения утопающих в руки самих утопающих. Резонов оказалось сразу несколько: выборы в

Законодательное собрание области, (Труфанов был кандидатом от микрорайона), исполнение перед лицом областного начальства законодательных инициатив (Закона о самоуправлении) и снятие головной боли у местного начальства по поводу перешагнувших нормативные сроки эксплуатации, рассыпающихся на глазах, домиков поселка. Итак, в соответствии со ст. 15 "Устава города Заволжье", был созван сход граждан Финского поселка, и состоялась встреча глав районной и местной

администрации с жителями Гидростроительного микрорайона. Смысл предложения Труфанов выразил примерно так: "Я долго думал и пришел к выводу, что в своих проблемах вы лучше всего разберетесь сами. Вот вам Закон, выбирайте председателя территориального самоуправления, создавайте органы – и – вперед!"

Выбрали единогласно председателя – автора этих строк, т.е. меня.

Я тщательно изучил все, что имелось в сфере законодательных норм, не только областных, районных и городских, но и учел

Конституционные и Российские акты, связанные с основами общественного самоуправления. В результате был написан "Устав" микрорайона Гидростроительный. Юридический отдел администрации

Заволжья дал положительную экспертную оценку, и, пробный камень самоуправления, т. е. Устав, отправили "на поклон" к Труфанову.

Появились претензии к содержанию документа. Дело в том, что никакое самоуправление не может осуществляться без властных функций, предметов ведения и прав собственности. Труфанов соглашался со всеми статьями устава, кроме тех на которые опирается самоуправление.

Устав переписали еще раз, скопировав основные положения с действующего Устава Фурмановского микрорайона в Городце. Он превращал органы территориального самоуправления в консультативный придаток городской администрации, а председатель наделялся единственным правом – присутствовать на заседаниях Городской Думы.

Но и этот Устав не зарегистрировали. Оказалось – не угодна кандидатура председателя. Кандидатура была подтверждена еще на одном сходе. Прошло какое-то время – Устав зарегистрировали в мэрии

Заволжья. Но здесь пришел новый градоначальник. В Городце Труфанова заменил Мухин, в Заволжье Тереньтьева заменил Усов. На мой официальный запрос о необходимости создания комиссии по разграничению прав ведения и полномочий, о закреплении собственности, был дан неофициальный, но твердый отпор, а потом в действие вступила дежурная фраза: "Пока не до того", да "Закон не разработан" и т.п. Где искать "концы" жителям микрорайона? – В местной печати? – смешно подумать!

Можно было бы назвать статьи и пункты, которые неприемлемы для чиновников, но гораздо важнее перечислить, что их вообще не устраивает во взаимоотношении с гражданами.

1.Чиновник не приемлет работу выходящую за пределы регламента установленного им для себя.

2.Чиновник не любит незнакомых имен и создает собственное окружение.

3.Чиновник трепетно относится к самоутверждению и прикрывает грудью каждый метр территории и каждую копейку собственности, как принцип границ своего влияния.

4.Чиновник не хочет признать, что все государственное строительство осуществляется за наш счет, счет налогоплательщиков, и мы имеем право влиять на движение денежных и материальных потоков.

5.Чиновник стремиться лишить самостоятельности те средства информации, до которых он может дотянуться, отлично понимая, что СМИ

– важнейший инструмент защиты интересов общества.

Нет смысла далее рассматривать этот частный случай. Я заговорил о нем как об одном из достоверных и характерных примеров отношения чиновника к интересам общественных объединений. Здесь действует формула: "Держать и не пущать". К сожалению, она является существенной составляющей в жизни, препятствуя формированию гражданского общества. В сущности, мы все еще живем в Советской

России того периода, когда номенклатура уже загнила, но еще прочно держалась за власть, когда не было политики, но были аппаратные игры, когда выборы не влияли на устойчивость занимаемого кресла. В общем, когда с нами не считались, точно так же, как не считаются и сейчас.

Все это имеет отношение к тому состоянию, о котором мы можем сказать, что среди людей исчезла добродетель, поэтому требуются прокуроры и адвокаты – слуги юстиции, те, кто создает писаный Закон.

Прошедший форум общественных организаций России, инициированный

Кремлем, превратиться в очередную говорильню, если мы не осознаем истинный характер взаимоотношений вновь народившихся сословий

России. Если не сможем защитить независимые СМИ – главное условие диалога общества и власти. Центральное место в государстве сейчас занимает чиновник и его отношение к остальным слоям общества должно строго регламентироваться Законом. В Законе должно быть детально прописано каждое действие, мера ответственности, способы принуждения, поэтапное движение от начала до полного завершения бюрократического процесса, ведущего к конкретному результату.

Сейчас политика Владимира Путина сделала мир безопасней, приблизила к нам Америку и Европу. Такой политикой возможно и недовольны некоторые "радетели" Отечества, спекулирующие на ностальгии по советской и даже Царской России, кому "особенно дороги" плоды "евразийской" самобытности. Напомним им – быть может, принципы функционирования аппарата власти тщательно прописаны в законах США и Европейских стран, но особенно тщательно они прописывались, на протяжении почти четырех тысяч лет, в азиатском государстве Китай. Там они, несмотря на коммунистическую идеологию, приносят плоды, которым можно только позавидовать".

Время в моем повествовании имеет обычную хронологическую последовательность, но состояние идей связано не только со временем. Идеи общества и его алгоритмы обладают большим постоянством и распространяются на длительный период. Особенности состояния российского общества сохраняются и в новой и в старой череде исторических событий. Поэтому не будем обращать внимание на события, которые происходили в момент написания материала, и проследим за логикой экономических и социальных, так, как я осознавал их, следуя их внутренним закономерностям. Потом мы уйдем в нужное время, уйдем к другим картинам потрясающим и мир и наше воображение, а сейчас будем завершать начатую тему.

В связи с тем, что я видел и воспринимал, меня интересовал вопрос: "Что такое реальная политика?" Ответ на него поможет пролить некоторый свет на состояние не только морального качества нашей политики, но и на уровень ее здравого смысла. А способность проявлять здравый смысл, является также показателем интеллектуального коэффициента государственного мышления. Тогда мы понимаем, что не только жадность и жажда самоутверждения – движущая сила правящей элиты, но и тривиальная глупость лидеров.

"Оглядываясь на прошедший год, можно обнаружить кое-что утешительное и много печального. И то и другое – следствие предшествующих состояний общества. А вот что их создавало, мы можем узнать, заглянув еще дальше, где на полках 1948 года лежит директива

Совета национальной безопасности США N 201 от 18.08. Директива эта имеет отношение и к заголовку, и к тому состоянию, в котором мы находимся на сегодняшний день. Она стоит того, чтобы процитировать здесь ее основные положения:

"Речь, прежде всего, идет о том, чтобы сделать и держать

Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношении по сравнению с внешними силами,

находящимися вне пределов его контроля (…) не следует надеяться достичь полного осуществления нашей воли на русской территории, как мы пытались это сделать в Германии или Японии. Мы должны понять, что конечное урегулирование должно быть политическим".

"Если взять худший вариант, т.е. сохранение Советской власти над всей или почти всей нынешней советской территорией, то (…) мы должны создавать автоматические гарантии, обеспечивающие, чтобы даже некоммунистический и номинально дружественный к нам режим: а) не имел большой военной мощи; б) в политическим отношении сильно зависел от внешнего мира; в) не имел серьезной власти над главными национальными меньшинствами; г) не установил ничего похожего на железный занавес.

В случае, если такой режим будет выражать враждебность к коммунистам и дружбу к нам, мы должны позаботиться, чтобы эти условия были навязаны не оскорбительным или унизительным образом". (Н.Н.Яковлев, ЦРУ против СССР, М.,

1985 г., стр. 40-41).

Понятно, что доктрина отражает интересы США. Логично было бы предположить, что политическое руководство Советского Союза также будет действовать в интересах своего государства. Ничего подобного.

Они формировали внутреннюю политику так, как если бы состояли на службе в ЦРУ. Объективно политические установки советского руководства работали в интересах США и стран НАТО. Реальная политика

– это то, что формулируется как цель и воплощается как данность. Что у нас воплощалось как реальность? – Действия государственной политической элиты, по крайней мере, до 91 года выглядят, как бы это помягче сказать, – неадекватно. Они не только вели страну к развалу, они превратили ее в стратегический сырьевой придаток и

Запада, и Соединенных Штатов. Но фразеология, сопровождавшая действительное состояние дел была прямо противоположной. Однако посмотрим на факты.

Мы видим, как установки Совета безопасности США осуществились самым прямым и чудесным образом, так, словно наши политические руководители состояли у них на жаловании. Но им даже жалования не платили. Просто использовали традиционные для российского политика качества – неадекватные амбиции, жажду безграничной власти, презрение к народу, веру в собственную непогрешимость и производное этих качеств – слепоту, если не сказать тупость. Разумеется, тот, кто

несет моральную ответственность за государственную политику и те, кто обслуживает этих людей, находили оправдание. Они считали, что у нас все время возникали проблемы с наследием. – Временному правительству досталась разруха от Николая II и Первой Мировой войны, правительству Ульянова – разруха от Керенского и гражданской войны, Сосо Джугашвили – получил все предыдущие разрухи, Хрущев – разруху военную и периода культа личности и т. д. Наконец, в 1991 году, мы имеем разруху семидесятилетнего тоталитарного режима.

Заметим в скобках, что до февральской революции Россия была самой динамично развивающейся европейской страной и к 1917 году могла завершить перевооружение, реформу армии, и выйти к 1918 году самой могущественной европейской державой. Так говорят отчеты английских и французских аналитиков тех времен.

После революции народное хозяйство стало объектом невиданного эксперимента в интересах военно-политических целей новых хозяев страны. Они насиловали экономику, не считаясь с ее объективными законами. Даже наркомфин Григорий Яковлевич Сокольников – организатор и интеллектуальная пружина НЭПа – не очень погружался в законы экономического развития, а выстраивал практическую линию на включение в жизнь старых профессиональных кадров и сохранившуюся способность частного капитала к инвестированию. В конце концов, его целью было не национальное процветание, а построение хозяйственного монополистического режима, выполняющего политические директивы. Но даже это не устраивало товарища Сталина. Ему требовалась военная машина, подчинившая все ресурсы страны задачам милитаризации. Вот тогда хозяйственный механизм России и получил свое окончательное абсурдное завершение. Его характерная особенность заключалась в том, что структура, являющаяся главным источником богатства любой страны – household – семейные хозяйства, утрачивали роль экономического фактора. Государство становилось единым заказчиком и работодателем трех категорий тружеников – индустриальных рабочих, сельскохозяйственных рабочих и универсальных рабочих – заключенных.

В сфере потребления оставалось не более 10 % национального продукта, остальное вращалось в государственных программах милитаризации страны.

Видимо наше сознание, не освободившееся от дурмана навеянного ностальгией по прошлому, еще не в состоянии оценить всю абсурдность, искусственность и беспомощность

советского социалистического хозяйства, но мы до сих пор остаемся жертвами чудовищных диспропорций в сфере производства и потребления. Чтобы представить этот неведомый ни одному государству мира разрыв, приведем цифры по пяти позициям приходящиеся на пик холодной войны в национальном доходе США за 1985 год: расходы на личное потребление – 2629,0 миллиардов $; валовой объем частных инвестиций – 643,1 миллиардов $; государственные закупки товаров и услуг – 820,8 миллиардов $; чистый экспорт – -78,0 миллиардов $; валовой национальный продукт – 4014,9 миллиардов $.

В том же 85 году военно-промышленный комплекс ССР забирал 88 копеек с рубля произведенного национального продукта!

Естественно, в таких экономических условиях, не желая идти на решительную структурную перестройку хозяйственной системы, политическое руководство страны могло работать только на исполнение директивы Совета национальной безопасности США от 18 августа 1948 года. Но им казалось, что в существующих условиях можно поправить положение, экспортируя сырье на евро-американский рынок. Однако и нефтедоллары не задерживаясь исчезали в недрах гигантского кладбища амбициозных программ вооружения.

В 1991 году, в результате буржуазных поползновений России, казалось бы, все обширное засекреченное хозяйство, в результате приватизации, станет достоянием товарно-денежных отношений, рынка, поднимет рубль на небывалую высоту, сделает обладателей сбережений владельцами огромных состояний! Ничуть не бывало! Почти 90% национальных богатств исчезло в бездонных карманах "семьи" и олигархов, а население, имевшее нависший над рынком карниз

"отложенного спроса" в виде 140 миллиардов рублей, сделали жертвой собственных сбережений. Гайдаровские реформы взвинтили цены,

"переварив" отложенный спрос, обрушив на скудный рынок не только

140 миллиардов, но и горячую массу вновь отпечатанных денег. При этом реальное потребление сократилось в 2-3 раза, а наш громоздкий

ВПК повис на каждом россиянине как пиявка, с требованием инвестиций на конверсию военной промышленности. Одно утешение, что около 80 % сбережений принадлежало 2 % населения. А эти два процента вряд ли пострадали.

И вот сейчас, не в состоянии освободиться от тяжкого экономического наследия, мы получаем в виде зарплаты не более

10 % от производимого продукта. Даже понимая, что высокая зарплата – главное условие процветания национального хозяйства, мы не в состоянии обеспечить ее, потому что продолжаем сохранять чудовищные экономические диспропорции. Мы не спешим перевести экономику на мирные рельсы – а это главная причина утечки капиталов.

Потребительский рынок России слишком незначительная арена для серьезных инвестиций. И мы не можем повысить зарплату в востребованной народным хозяйством автомобильной индустрии, потому что сразу станем абсолютно неконкурентоспособны из-за архаичности своих технологических процессов. А ведь нам для поддержания положительной динамики развития, необходимо выпустить на дороги страны в ближайшие десять лет 20 – 25 миллионов автомобилей. Как это сделать с нашими крохотными мощностями?! А вот мощности ВПК по-прежнему не планируют ориентировать на производство высокоэффективных средств производства. Даже Нижегородский индустриальный анклав с его хозяйственными и административными руководителями не поворачивает в сторону рациональной экономики.

Наши избранники только и подумывают о том, как бы ухватить средства для производства милых сердцу самолетов и подводных лодок, не желая понять, что объективно они становятся разрушителями и Российской государственности и национальной безопасности.

Не в силах признать механизмов рынка, даже один из отцов гайдаровских реформ Анатолий Чубайс, высказал мысль, что повышение на электроэнергию неизбежно в силу необходимости восстановления основных фондов. Такая же логика и у теоретиков жилищного комплекса. Эти теоретики на 10 % доходов принадлежащих населению от суммы национального продукта хотят повесить основные фонды страны, совершенно забыв, что согласно бухгалтерскому учету, они практически списаны на амортизационные отчисления. Население уже один раз построило страну и чтобы заставить его инвестировать очередное строительство, необходимо вернуть деньги в карман, доведя пропорцию доходов вместо нынешней 1: 9, хотя бы 5: 5. А государство должно вдохнуть жизнь в омертвевшие ресурсы бывших военных отраслей.

В этой связи хочется опять вспомнить о реальной политике. Япония через сорок лет после разгрома и безоговорочной капитуляции, стала сверхдержавой N 1, об этом сообщило наше телевидение еще в 1989 году. А еще в 60 году, лидер компании "Тошиба", демонстрируя принципы реальной политики, сказал:

"Мы поручили американцам охранять Японию от вас, а на сэкономленные деньги мы будем вести экономическую войну против Соединенных Штатов. В этой войне, будьте уверены, у нас больше шансов на победу, чем у наших заокеанских друзей…" ("Правда", 20.09.89 г.) И это так. В этом можно было убедиться даже тогда, когда на Манхеттене, практически принадлежащем японскому капиталу, рухнули небоскребы торгового центра. При этом американская экономика пострадала неизмеримо сильнее, чем финансовые рынки Японии. Что делала Япония? – Не имея сырьевых ресурсов, она развивала внутренний рынок до состояния мирового, и в этом своем усилии сравнялась не только в экономических показателя с США, но и обрела значительную военную мощь. Вот это реальная политика. А мы все еще живем в условиях хозяйственной системы социализма. Кабинет министров ничем не отличается от ГОСПЛАНА со слегка измененной структурой бюджетных доходов. Хватит ли здравого смысла у политических лидеров России избавиться от стереотипов советского мышления, чтобы трезво осмыслить положение в национальном хозяйстве? Хвати ли у них гражданского мужества и личной порядочности, чтобы отказаться от соблазнов и устранить причины создающие коррупцию и экономические преступления в условиях структурной болезни хозяйственного механизма? Хватит ли исторической ответственности за судьбу своего

Отечества?"

Ох! Спрашивается, к кому я обращаюсь? Но пусть меня простит читатель, если таковой появится, за въедливость с которой я пытаюсь проанализировать макроскопические параметры российской государственной жизни. Может быть, это и не интересно, может быть утратило остроту на сегодняшний момент, но это было, это сложилось в заинтересованной голове пенсионера, и я писал, пусть несколько деликатно, поскольку текст предназначался для газеты. Но чтобы не отвлекать читателя, если таковой найдется, от темы, если она его заинтересовала, приведем еще одно рассуждение, связанное с предыдущей темой. Оно называется "Молчание ягнят". Как известно, ягнята молчат, когда их парализует страх. В российском обществе налицо молчание, спрашивается: что его парализует?

В индийском эпосе есть рассказ о том, как барашек пришел к Творцу и спросил, почему его преследуют и звери и люди. С улыбкой Брахма ответил: "Ну что поделаешь, сынок, если ты создан таким аппетитным, что, глядя на тебя, даже у меня слюнки текут". В отличии от барашка, нам некуда пойти и спросить, почему нас преследует и Рок, и свои, и чужие. Россия

повержена… Уже слетелись хищники и с высоты ее бывших окраин поглядывают на распростертое тело, ожидая когда оно перестанет агонизировать. Орел рухнувшей империи потерял голову, ноги, крылья, но осталась тушка, каждая долька которой съедобна и даже раздражающе аппетитна. Россия мертва, потому что у нее уже нет народа, а есть только его собственность.

Эта унылая картина, немыслимая еще несколько лет назад, подобная бреду фантастического пессимизма, увы, становится реальностью.

Соединенные Штаты, с которыми мы так хотели бы дружить, и которым протянули руку в трудную для них минуту, воспользовались этой рукой, мягко выражаясь, не совсем благородно. Да и где уж до

"благородства", когда речь идет об интересах. Америка никогда не отличалась идеализмом ни в любви, ни в делах. В любви они ценят только секс, в делах – выгоду. И та доля возвышенного идеализма, которая сопровождала нашу реакцию на трагедию 11 сентября, был ассимилирована администрацией Буша в чисто американском духе – он сделал на этом собственный бизнес. Правда есть еще оптимисты готовые подсластить пилюлю, рассуждениями о том, что размещение американских баз по южно-азиатскому периметру России защитит наших школьников от наркотической чумы, проникающей через эти регионы.

Давайте представим на минутку, как американцы гоняются за наркокурьерами на своих "Геркулесах"…

Но дело не в этом. Американцы не настолько дальновидны, чтобы не задевать наше достоинство, а мы еще не настолько инфантильны, чтобы оставаться равнодушными к национальным чувствам. Зимняя олимпиада показала, что мы еще дорожим престижем Отечества и готовы были воспринимать, отношение хозяев Солт-Лейк-Сити к российским спортсменам, как олимпийский Фултон, где Черчилль своей знаменитой речью в марте 1946 года, положил начало холодной войне.

Это всколыхнуло чувства россиян. Чувства – чувствами, но все же следует подумать и головой – почему настолько вызывающе оскорбительно отношение к России? Ведь это, как показывает та же

Олимпиада, не только специфически американская позиция, это позиция всего, так называемого "цивилизованного мира". Что происходит? -

Давайте взглянем на себя глазами благополучного европейца. Разве они могут с уважением относиться к народу, который позволяет власти

ТАК обращаться с собой; разве они могут относиться с уважением к власти, которая ТАК обращается со своим народом?! Возьмем событие, породившее кривотолки, злопыхательства и ухищрения всех заинтересованных сторон – изложение в версии Березовского

"террористических актов" в Москве, Волгодонске, Рязани. Для нас, к удивлению, это не так важно, как олимпийское золото, но иностранец, для которого Россия не является "священной коровой" находится под большим впечатлением. Действительно, кажется очевидным, что чеченские боевики – бандиты и работорговцы, но они не настолько глупы, чтобы вызывать на себя подобную волну гнева. Да и если вспомнить, как перед телекамерами заикался пресс-секретарь ФСБ

Зданович, когда ему говорили о замене гексагена на сахарный песок в

Рязани. Ах, Россия, это твое лицо. И то, что президент Путин почтил память жертв 11 сентября в Нью-Йорке, но не посетил мемориал в

Москве в день годовщины взрыва – тоже лицо России, также как и то, что виновники взрывов до сих пор не найдены. Запад переваривает истории о наших олигархах, судача, где их реальная сила и власть, о том, как они развлекаются, например, устраивая в подмосковных закрытых клубах бои на смерть между подобранными на вокзалах подростками, или в саунах развращают купленных для этого в бедных семьях детей.

Но это всего лишь легкая рябь на наружной поверхности внешней политики, нашем лице и престиже, а что же происходит внутри? Каковы наиболее выпуклые явления Российской жизни, очевидные и замаскированные пружины нашего бытия?

Январская газета "Stringer" цитирует зампреда Комитета Госдумы по делам СНГ Георгия Тихонова: "Во всех бывших республиках СССР колоссальный разрыв между бедными и богатыми. В Норвегии, например, считают средний уровень доходов 10-ти процентов самого богатого и

10-ти процентов самого бедного населения. Первое делят на второе и получают цифру четыре. И главной целью для своей деятельности и

Парламент, и правительство и даже королевская семья в этой стране считают сокращение этого коэффициента напряженности. У нас же в

России он равен тридцати двум, и пока что деятельность наших властных органов приводит только к его увеличению". (Заметим в скобках, что в стране социальных контрастов – США, эта разница составляет 6-7 раз, а налог доходит до 91 % на

доходы богатых и не взимается с бедных. У нас – "равенство" -13 % на нищего и богатого.)

Однако вернемся к "властным органам" и посмотрим, в чем же заключается их "деятельность".

Правительство выносит на обсуждение бюджет, Дума утверждает его и бюджет превращается в Закон финансовой жизни страны. Но вот приходят представители естественных монополий – Газпром, РАО ЕЭС, МПС и слезно умоляют увеличить тарифы. Правительство с пониманием относится к "жизненной необходимости" и идет им навстречу. Тарифы поднимаются, содержание многочисленных бюджетных организаций и предприятий остается на уровне, которое утвердил Федеральный Закон.

И здесь вырисовывается интересная картина – современная схема передела собственности. Она очень проста: бюджетные предприятия не могут оплачивать ни электроэнергию, ни газ, ни железнодорожные перевозки, потому что Законом о бюджете не предусмотрены расходы на увеличенные тарифы. Правительство пожимает плечами и говорит: "Будем банкротить неэффективные предприятия".

Мы несколько успокоились при президенте Путине. Нам показалось, что сейчас власть отказалась от резких телодвижений, способных потрясать страну как во времена Ельцина. Ан, нет. В основе современного передела лежит, казалось бы, ясная и государственно-полезная идея – "собирание земель Российских". Ведь на доходы госпредприятий опираются региональные бюджеты, как правило, это оборонные предприятия, львиную долю заказов которых, оплачивает государство. А государство не намерено участвовать в укреплении экономической независимости региона. И вот предприятия банкротятся, меняют форму собственности, и налоговые поступления направляются в федеральный бюджет. В этом случае из центра определяют, кто как себя ведет в субъекте федерации и сколько ему дать. Так, с помощью финансовой удавки, можно укрепить вертикаль власти.

Власть понимает, что "всевластие" становится источником национальной опасности. В экономике – власть директоров предприятий, которые разрушают производство, создавая технологии личного обогащения. (Только узурпируя власть можно продать за рубеж сотни кораблей Дальневосточного флота водоизмещением десятки тысяч тон, по цене один доллар за штуку). В обороноспособности страны самой большой опасностью становится власть генералов и адмиралов, распродающих авианесущие крейсера, по цене черного металлолома, вертолеты,

по цене велосипедов, новейшие системы вооружений под видом списанного оборудования, своим бывшим стратегическим противникам. Один адмирал, член депутатского корпуса, так прокомментировал приведенные факты: "Это оттого, что маленькая зарплата". (Можно только гадать, сколько "черного нала" направил подобный "откат" в карманы директоров и генералов). И, конечно, весь мир знает, каким оружием воюет Чечня. Это тоже лицо России.

Власть не отделена от каналов обогащения, и мы начинаем воспринимать страну как гигантскую витрину, по одну сторону которой проносятся лимузины, возникают сказочные дворцы, летят самолеты российских шейхов. Там деловито сопит Центральный банк, трудясь над увеличением доходов своих сотрудников, работает на себя армия,

Росвооружение, сырьевые и энергетические монополии, Парламент и, наконец, само Правительство. С другой стороны – зачарованная Россия.

Не жаль, что кто-то обогащается. Опасна несправедливость, которая унижает каждого человека, опасна нищета, которая выхолащивает нравственное чувство и человек перестает ощущать себя гражданином.

"Государственные идеи", к сожалению, всего лишь прикрытие самой банальной алчности тех, кто приближен к "телу", дабы образовать прочный круг преданных сторонников существующей системы, чья преданность обеспечивается технологиями приобретения собственности.

А теория "наведения порядка" для тех, кто делает вид, что верит в подобное.

После падения династии Романовых что-то происходит с властью в

России. Она становится самодостаточной и самовлюбленной. Она не думает ни о России, ни о ее народе. Она консолидирует усилия общества либо для противостояния "внешней угрозе", готовая спустить все до нитки на вооружение, либо, растеряв консолидирующие идеи, пускает по ветру национальные богатства, обогащая себя и своих бывших врагов. И ничего для Отечества ради самого Отечества, ничего для народа – ради самого народа. Вместо Закона и благополучия народу достаются "технологии" имитирующие Закон и благополучие.

Вообще "технологии" стали играть немаловажную роль в нашей жизни, если не сказать – основную. Технологии выборов, банкротств, предела собственности, политических рейтингов, информации, дезинформации, давления и поощрения. А где-то между кирпичиками технологий усердно трудится гильдия

киллеров, цементируя всю эту конструкцию. У нас нет возможности для сознательного анализа своего положения, нет

"народной мудрости", как нет и самого народа, потому что он уже не

"суверен", определяющий лицо государства, а его добыча. И нет никаких национальных интересов, никакой национальной идеи, – они тоже всего лишь технологии создающие видимость государственности там, где расчленяется когда-то живое тело.

19.03.02. (В статье использованы материалы газет: "Stringer",

"Московский комсомолец", "Комсомольская правда", телепередач:

"Независимое расследование", "Свобода слова", "Совершенно секретно",

"Момент истины". Кстати, когда на Дальний восток шла программа

"Момент истины", где рассказывалось о продаже кораблей торгового флота и демонстрировались документы, администрация края оскорбилась и глушила телевизионную картинку.)

Теперь несколько переведем дыхание, потому что еще одна строчка о состоянии общества и читателя начнется аллергия. Вернемся в реальное время, и будем излагать все по порядку. У меня здесь мельком дается как бы уже сформировавшийся портрет Второго президента России, но это происходило параллельно моим впечатлениям в соответствующие календарные сроки.

Удивительными свойствами наделяет человека неведение. Можно распинаться и говорить что угодно о предмете, который лежит у нас под ногами и похож то ли на лимон, то ли на апельсин, "только в клеточках"…Но вот предмет взрывается. Всем становится ясно, что это была граната, ясно, разумеется, кроме тех, кто стоя над ней спорил о ее возможном предназначении. Видимо так же было со многими нашими вождями, – Лениным, Сталиным, Ельциным… пока они не взорвались. Разумеется, под словом "взорвались" я имею в виду осуществившееся событие или ряд событий. Пока они не произошли, мы находились в неведении относительно и товарища Сталина и товарища

Ельцина. Вот теперь приходит товарищ Путин. Мы не можем сделать правильного вывода о его правлении, пока не взорвется все, что должно взорваться и не произойдет, все, что должно произойти.

Кое-что уже случилось, и в этом не было ничего, вселяющего надежду и оптимизм. Знаменитая Путинская фраза "замочим в сортире", была слишком широко истолкована исполнителями

операции по "защите конституционного строя" и привела к эскалации насилия в Чеченской республике. Конечно, бандиты – есть бандиты, с ними необходима и суровая борьба и суровые методы, Но зачем ковать новых бандитов для незаконных формирований из всего чеченского населения. Как и каждый народ, народ Чечни, предпочитает мир войне. Не хотят воевать старики, не хотят воевать женщины, являются податливым материалом и для войны и для мира дети. Не оглядываясь ли на президента, патриоты вооруженных сил устроили эту неприличную возню с Будановым? Какими мотивами руководствуются военачальники, закрывая глаза на позорные действия наемников из бывшей уголовной шпаны, по отношению к мирным жителям. Чем извинить и объяснить невиданные оскорбления, нанесенные во время "зачисток" гордым жителям гор, когда насилуют матерей, сыновей и дочерей на глазах у всей деревни? Так спрашивается, кто на кого одевает пояс шахида? Или "на верху" не знают? Впрочем, многие до сих пор искренне считают, что товарищ Сталин ничего не знал о зверствах в застенках ЧК и МВД. Конечно, нельзя повлиять на случаи отдельной патологии зверства, но если это превращается в систему, то уместно задать вопрос: кем она формируется – "низом" или "верхом".

Впрочем, не будем о грустном. В конце концов, пишется повесть о моей жизни, и я имею право на собственное местечко на страницах

"Опыта"…

Написав это, я услышал о-очень громкий стук из освещенного светом мировых событий квадратного окошечка телевизора. Господи, что же там еще? – Как всегда ВЛАСТЬ.

Осенние месяцы каким-то особенным образом воздействуют на жажду власти российских политиков. Не будем перечислять прецеденты. Вот и сейчас октябрь-ноябрь выплеснул на отечество Кремлевские страсти.

Выше я говорил, что Путин еще не вполне раскрылся. Но вот, этой осенью плод созрел. Личность президента явственно обозначила главные ценности его идеалов. Разумеется, это – стальная вертикаль правления, в которой Угрюм-Бурчеев выглядит жалким провинциалом.

Перед тем как запустить коготки в привычное к истязанию тело

России, Власть решила поточить их о нефтяного олигарха неугодного своей строптивостью – Михаила Ходорковского. Как говорит холуйская пресса: "Взят за экономические преступления". Но от всего этого дела воняет большой ложью и большими

политическими интересами.

Все от начала до конца – пропаганда, фарс и лицемерие. Не говоря уже о вопиющем беззаконии, даже в мелочах этого "дела". Сегодня, 11 ноября 2003 года, адвокаты обжаловали решение Басманного суда в

Мосгорсуде о мере пресечения для Ходорковского. Бесстыдство суда и прокуратуры обнаружилось еще до начала заседания. Суд объявили закрытым даже для поручителей – известных депутатов Госдумы.

Аргументировали это государственной тайной (!). Какая может быть тайна от депутатов, которые, в сущности, и определяют что есть государственная тайна. Да и чисто процедурное беззаконие – не пустить в зал суда на слушание дела поручителей обвиняемого.

Уголовные авторитеты, подозреваемые в убийствах, отпускались под залог, а предприниматель, по крайней мере, на основании выдвинутого обвинения, содержится в клетке. Да и вся возня вокруг "Юкоса", где страдают, по заверению ретивых ветеринаров, даже "кролики и свиноматки", нам, привычным к ураганным облавам госаппарата на неугодных, очень понятна. Мы уже не раз видели, как бросаются пинать лежачего, чиновники всех мастей и инстанции, по зычному оклику из

Кремля. А сейчас, с неведомой ранее настойчивостью, осторожный до последнего времени (по крайней мере, в таких делах) президент, можно сказать, топал ногами и кричал "Ату!". "Никакой истерики"! Самое забавное, что президентский гнев обрушился на компанию, которая первой в стране ввела формы европейского аудита, чтобы сделать прозрачной для общества свою экономическую деятельность, компанию, которая давала самый высокий доход в государственный бюджет – более

5%! Власть не посчиталась не только с людьми, но даже с хозяйственными интересами своего государства, разоряя самое эффективное производство, снижая его капитализацию, обесценивая связанные с нефтяным комплексом предприятия, обрушивая рынок ценных бумаг. Убытки перевалили за десять миллиардов! Конечно, Путин делал это не только для рисовки перед выборами, не только для наказания

Ходорковского из-за его поддержки оппозиционных партий. Здесь прячется глубинный смысл, – конечно, выход на тотальную управляемость, но и еще что-то. Что? Наверно скоро узнаем, хотя, не хотелось бы.

Сумеет ли президент поворошить муравейник пригревшихся у власти, но и держащих скипетр чиновников и олигархов, Семью? – Это отдельный риторический вопрос.

Закрывая телевизионные новости, продолжу о своем.

Честно говоря, с уходом на пенсию, блеснувшая заманчиво свобода пенсионера, грубо вернула меня к реальности российских буден.

Прежде всего, во время строительства иллюзий о благополучии родного микрорайона, с помощью общественного самоуправления, меня хватил инфаркт. Он как бы напомнил о том, что при моем-то опыте и знании российского бюрократа, заниматься таким делом настолько бесперспективно, что лучше поболеть. Болеть в России – это тоже отдельная тема. Если бы всем больным от Камчатки до Калининграда, дать по Калашникову, то в родном отечестве не осталось бы даже больничных стен. Может быть это и преувеличение, но трудно сыскать подряд двух хроников довольных системой советского, а уж тем более капиталистического медицинского обслуживания. Медицина у нас всегда поддерживалась по "остаточному" принципу, а это портило тех, кто представлял ее. Когда в мир иной перешла генерация врачей клявшихся

Гиппократу еще при Николае, возникла генерация "по остаточному принципу", т.е. советская. Конечно, появлялись врачи с моральными принципами, но по мере роста благосостояния советского народа, под воздействием тривиальных обстоятельств, их стойкость начинала терять формы подобно желе под лучами июньского солнца. Лечение было поставлено на поток, персональный больной исчез и появился средне-статистический. Ничего не скажешь – об общем поголовье у нас заботились: боролись с эпидемиями, вакцинировали население, делали прививки, строили санатории для туберкулезных больных, но среди этих оргмероприятий конкретный человек чувствовал себя как-то неуютно.

Я не первый раз оказывался в отечественной больнице, – и в

Верхнем Тагиле с плевритом, и в Заволжье с туберкулезом, и в

Горьком, в Ляховской психушке; и всегда было такое ощущение, что врачей интересую не я, а что-то помимо меня – моя симптоматика.

Впрочем, к Ляхову это не относится, хоть лечение там проводилось традиционно симптоматическое, цель была другая – заклеймить

"контрика". В новой больнице города Заволжье, ставшей гордостью заводской администрации, так как ее строили на деньги ЗМЗ, все было по-советски, с микроскопическим капиталистическим оттенком, – врачи уже успели осознать, что у них "не рыночные" оклады. Попал я туда на скорой помощи, с

запретом резких телодвижений. Меня потихоньку кантовали, в приемном покое, в реанимации, где я по ошибке занял место более уважаемого клиента, и, наконец, перекантовали на носилки и через лифт подняли на больничную постель в кардиологическом отделении. Лечение проводилось традиционное, без оглядки на субъективную реакцию больного, если реакция была слишком острой, кормили сустаком и кололи веропомил. Я понимал, откуда

"надуло" мое состояние. Причинная цепь начиналась сорок с лишнем лет назад, в Верхнем Тагиле, через плеврит. Потом Саранская одиночка, откуда я вышел с туберкулезом, потом Заволжская больница, где меня лечили от него пригоршнями паска, потом забитые этим паском и не оклемавшиеся до сегодняшнего дня почки. Отсюда давление, от давления

– гипертрофия левого желудочка сердца, ну, и так далее. Лежа в больнице, я не рассчитывал на серьезное восстановление здоровья медицинскими средствами и продолжал заниматься гимнастикой, постепенно увеличивая нагрузки. За двадцатилетний период с начала занятия гимнастикой составленной из индоевропейских принципов, я пропустил всего лишь несколько дней. И сейчас продолжаю делать это по паре часов ежедневно. Это, конечно, помогает, но не так, как бы хотелось. Тело подчинено законам времени, а они не обращаются вспять и уж тем более не лечатся микстурой.

Выписавшись из больницы, я продолжил работу на стрелковом стенде и попытался продвинуть вопрос о создании на Финском общественного самоуправления. За это время Устав прошел регистрацию, а мой заместитель, пользуясь мандатом председателя, вырубил вдоль дренажных коллекторов более двухсот сорокалетних тополей и берез, и продал их без лишнего шума. Таким образом, берега каналов лишились естественной корневой защиты, а погреба, и без того страдавшие каждую весну, стали подтопляться еще сильнее. Это безобразие администрация проигнорировала и готова была на продолжение сотрудничества с моим заместителем. Но тут появился законно избранный председатель, живой, но совершенно не подходящий для целей местной администрации. Пользуясь тем, что закон о ТОС еще не был утвержден областным законодательным собранием, идею о территориальном самоуправлении похоронили окончательно. Если бы существовала перспектива судебной защиты интересов жителей Финского поселка, то можно было бы попытаться отстоять свои права, но… "А судьи кто?"

Между тем "дела сердечные" если не ухудшались, то, по крайней мере, топтались на месте. Во время зимних перепадов

температур и атмосферного давления, я испытывал влияние этих воздействий.

Находиться одному в трех километрах от жилья, пусть даже в неплохих условиях, было не особенно приятно. Пенсию мне, как работающему, платили в сильно урезанном виде; получалось, что если я оставлю стрелковый стенд, мое денежное содержание изменится всего лишь на десять-пятнадцать рублей. Я решил воплотить свою давнюю мечту о полной автономии, окончательно вышел на пенсию и уволился с работы.

У меня всю жизнь имелась склонность вбирать в себя как паук паутину, удерживающие меня в контакте с миром связи. Я потихоньку уходил оттуда, где чувствовал неуютно и не имел возможности что-то изменить. Трескучие собутыльники или собеседники входили в мой мир так же, как это происходит у всех – в силу жизненных или житейских обстоятельств. Но, как я уже говорил, одиночка, которую я покинул в

Саранске, вовсе не покидала меня. Во внешнем мире сохранилось только два друга, которым можно было довериться не опасаясь, что они не поймут и не разделят моего взгляда на мир. Да и они порядком поизносились и устали от жизни. Проблемы, коснувшиеся сознания и тела делали утомительным всякое усилие. Мы встречались довольно редко. Моим миром стала в основном семья и то большое пространство, которое врывалось через узкое окно телевизионного экрана. И еще со мной оставалась неизбывная боль, расплескавшаяся по всей территории моей большой Родины. В этих условиях продолжало работу сознание, вместе с телом постигая опыт присутствия в России. Жизнь продолжалась.

– Видишь ли, – вмешался Йорик, и в его интонациях звучали поучительные нотки, – что хорошо, так это то, что наше сознание работает не за зарплату, Оно реагирует, едва лишь взор упадет на какое-то обстоятельство. Не являешься исключением и ты, в противном случае чего бы я тут делал. Твое "вбирание" нитей связи, вовсе не означает, что ты вошел в матасаматхи. С точки зрения гражданского самосознания ты еще вполне исправный гражданин.

Тут Йорик как всегда был прав. Мое религиозное мироощущение не исключало активной жизненной позиции. Правда, эта позиция носила скорее теоретический, чем практический характер. В практическом плане мне противостоял монстр, который назывался российским обществом, с его многочисленными атомами конкретных людей и поступков. В массе своей они подчинялись правилам системы, я знал, что ничего не могу изменить в их поведении сейчас, но верю, что

время вплетает созданные мной идеи в ткань грядущих событий, и что нет человеческих усилий, которые бесследно пропадают в мироздании.

И что бы ни происходило в мире, мы видим это своими глазами, являемся свидетелями происходящего, В наш мир стучат новые угрозы, они требуют нового осмысления, и я пытаюсь понять, что произошло в апокалипсической картине разрушенных "близнецов" на Манхетане. Там, на обломках торгового центра в мир проникает всепоглощающая

НЕНАВИСТЬ. Люди забыли и не хотят понять, что слова Библии, произнесенные тысячи лет назад, по прежнему обращены к нам: "Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взыщу ее от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его. Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божью". (Ветхий Завет, Бытие, 9. 5-6.)

Потрясенные, мы прильнули к экранам телевизоров, с ужасом постигая реальность современного мира. В таком жестоком виде она не приходила к нам даже в кровавых боевиках раскрученных фантазией

Голливуда. Этот ужас высветил несколько проблем, от рассмотрения которых уходили лидеры мирового сообщества, да и сейчас нет надежды, что они будут поняты до конца и начнут учитываться в действиях правящей элиты стран, считающих себя цивилизованными.

Terreur – страх, ужас, как наследие репрессивной политики якобинцев в период Великой французской революции, перекочевав из

XVIII в XX век, начал победоносное шествие по планете под знаменами ислама после второй мировой войны. Одним из основателей современного терроризма был лауреат Нобелевской премии мира Ясир Арафат. В этом знамение и странный парадокс подхода так называемых "цивилизованных стран" к проблеме терроризма. Неужели Нобелевский комитет, вручая премию мира родоначальнику арабского терроризма считал, что имеет дело не с самим "папой" а с его однофамильцем? Или можно было забыть о реках крови для решения ближневосточных проблем так, как это видят сентиментальные наследники европейских представлений о праве? Или это богатые страны, стыдясь своего богатства, готовы были таким образом расшаркаться перед бедными? Что это гуманизм, или расчет торговцев оружием, вооружающих Восток и лоббирующих свои интересы во всех инстанциях Европейского сообщества? Бесконечные вопросы, на которые мы никогда не получим правдивого ответа.

Поэтому закроем талмуд с официальным комментарием, и попытаемся найти разумный ответ самостоятельно.

У терроризма много граней и много проблем. Это проблемы не только ужаса, который он сеет в Америке, Израиле, Испании, Англии или

Турции. Главные проблемы в его корнях. У нас есть хорошая иллюстрация этой мысли. В свое время Советский Союз, с его репрессивными механизмами тотального контроля жизни граждан, видимо считал, что он никогда не станет жертвой террора. Поэтому руководство рассматривало терроризм как инструмент, не представляющий угрозы для державы и могло использовать его во внешней политике. Идеология распространения коммунистического влияния включала в себя и негласное поддержание таких организаций как Аль-Фатах. Именно в те времена по всему миру рассеивались базы подготовки террористов с советскими инструкторами и советским оружием. И вот мы пожинаем плоды посеянного зла. Мы бы хотели забыть прошлое, стать частью благополучного мира. Но грехи не пускают. Слишком много связывает еще нашу страну с одиозными фигурами мировой политики. Это прорывается в

рецидивах имперского мировоззрения, это появляется как отрыжка в заявлениях носителей вируса этой идеологии. Советский Союз был надеждой беднейших регионов планеты, символом справедливого миропорядка, в котором будет положен конец гегемонии капитализма, эксплуатирующего отсталые страны…

Плевелы этой веры еще гонятся по миру доктринами восточных диктаторов. Мы уже протрезвели и решили строить для себя иной мир.

Но вот, придя в этот мир, что же увидели в нем? Цепи, которые считали разорванными.

Могущественная страна любит поиграть мускулами. Советский Союз показал силу в Афганистане. Соединенные Штаты не хотели отставать и противопоставили вторжению – арабский джихад, поддержав его своими капиталами. Нынешний враг американцев номер один, Усама Бен Ладан, выступал в Афганистане как эмиссар ЦРУ. Что же получили великие державы? Россия XXI века пожинает плоды этой игры мускулами.

Порожденная ненависть пришла в наш дом через Таджикистан и Чечню.

Афганские талибы вооружают советским оружием всех мусульман способных ненавидеть русских и европейскую культуру. От террористических банд поддержанных миллиардером Усама Бен Ладаном, тянутся нити кровавых преступлений исполненных американским оружием против американцев. Странно, с какой легкостью был превращен дружественный Афганистан в заклятого врага России. С какой легкостью религиозный фанатизм, поддержанный американцами в арабском мире, обратился на своего покровителя. И здесь раскрылось обстоятельство еще одного болезненного фактора современного мира.

Нищий Восток испытывает больше непримиримой ненависти к богатой

Америке, пусть даже и поддержавшей его в трудную минуту, чем к небогатой России, совершившей прямую интервенцию и пролившей мусульманскую кровь. Нищета населения беднейших стран, превратилась в тот источник ненависти, который так легко эксплуатировать в целях фюреров международного терроризма. Гигантские средства, миллиарды долларов, идут не на развитие этих регионов, обучение, облагораживание культуры, а идут на то, чтобы вооружить эту ненависть и сделать ее более непримиримой. Эту ненависть вооружает, с использованием новейших технологий, Россия, цивилизованная Европа и процветающая Америка. Богатство арабского мира, созданное

самой землей, превращается в нефтедоллары и превращается в оружие. Оно сделало процветающими некоторые мусульманские страны, оно же протянуло невидимые нити зависимости, связавшие богатых с нищетой и терроризмом, сделало заложниками смертельного шантажа. Капиталу безразлична культура и человеческая жизнь. Его сокровенный смысл – в разбухании. Поэтому он пьет соки там, где еще не высохла река страданий и ненависти, где человеческая смерть приносит большие прибыли. Но не следует забывать, что за капиталом стоит человеческое сознание, совесть или цинизм тех, кто обладает им. И здесь мы опять попадаем в головокружительную сферу проблем.

От централизованной системы распределения ресурсов, мы перешли к системе их частного владения. Появились олигархи, и целые отрасли народного хозяйства оказались в их собственности. Отличительным знаком такой формы капитала стало его безответственное использование. Мы сделались свидетелями исчезновения целых городов на Севере, хищнической эксплуатации несметных богатств и разрушения городской инфраструктуры Норильска. Мы видим, как замерзает

Владивосток, мы чувствуем, как построенная нами Россия превратилась в источник эксплуатации, через систему жилищных поборов. Мы видим кричащую роскошь нефтяных и газовых магнатов, мы видим дворцы и самолеты управляющих РАО ЕЭС, и знаем, что это они отключают больницы и школы, что по их вине в квартирах люди сидят без тепла и света. Мы знаем также имена тех, кто за этим стоит. Каким должен быть внутренний мир людей, сеющих в стране, где они родились и выросли, семена ненависти. Неужели они думают, что не найдется новых

Ульяновых и Троцких, которые захотят использовать ненависть – это мощное оружие политической борьбы?! Неужели они думают, что не найдется такого же безответственного капитала, который захочет в своих интересах вооружить эту ненависть?! Нам недостаточно воинствующего ислама, мы хотим получить внутренний фронт вооруженного противостояния уже сейчас расколовшегося общества?!

Богатство и нищета! Мы знаем, что на Ставрополье криминальный капитал объединяется с профессиональными террористами, преследуя собственные цели. Мы знаем, что по всей Руси, от Владивостока до

Калининграда гремят взрывы на складах оружия и бушуют пожары в военных арсеналах. Военные прокуратуры могут скрывать секрет полишинеля, но для любого человека, обладающего здравым смыслом, понятно, что происходит на этих

складах. Там прячут следы торговли оружием, оружием, убивающем нас и наших детей. Моральное состояние

Отечества просто ужасающее. О какой нравственности можно говорить, глядя на то, что творят суды?! Некоторые судьи доходят до того, что используют судебную машину для присвоения чужой собственности. И это тоже генерирует энергию раскола общества, усиливает опасность нашего бытия. Уже сейчас нередки случаи, когда убивают за деньги, когда подкладывают бомбы просто для того, чтобы заработать. И самое страшное, что внутри этой ненависти, несправедливости и безответственности растут наши дети. Здесь созревает их сознание.

Здесь они учатся видеть мир своими глазами. Можно представить каким сформируется их отношение к гражданскому долгу. Из них могут получиться преступники, фанатики терроризма, смертники. Таких нужно совсем немного, чтобы потрясать общество. Способна ли Россия найти в себе достаточно благоразумия, чтобы остановить это опасное сползание в хаос?

И вот это ужасающее, происшедшее на глазах у всего мира преступление в Нью-Йорке и Вашингтоне. Исполнителями его стали арабы. Чем провинились перед ними посетители торгового центра? Ведь там были не только христиане. Там наверняка были и мусульмане как американского, так и арабского происхождения. В самолетах тоже были арабы, которые не хотели умирать во имя джихада.

Где корни этой ненависти? В вероисповеданиях ли, в различиях ли культур? Да, и в этом тоже. Европейские ценности отличаются от

Восточных. Но Библия и Коран проповедуют милосердие. А побеждает ненависть. Что нужно сделать, чтобы положить отличия в основу идеологии убийства? Ненависть нужно организовать, оплатить, вооружить и направить. Ее нужно подогревать с первого жизненного вдоха. Организаторами действия должны быть безумцы или фанатики, мизантропы, одержимые манией величия или жаждущие наживы, иными словами, – враги рода человеческого. Они есть. Они обладают капиталами. И как не странно, они управляют нами и с той и с другой стороны. Сейчас и в России они получили капиталы, способные уничтожать. А человечество почему-то считает их элитой общества и не находит сил посадить в клетку или в сумасшедший дом.

С 1970 гг. используется термин "международный терроризм", который

ООН, в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, определяет как "совершение,

организацию, содействие осуществлению, финансирование или поощрение агентами или представителями одного государства против другого государства или попустительство с их стороны совершению таких актов, которые направлены против лиц или собственности и которые по своему характеру имеют цель вызвать страх у государственных деятелей, групп лиц или населения в целом". Мы видим, насколько расплывчата и беспомощная такая формулировка перед лицом реальных событий. Такая же беспомощность уже была продемонстрирована, когда талибы решили уничтожить в Афганистане статуи Будды – достояние всего человечества. Уже тогда на нас дохнуло безумие, в котором ощущался не только религиозный фанатизм. Быть может, трагедия 11 сентября в

Америке заставит ООН пересмотреть отношение к терроризму? Но это трудно представить, если учесть, что в процессах голосования принимают участие 184 государства, многие из которых поглядывают на

Америку и Европу с недоброжелательной завистью. Здесь много всяческих "но". Стоит в этой связи вспомнить июньский саммит

"восьмерки" в Генуе. Протесты антиглобалистов. Почему они так хорошо организованы? Что стоит за этой загадкой, – спецслужбы, деньги стран-изгоев или стремление сильных мира сего создать шум вокруг себя и поиграть в демократию? Нет ответа. Демократия хороша, пока она не пахнет кровью.

Хотелось бы пожелать лидерам мирового сообщества больше ответственности, более глубокого понимания существа происходящих в мире процессов и переосмысления своего отношения к терроризму. Пора понять, что террорист – воюющая сторона, применяющая для достижения своих целей средства уничтожения не только "живой силы противника", но всех, кого настигнут капризы его оружия. Если для наказания террориста и требуется правый суд, наказание должно соответствовать законам военного времени. Тот, кто уничтожает жизнь, не имеет права на жизнь. "Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию".

Демократия гуманна, демократия беспечна. Мы поражаемся, с какой легкостью ее использовали террористы в Америке. Но, поражаясь беспечности американцев, вспомним и мы полет Маттиаса Руста совершенный в 1987 году от Финляндии до Красной Площади в Москве.

Подумаем о том, что у нас тоже немало объектов не менее уязвимых чем

Манхэттенские "братья".

Резюмируя то, что было сказано, перечислим причины, позволяющие процветать терроризму:

Отсутствие воли и единодушия со стороны мирового сообщества, беспомощность ООН. Поставим эти обстоятельства особняком и перечислим остальные:

Столкновение культур, контраст нищеты и бедности, исторические обстоятельства, породившие ненависть и жажду мщения, безумие и фанатизм организаторов и идеологов террора. Но главным является капитал. Он создает и эксплуатирует все перечисленные обстоятельства, он делает их реальностью. В нем все – и торговля оружием, и финансирование акций, но главное, он стоит за не менее чудовищной проблемой последнего времени – наркоторговлей. Юг – поставляет, Север – потребляет. Через наркотики уничтожается больше человеческих жизней, чем оружием террора. Но в принципе, между ними нет различия. Юг продает наркотик Северу, убивая его, использует наркодоллары для финансирования терроризма, и еще раз убивает людей. Пока процветает наркоторговля – терроризм неуничтожим, пока не поставлены под контроль капиталы – терроризм неуничтожим.

Россия скорбит. В этой скорби мы осознаем, что являемся носителями одних с американцами культурных ценностей, что мы не

"азиопа", а страна европейской культуры, что мы хоть и многоконфессиональная, но христианская по преимуществу страна.

Осознавая это, мы должны объединить свои усилия для защиты основных ценностей цивилизации с остальным цивилизованным миром.

События в Соединенных Штатах наводят на многочисленные размышления. У меня они созрели как вопрос о сосуществовании культур и религий. Я пытался понять, что стояло за пророчествами Мишеля

Нстрдамуса, когда он говорил о противостоянии христианского и исламского мира. Я погрузился в эту тему и подытожил следующим образом:

Нострадамус 2002

(Крест и полумесяц вокруг Судного Дня)

В детстве ходим за истиной к учителям
После – ходят за истиной к нашим дверям.
Где же истина? Мы появились из капли.
Станем – прахом. Вот смысл этой сказки, Хайям.

Этот успокаивающий рубаи вполне может стать эпиграфом к

детективу под названием Нострадамус. Да и слухи, которыми окружено имя автора знаменитых центурий, напоминают извращенные представления, укоренившиеся по отношению к Омару Хайяму. Хайяма считают поэтом, воспевающим пьянство, но он придерживался строгих предписаний, и как мусульманин не употреблял вина. В традициях мистического суфизма, к которому принадлежал Амар Хайям, вино означало духовное озарение, состояние просветления…

Иносказание, завуалированность, шифр – все это было очень распространено среди сект и религий, и в христианском и мусульманском мире. Знания категорически запрещались для непосвященных. Шифровал "Божественную комедию" Данте Олигьери, шифровал отдельные произведения Шекспир. Одним из последних творцов, шифровавшим свои послания потомкам, был Гете. Именно он пользовался способами шифровки Нострадамуса. К сожалению, это открытие было сделано в середине девяностых годов и доступ к реальному содержанию катренов (четверостиший) великого предсказателя, оказался доступен только для нас. Но ими уже успели попользоваться без ключа

"шарлатаны и астрологи" о которых предупреждал сам провидец. В результате мы получили картину апокалипсиса. Последние мировые события только усилили мрачные ожидания. Действительно, ожидания

"конца света" были связаны с якобы предсказанной в центуриях VII,

IX, III, IV, V, падением метеорита и последующей войной. В результате чудовищных разрушений произойдет ослабление христианских стран, и они подвергнутся нашествию полчищ мусульман. Исполнение пророчеств намечалось на конец тысячелетия, а именно – на 1999 год, имеющий перевернутое число "зверя". Как мы понимаем, ожидания оказались напрасными – год позади. Но, говорят сторонники подобных толкований, "еще не вечер" – в указанных сроках возможны отклонения, поскольку дату Нострадамус определял по положению планет и за четыреста с лишнем лет (пророчества были сделаны в 1555 году), возникли погрешности в подсчете времени. Но и эти утверждения следует отклонить на основании фактов содержащихся в самих центуриях. Во-первых, пророчества освещают события до 3797 года, из чего вытекает, что и после окончания не только второго, но и третьего тысячелетия продолжится жизнь человечества, во-вторых, как говорил сам автор центурий в письме к сыну, один катрен отражает события одного года. А в толкованиях заинтересованных лиц, к событиям

одного года иногда относят несколько катренов. Например, энтузиасты толкования эпохи Наполеона приписали этому периоду 460 катренов из 1000! Наиболее серьезный исследователь пророчеств относящихся к событиям 1999 года Стивен Полас использует 181 катрен из всех центурий Нострадамуса.

А возможны ли были в принципе какие-то предсказания на такое далекое будущее? Пожалуй, современная наука на этот вопрос отвечает скорее "да", чем "нет". Это связано с торсионными полями и поведением нейтрино, для которого не существует пространственно-временных ограничений. Что касается техники самого

Нострадамуса, то она напоминала технику, вызывающую впадение в транс, которую наблюдали у американских индейских колдунов и австралийских аборигенов. Маэстро пил отвар известных только ему трав, затыкал глаза и уши пропитанными этим составом тампонами и клал на язык пастилку с той же жидкостью. После этого он входил в особое помещение и садился в металлическую камеру, напоминавшую яйцо. Там ему приходили видения, которые он диктовал помощнику, а потом записывал и обрабатывал сам. Видел ли он будущее? На это

Манфред Димде, которому удалось разгадать шифр предсказателя, отвечает утвердительно. Димде представил текст катренов относящихся к нашему времени группе ясновидящих, и они подтвердили картины, которые мог увидеть и описал Нострадамус. Смысл их сводится к тому, что в наше время активизируется противостояние христианских и мусульманских стран, в связи с ожиданиями исполнения пророчеств, но это не повлечет тотальных последствий и коснется, в основном, стран востока и средней Азии.

И тут следует сказать, что вольно или невольно, сам великий предсказатель приложил руку к возрастанию напряжения вызванного пророчествами. Дело в том, что он был повещенным мальтийского ордена, так называемых "иоаннитов", хранителей полных рукописей пророчества Иоанна. Ортодоксальная церковь того времени глядела на эту секту с подозрением. Михаэль де Нотрдам, как обращенный в католичество еврей во втором поколении, ощущал также давление, связанное с происхождением. Суммируя впечатление от своих видений в письме к сыну и в послании к Генриху II, он как бы признает официальную версию церкви, основанную на ожидании Судного Дня, подтверждая картины Откровения Иоанна. Иначе он просто не мог, да если бы и посмел, то ни имя, ни труды не дошли бы до нашего времени как еретические и подлежащие уничтожению. Но,

что было, то было.

Последующая когорта толкователей пошла по предложенному пути, и мы получили картины Апокалипсиса на наше время. А если учесть, что в вероучении как христиан, так и мусульман доктрина страшного Суда имеет один источник, или, точнее говоря, Коран признает христианское учение о конце света, то можно понять, что современные подтверждения этих ожиданий, откуда бы они не исходили, от запада или востока, льют воду на мельницу религиозных фанатиков по разные стороны параллелей и меридианов.

Недавние ожидания, связанные с 1999 годом коснулись не только

Свидетелей Иеговы и Адвентистов Седьмого Дня но и мусульманского мира. Ислам внимательно отслеживал все аргументы, подтверждающие их представления о приближении последних времен. В самом Коране мало говорится о конце света. Эта концепция возникла спустя сто лет после установления ислама, среди шиитов, а еще точнее – одной из ветвей шиизма – фатимидских исмаилитов. Исмаилиты создали тайные организации и вели широкую пропаганду среди городских низов, крестьян и бедуинов. "Внешняя" доктрина о седьмом имаме, отличалась от "внутренней". Исмаилиты считали, что спасение и рай – аллегория совершенного познания, ад – аллегория неведения. Учение о происхождении мира говорило, что Всевышний Бог (Аллах), непознаваемый для людей, выделил из себя творческую субстанцию -

Мировую душу. Мировая душа произвела первичную материю – Землю и планеты. Отражением Мирового разума в чувственном мире является пророк. Пророков было шесть – Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус

Христос и Мухаммед; седьмой должен появиться перед концом мира.

Напомним, что в такой форме учение употреблялось для

"внутреннего" пользования. (Еще одно свидетельство того, насколько различна религия богатых и бедных). "Внешнее", стремясь оказывать желательное давление на сознание широких масс, развилось в учение о конце света. Так появится Махди, буквально – "ведомый самим

Аллахом". В своей деятельности Махди будет избавлен от ошибок, возглавит и объединит всех мусульман. Он будет верно понимать и толковать Коран и восстановит правление Аллаха на всей земле. Шииты молятся о скорейшем приходе Махди – избавителя. Суннитские муллы не учат слепому подчинению любому учителю, и не являются ревностными сторонниками этого

учения, но в критические периоды, подобные нашему, проповедь о конце света получает отклик у широких масс.

Существует много версий и традиций, толкующих о том, как будет выглядеть Махди и что он совершит. Одна из них говорит, что он будет потомком Пророка по дочери Фатиме, он будет напоминать

Мухаммеда характером, но не внешностью; у него будет длинный крючковатый нос и высокий лоб, межу зубами V – образное отверстие, а на теле характерное родимое пятно. Сошедший с ним на землю Иисус

Христос станет помощником Махди. Вместе с ним или вскоре, появится

"Антихрист", которого мусульмане ожидают от "самой ложной и агрессивной религии" – христианства. Антихрист начнет прельщать правоверных мирскими благами – едой, роскошью и т.п. Сегодня понятно, что одно из таких отождествлений произошло, – Запад предлагает гуманитарную помощь. А если мы вспомним, как талибы сжигали хлеб, который американцы сбрасывали с самолетов и одновременно бомбили Афганистан, то получим убедительную картину

"конца света", глазами простых людей исламского мира.

Такое единодушие двух религий в вопросе не безразличном для каждого жителя планеты, не может не пробудить подлинного интереса. А что об этом думают другие вероучения? – Самая древняя на Земле индуистская религия описывает скончание времен в своих священных книгах. Описания непротиворечивы и, пожалуй, достаточно убедительны.

Индуистская история цивилизации имеет четыре цикла: Крита, Двапара,

Трета и Кали Югу – что-то вроде нашего золотого, серебренного, бронзового и железного века. "Железный", последний, – Кали Юга. Это уже наше время. Она длиться 4 – 5 тысяч лет. В Кали Юге "корова закона" стоит на одной ноге (из четырех). Описывая последние времена в Махабхарате, Маркандея, великий муни и вечный странник, перечисляет признаки, вполне соотносимые с нашим временем: "При торговых сделках обманывают и обвешивают. Самые добродетельные подвергаются гонениям, зато грешник процветает". "Присваивают деньги, доверчиво оставленные на хранение". "В обителях полно вероотступников, прославляющих радости жизни за чужой счет".

"Брахманы (священники) занимаются тем, что положено шудрам (низшее сословие), а шудры наживают богатство и следуют дхарме (законам) кшатрия (воина)". То, что говорится о женщинах, – можно увидеть на экранах наших телевизоров. Но

главный признак и утешительная надежда, что впереди у нас еще не одна сотня лет существования, заключается в том, что человек, в результате потребления и изнеженного образа жизни, биологически деградирует, станет не больше десятилетнего ребенка и его век ограничится таким же коротким возрастом…

Но вернемся к тому, что мы переживаем сегодня. Суеверные массы христиан не прочь увидеть свидетельство Судного Дня и явление антихриста в лице бен Ладена, мусульмане видят антихриста в лице христианского мира по причине его изобилия. Не лучше ли "вышедшим из капли" вспомнить мудрого Амара Хайяма и успокоится на том, что

"прах" христианина и мусульманина, ну совершенно ничем не отличается один от другого".

– Не слишком ли мы отклонились от сюжетной линии, – ворчливо пробормотал Йорик, – "Опыт присутствия" превращается в опыт отсутствия. Ты залез даже во времена Нострадамуса. Не лучше ли вернуться к темам, которые ты мог бы подтвердить под присягой?

– Но дорогой, – возразил я, – не ты ли поучал, что мир – это то, что вошло в мое сознание, и принадлежит ему как память. Мое сознание охватывает время, страны, континенты и людей. Что я могу поделать со свойством мышления перерабатывать информацию в письменный текст, как тутовый шелкопряд листья дерева в шелковую нить? Тем более что тема террора, пророчеств, религиозной нетерпимости – это мостик к пониманию происходящего в России. Живые люди носят клеймо Каина и надо понять, кто его ставит и как оно появляется на лбу. Понять ислам – понять, что происходит в Чечне, понять угрозы, существующие для России и для христианской культуры, в принципе это те же отношения человека с человеком. Поэтому не будем бояться отвлеченных на первый взгляд рассуждений и продолжим исследование.

Оружие лжи

Обман всегда направлен на разрушение. К сожалению, сегодня он с такой же легкостью овладевает человеком, как и много веков назад.

Особенно славен этим восток. Еще бы! – ведь там появились его великие учителя. Именно там, в садах Эдема, змей-искуситель соблазнил Еву сорвать плод с древа познания добра и зла…

В 1194 году граф Анри де Шампань проезжал через земли исмаилитов.

Предводитель ассасинов Дай-эль-Кериб ("Великий миссионер"), приветствовал его и пригласил погостить в замке. Они поднялись на одну из башен, на каждой из которых стояло по

два человека в белых одеждах. "Эти люди, – сказал Дай-эль-Кериб, – более послушны мне, чем ваши христианские подданные своим господам". По его сигналу двое часовых бросились с башни и разбились насмерть. "Благодаря этим испытанным слугам я избавляюсь от врагов нашего общества", – шепнул

Великий миссионер изумленному графу.

Да, уже тогда имелись технологии способные обработать сознание человека так, что служение господину он почитал выше жизни. Секта ассасинов, многие годы наводившая ужас на врагов из своей крепости

Аламут, была создана Хасаном ибн-Саббахом под влиянием идей исмаилитов. Шииты создавали тайные общества фантиков, которые обучались в Доме Мудрости в Каире, учрежденном по приказу халифа

Убаида Аллаха. Ученики проходили семь ступеней посвящения в тайные знания и на последней им открывали секрет бессодержательности любого вероучения: только действие имеет значение. А мотивы действия определяет лишь руководитель секты. В труде "Искусство лжи"

Абдель-Рахман Дамасский, рассказывает, как повелитель Аламута добивался безграничной преданности. Он скупал детей у бедных семей и убеждал их в существовании рая устами якобы отрубленной головы одного из адептов. Юношам давали наркотик, и они попадали в "рай", чтобы убедиться, что "отрубленная голова" говорила правду. "Раем" был прекраснейший сад, созданный в ущелье, которое запирала крепость

Аламут, описанный в 1272 году Марко Поло. В саду текли реки с вином, и "небесные" гурии ласкали избранника. С помощью наркотика его отправляли назад и внушали, что рай доступен только при одном условии – беспрекословном подчинении воле предводителя ассасинов.

Сейчас появился новый "старец Горы", как называли хозяина

Аламута, – Усама бен Ладен. Только сегодня в его руках – государство

Афганистан и современные технологии. Ему принадлежит доктрина создания США – Соединенных Штатов Ислама. Исламские радикалы уже накрыли планету на своих картах черно-зеленым знаменем. По одной версии Россия подлежат исламизации к 2010, Европа – к 2020 и Америка

– к 2050 годам; по другому варианту это произойдет к концу столетия.

Для осуществления проекта бен Ладен, создал "Мировой фронт джихада"

МФД. В объединение вошли исламские экстремисткие группировки из

Саудовской Аравии, Пакистана, Египта, Бангладеш – "Аль-Каида",

"Гамаа исламия", "Джихад ислами", "Харкад уль-ансам", "Джамаат и-улема и-ислами". Первый шаг предполагает захват власти в самих мусульманских странах. Создание мощной армии, вооруженной ядерным, химическим и бактериологическим оружием, с последующей экспансией на север и северо-запад. Сейчас "Мировой фронт джихада" наращивает свой военный потенциал. К нему примкнула ливийская группировка

"Аль-Джама аль-исламия", иорданская "Биат аль-имам", йеменская

"Джихад", ливанские Асбат аль-ансар" и "Джамаа сиррия", подразделения алжирской "Вооруженной исламской группировки" и другие формирования, не говоря о том, что они уже располагают государством Афганистан. В России воля террориста N 1 осуществляется через чеченское экстремистское крыло.

Планы создания Соединенных Штатов Ислама начинают осуществляться.

Их фундамент – трагические события, перевернувшие политическую картину мира – террористические акты 11 сентября в Нью-Йорке и

Вашингтоне. Но это строительство идет не прямо и громогласно, а имеет свои загадки. Прежде всего, вызывает размышление такая особенность – никто не принял на себя ответственность за преступление. Почему? Казалось бы смысл публичного злодеяния в объявлении его политических мотивов. Именно достижение политических целей преследуется террористами. Сам акт – только средство.

Организации, подобные "Хамаз" как бы говорят: "Это сделали мы, и мы продолжим террор, пока не будут приняты наши условия". Не то сейчас.

Никто не принял на себя ответственность, никто не объявил условий. А с исчезновением политических мотивов событие превращается просто в акт бесчеловечной жестокости – невиданного массового убийства ради убийства. Такая прихоть возникает только в сознании маньяка. Но маньяк не подготовит столь тщательную операцию. Значит, в самом умолчании о причастности к содеянному тоже есть какой-то смысл. И вот этот смысл открылся в выпусках СМИ, в субботу, 6-го октября. В последнем интервью Усама бен Ладен, видимо не в силах преодолеть тщеславия, от сознания своей роли в мировой политике, невольно проговорился. Он произнес примерно

следующее: "Моя задача объединить мусульманский мир против неверных, ради этого я готов принять смерть". Вдумайтесь! Бен Ладен готов к роли мученика ислама, невинной жертвы несправедливого преследования американцев. А ведь было очевидно, что невиданная жестокость и размах преступления с неизбежностью повлекут за собой акцию возмездия. Именно с неизбежностью, неотвратимо вызывая раскол там, где до этого было миролюбивое сомнение. Вот в этом весь смысл отказа от причастности к взрывам живых бомб! Как лучше всего объединить людей? – сознанием правого дела! А что может быть более праведным, чем защита невинного?! Именно отказ принять на себя ответственность за совершенный терракт, делает обвинения американцев как бы беспочвенными. Отказ, решительно объявленный, по убеждению мусульманского мира человеком, "чьи уста никогда не осквернила ложь", перекладывает на США всю вину за операцию возмездия. Так и было задумано…

Во второй главе Корана в 225 аяте говориться: "Бог не будет наказывать вас за празднословие в клятвах ваших, но накажет вас за то, что усвоили сердца ваши". Что в сердце мусульманина – дело "правоверного", так почему же не прибегнуть к "празднословию", тем более что оно направлено в уши "неверных"? Не потому ли талибы лицемерно согласились выдать своего гостя "если будут предоставлены доказательства"? Бен Ладен даже не прочь подсказать, где следует искать исполнителей террористических актов – среди негров, среди сербов или евреев!!! И уже сейчас, после начала бомбардировок

Афганистана, мы видим, как тот мир, который хочет объединить террорист N 1, вместо того, чтобы ужаснуться и отшатнуться от злодея, сплетет ему венец мученика. Как тут не вспомнить доктрину шиитов "разумного утаивания"?! Главная цель достигнута, а очередные жертвы дьявольского замысла – невинные афганцы, пойдут как топливо в раздуваемый пожар ненависти и дополнительное удобрение на политую кровью почву панисламизма".

Естественно, прозвучавшие утверждения нуждались в более широкой теоретической основе. Терроризм – это область экстремальной деятельности, но возникает она в тиши церквей и мечетей, тиши кабинетов и умах теоретиков. Попытаемся понять, как это происходит.

Сладкая кровь врага

Современный мир отличается тем, что опыт в нем становится все более концентрированным, а размышление все более ущербным. Тем не менее, мы считаем, что кое-что понимаем в жизни. Но внезапное событие застает врасплох, оказываясь более

неожиданным, чем это способно было принять наше сознание. Человек поглощен потреблением, и ему трудно совершить аналитическое усилие разумом, даже защищая сложившиеся пристрастия. Однако сделать это необходимо. Ведь мы скользим по грани небытия. Посмотрите на экраны телевизоров.

Боевики, "ужастики" и триллеры, стараются встряхнуть нас, предлагая реальность голливудской стряпни, но хроника мировых событий превосходит их по своей жестокости, накалу страстей и легкости, с какой уничтожается человеческая жизнь. Давно ли Нобелевский лауреат мира Ясир Арафат сдавал кровь жертвам террора в Нью-Йорке? – Сейчас пылающие ненавистью живые бомбы рвутся в Израиле, и лидер Палестины призывает весь мусульманский мир присоединиться к его "священной борьбе" по уничтожению целого народа.

После удачной операции американской коалиции в Афганистане, несколько поулеглись религиозные страсти лежащие в основе конфликта

Юга и Севера. Но этот костер не погас, его только разворошили и оставили тлеть по всему телу планеты. Дьявольский замысел главаря

"Аль-Кайды" не сработал в полном объеме, но уже назревают новые потрясения, детонатором которых остается культурная и религиозная нетерпимость.

В современном мире религия начинает играть все более важную роль.

Кажется, связанные с этим проблемы так далеки от нас. Нет. Это очень близко. Вспомним, как национальные пожарища Кавказа внезапно переросли в религиозные и создали дополнительную основу для ненависти между людьми. К сожалению, наше сознание, обработанное в горниле советской идеологии, сделало религиозное мироощущение явлением малознакомым. Да, мы ударились в веру, но, положа руку на сердце, вновь испеченные адепты православия имеют очень смутное представление о христианстве. Что же говорить о том, каков уровень представлений об исламе?… Но остановимся и переведем дыхание.

Различие верований – очень деликатная область человеческих отношений. Чувства верующих – пороховая бочка, способная взорваться не только при столкновении противоречий различных конфессий, но даже внутри последователей одной веры. Не будем поджигать фитиль и постараемся отнестись к вопросу с объективностью и беспристрастием, исходя из глубокого убеждения в гуманистической сущности мировых религий, к которым принадлежит и ислам.

Ислам – предание, вверение себя (Богу), – в широком смысле означает весь мир, в пределах которого действуют установления

Корана. Обитель ислама "дар ал-ислам" противостоит "дар ар-харб" – территории войны, которая подлежит превращению в обитель ислама посредством как духовного, так и военного джихада. Для классического ислама нет национальных различий. Он признает три статуса существования человека – в качестве правоверного, в качестве покровительствуемого (иудеи и христиане в мире ислама, они же "алх ал-кетаб" – люди Книги, держатели Писания, не подлежащие насильственному обращению) и многобожники, подлежащие обязательному обращению.

При внимательном чтении фундаментальных положений ислама, можно заметить, насколько тотально он стремиться включить в себя все аспекты человеческой жизни. В принципе иначе и быть не может, потому что для мусульманина Коран – это священное Слово, произнесенное Самим Богом Мухаммеду через своего ангела Гавриила.

Поэтому все сферы жизни должны быть подчинены следованию заповедей

Корана. В целом ислам представляет собой нерасторжимое единство религии, культуры и социально-политического устройства, тотальную систему, объемлющую в их единстве все стороны, все уровни жизни человека. Классическому исламу чуждо христианское различие понятий

"Божьего" и "кесарева". Современные Братья мусульмане формулируют это так: "Ислам есть религия и государство"

Итак, мы видим модель и от этой модели немусульманину становится немного не по себе. Мы, обладающие иными духовными и культурными ценностями, в ней как бы не предусмотрены. В принципе, все, что не вписывается в рамки установлений, можно было бы просто назвать различиями культурно-исторического наследия. Но так не считают те, кто берет на себя право толкования этих установлений. Коран говорит

(18:28): "Скажи: "Истина от Господа вашего: кто хочет, уверует; кто хочет, будет неверным". И ниже, в тот же аят содержит такие слова: "Нечестивым Мы приготовили огонь, который окружит их как шатер". Не подвергая сомнению священный смысл стиха, все же спросим, на какой части его сделают акцент толкователи Слова, если они непримиримые противники европейской культуры, тех людей "Книги", которыми являются христиане? Религия сохраняет свою духовную, гуманистическую сущность пока не становится инструментом

политики.

Как всякую силу, побуждающую человека действовать, ее могут использовать политические безумцы и религиозные фанатики "великие обманщики", присвоившие право толкования предписаний Корана. К сознанию необразованных людей или тех, кто вырос в условиях нищеты и ненависти, слово таких толкователей находит очень легкий доступ.

Вспомним сентябрьские кадры, обошедшие экраны телевизоров – ликование простых палестинцев как естественную реакцию на разрушения в Америке и гибель тысяч людей. Что вызывало у них такое веселье? – Не потому ли они улыбались, что почувствовали на своих губах сладкую кровь врага, врага, образ которого возникает в проповедях авторитетов, подобных духовному лидеру "Хамаз" шейху

Ахмеду Ясину? Зачем ему правда, если "врага" он нашел и для американцев, утверждая, что живые бомбы в Нью-Йорке организовал

Израиль руками арабов?! Можно не говорить слово "враг", указывая перстом на запад, достаточно сказать, что "они не такие как мы, ибо они – неверные".

Но есть обстоятельство, которое мы не должны забывать, говоря о религии вообще и об исламе в частности. Внутри каждой религии существуют самостоятельные зоны верований. Они зависят от культуры, социального статуса, этнических особенностей, исторической традиции. Главный водораздел в восприятии религиозной истины образуется при социальном расслоении на богатых и бедных. И то и другое положение ведет к избирательному восприятию Истины.

Мироощущение бедного более непосредственно, более эмоционально. У него недостаточно культуры, образования и информации. Унижение и нищета всегда образуют в человеке запас неизрасходованных негативных эмоций. Такими эмоциями легко управлять и направлять в нужную сторону. Здесь бедные люди часто становятся добычей безумцев, фанатиков и фюреров всех мастей. Не случайно бедные страны мусульманского мира так тяготели к социализму. На этой волне к власти пришли некоторые из сегодняшних "проблемных" лидеров. База терроризма – это связка нищеты, романтической идеологии, религиозного фанатизма и богатства. Нищета толкает к протесту, романтизм делает протест убедительным, религиозный фанатизм зажигает его, богатство – финансирует, направляет и использует в своих интересах. Религия низводится до роли служанки идеологии террора. Но пускай истинно верующие не видят здесь ничего обидного, потому что это уже не их религия. Это иной

мир, полный человеческих идолов, суеверия и слепой ненависти. Здесь нет Единого Бога, Бога мироздания, который дарит жизнь и любовь всему сущему на земле.

Аллаха они видят как Бога племени, общины, территории, они представляют Его как покровителя их организации и деятельности, их заблуждений и ненависти. Они рассматривают свою принадлежность к религии как некий пароль, открывающий Божественную милость для просителя. Поэтому они всегда молятся перед тем, как убивают невинных людей, и не поймут, что Бог давно отвернулся от них, а их решительность и отвага питается энергией адского пламени.

Но есть положения теоретиков ислама, которые экстремизм может принять на вооружение. Жесткие установления монотеизма были когда-то направлены против старых верований аравийских арабов, затем против христианских догматов Троицы и Боговоплощения. Сейчас "людей

Книги", т.е. нас, представителей европейской культуры, теоретик ислама, такой, как Сейид Кутб, превращает в язычников. В своей книге

"Будущее принадлежит исламу" 1993 г., он пишет: "Люди, живущие в соответствии с путем, предназначенным Аллахом – это мусульмане, а люди, идущие любым другим путем – язычники, которых не признает эта религия. Она пришла, чтобы ликвидировать язычество, сокрушить его основу, привести людей от поклонения себе подобным к поклонению

Аллаху". Суть язычества раскрывается в последнем предложении:

"поклонении себе подобным".

Почему поступок мусульманина следует воле Аллаха, а немусульманина велениям идолов – людей? Вспомним, кто в исламе является проводником, толкователем божественной воли и слова – халиф, мулла, шейх – те же люди. Весь мир знает их имена: Иракский диктатор Садам Хусейн, ливийский диктатор Муамар Каддафи, российские

"толкователи" Басаев и Хаттаб. Мулла Мохаммад Амар, духовный наставник талибов, приказавший для защиты чистоты веры уничтожить тысячелетние изображения Будды, но поощрявший демонстрации тех же талибов несущих портреты самого страшного идола последнего времени -

Усама бен Ладена. И, наконец, сам повелитель международного исламского терроризма Усама бен Ладен, – это они присвоили себе право толкования истин добра и зла. Плоды этого права известны всем.

Поэтому удивительно было слышать официальное

прошлогоднее заявление такого большого чиновника как представитель президента кавказского округа Виктор Казанцев, о том, что: "Ислам здесь не при чем, все дело в бандитах". Да, конечно, бандиты. Но горючим их разрушительной деятельности является идеология, сформулированная вышеперечисленными вождями исламского экстремизма. Разве не идеология положена в основу доктрины "Великой Албании", питавшая реки крови на Балканах? Да не одни мусульмане ожесточают ненависть религиозными доктринами. В Белфасте тоже льется кровь во имя религиозных принципов, а ведь источником веры протестантов и католиков является милосердное христианство. Добавим также, что для

России, с ее традиционной веротерпимостью, почти незаметно прошла

"исламизация" рынков больших городов. Быть может власти и не обеспокоены этим явлением, но общество уже ощущает на себе не только бремя монопольных цен, но и то, как возникающий при этом капитал сращивается с капиталом воинственного экстремизма и российских преступных группировок. Через эти сети террористы радикального ислама ищут и покупают у русской мафии компоненты ядерного оружия и оружия массового поражения. Спрашивается, – на чью голову?

И все же не уподобимся бандерлогам из "Книги джунглей" Киплинга, которые твердили Маугли: "Мы самые умные, мы самые красивые".

Грешны. Эти грехи – проклятие всего человечества и всякой культуры.

И бороться с ними надо всем миром. Но терроризм – в человеческих отношениях, отношениях религий, отношениях культур, стоит особняком.

Ему не должно быть места на планете. Международному сообществу пора сказать твердое "Нет!". И очень жаль, что ООН даже после грозных событий потрясших все человечество еще не может выработать специальную конвенцию по борьбе с терроризмом и религиозной нетерпимостью. Пока, все что нам остается – обратиться с надеждой к духовным лидерам ислама и христианства – великим религиям милосердия и терпимости. Пусть мир услышит ваш голос, а не голос оружия и смерти! Пусть мир узнает ваши имена – проповедующих жизнь и любовь, а не имена сеющих раздор и ненависть. Вы должны открыто и недвусмысленно осудить террор и его носителей, чтобы кровь людей каждой веры и каждой культуры всегда была священной, а не превращалась в сладкую кровь врага".

За письменным столом теоретиков национального

возрождения появляются особые случаи отравления сознания. Их кабинеты – лаборатории по созданию условий программирования поведения общества. Они особые люди – они решают и думают за народ. Приведем иллюстрацию такого рода геополитического безумия.

Есть категория политиков, в доктринах которых главным мотивом является призыв убивать или быть убитым. Такова их возвышенная цель.

При этом следует добавить, что сами они не спешат последовать собственному призыву. Они указывают народу на достойную форму существования. У них идеалы. Они призывают верить в них. Заметной фигурой среди тех, кто спешит расколоть мир на непримиримые полюса, является Александр Дугин. Он представляет народы как геополитические противоборствующие образования "теллурократии" (сухопутного могущества) и талассократии (морского могущества). Фатальное следствие идентификации российского самосознания – признать в европейской цивилизации антихриста. К счастью, период такого самосознания, период императивного неприятия Запада, канул в лета вместе с Кремлевским ЦК, который отождествлял свое безумие с сознанием принадлежавшего ему народа. Дайте передохнуть господа! Мы еще не накормили себя, а ваша цель – сделать это вообще невозможным. Голодный народ – рай для геополитика: "Вот вам земля обетованная! Для ее достижения надо кое-кого уничтожить по ту сторону, кое-кем пожертвовать по эту!" – и – "вперед!"

Дугин пишет: "Мы против растворения России в Западе…" А разве

Швейцария растворилась в Западе? Разве Франция растворилась в

Западе? Разве Германия растворилась в Западе? В конце концов, разве дореволюционная Россия растворилась в Западе? Где нам искать "не растворения" – в бане по черному, в деревянной сохе, или в гигантах духовной культуры, ставшей достоянием всего человечества? Что вы хотите от своего народа, господин Дугин? – чтобы он одобрил запуск баллистических ракет с ядерными боеголовками в сторону

"талассократических" народов? С чем связаны ваши настойчивые требования, чего вы добиваетесь для России? Есть материальная, есть духовная культура народа. Здесь все просто – мы на том этапе материально-культурного развития, на какой нас доставила историческая реальность. Ваша особа красуется на фоне материальных достижений цивилизации, вы довольно упитанный человек. Или вы призываете уничтожать автомобили и

холодильники? Если это так, начните с себя и отправляйтесь в сибирский скит. Внесите ясность в представления о целях.

Мы приходим в мир и застаем его в том состоянии, в котором он сложился на данный момент. Мы начинаем жизнь исходя их этого непреложного факта. Но мы люди и должны стремиться сделать себя лучше, сделать мир лучше. Ребенок учится, стараясь не повторять ошибки. Почему вы, господин Дугин, хотите отказать в этом целому народу? Давайте посмотрим, чем располагает нынешняя Россия: разрушенная экономика и ее продолжают разрушать чиновники всех мастей, продажная представительная власть, проворовавшаяся исполнительная власть. Отсутствие гражданского общества. (По вашему

– ненужный институт. Но откуда тогда возникнет сама возможность действия норм права, без которого не остановить разгул произвола и преступности. Или это национальный менталитет?) Если человек допустил ошибки, он учится исправлять их. Мы будим учиться? Разве мы не должны восстановить пробел исторической амнезии. Ведь Россия в начале прошлого века обладала таким экономическим потенциалом, который мог сделать ее к середине пятидесятых ведущей мировой державой не только в промышленном производстве, но и в наукоемких областях. Мы опять попадаем в область культурных и материальных ценностей. У нас трагическое положение в сельском хозяйстве.

Американский фермер кормит 350 человек, российский крестьянин – 7.

Что мы должны делать на земле? Должны ли мы прокормить себя? Как нам внедрять передовые аграрные технологии. Или приморить крестьянина, отказав ему в минеральных и химических удобрениях, в элитных сортах зерновых и плодово-овощных культур, в эффективных агротехнических приемах? Должны ли мы готовить нашу страну для ядерных отходов, распродавать богатства недр нашей земли (или поучимся у американцев сохранять их для будущих поколений?) На чем нам строить систему отношений между челнами общества? – На основах римского права, на шариате или принципах Конфуцианской этики? Оглянитесь, господин

Дугин, что вы отыщите для России?

Наконец, традиционализм. Россия многонациональная и многоконфессиональная страна. Какое прокрустово ложе национальных традиций вы предложите для Российской федерации в качестве эталона?

Ведь корни славян не в Московии, а Татарстана уже не в Монголии.

Надо же в РФ воткнуть стержень национальной традиции, подобный тому, который привел к Японскому "чуду". Ведь хотите же вы поманить чем-то, новой формулой мессианства. Но это не так просто сделать.

Генетические корни нашего народа подорваны "Великим переломом", который уничтожил дворянское, духовное и торговое сословие, уничтожил казачество и искалечил крестьянство. Восстановилось ли утраченное? Это можно увидеть на нынешнем духовенстве, молчавшем во время расстрела парламента, но бойко торгующем в православных храмах.

Мессианство российской самобытности? Я помню, как Ванда

Василевская писала: "Традиция американцев ездить на автомобилях, традиция русских – ходить пешком". Обозначьте самобытность. В чем она? – В том, что народ позволил себя обмануть, втоптать в грязь, унизить. Вы же не сделаете ничего, чтобы воздух России стал чище, потому что всегда будете на стороне тех, кто эксплуатирует этот народ. Вы будите сочинять хорошо оплачиваемые теории для правящей элиты точно так же, как подобные вам создавали доктрины, определившие трагедию Афганистана, благодаря которым из Кремля инициировались "освободительные движения" пропитавшие весь мир человеческой кровью.

Не мутите воду, господин Дугин. Позвольте людям пожить спокойно.

Еще сохраняется надежда, что несметная рать ваших предшественников не привила им окончательно отвращения к жизни, и они найдут в себе силы для созидательного труда.

Неугомонные силы теоретиков вновь и вновь наращивают мускулатуру, чтобы вбивать в головы бестолковым потребителям их стряпни неутомимые истины о единовластии и незыблемости основ православия и самодержавия. Происходит это не до семнадцатого года (впрочем, и до семнадцатого происходило) происходит это и сегодня. Поэтому:

Прошлое никуда не уходит

Наша пресса, телевидение, и все, где происходит национальное общение, постепенно, из года в год наполнялись чем-то фальшивым.

Ощущение нечистоты оказалось настолько всепроникающим, что и себя начинаешь подозревать в неискренности, когда на бумагу просится какая-то печальная правда о родном Отечестве. А уж тем более, если за спиною неизбывно присутствует клеймо "врага народа", то производное ощущение от критического взгляда, шуршит в ушах знакомыми интонациями полковника

КГБ: "А вы не озлобились?" Да не озлобился я, просто не разучился думать и ощущать боль этой страны.

Что делают на Руси? Кроме знаменитого карамзиновского "воруют", можно было бы добавить: "Укрепляют власть". Уже Татищев в начале своей истории представляет Россию как наследственную монархию, в первом периоде давшею процветание "единовластным государям" Рюрикова дома. Но во втором, разорванной "наследниками" княжеского дома, начавшими "великого князя за равного себе почитать". Такая неурядица привела к уничтожению княжеской власти в Новгороде, Пскове и Полоцке и водворению там "собственных демократических правительств", и, наконец, к порабощению Руси татарами. С восстановлением центральной власти, начиная с Ивана III, снова "сила и честь государя умножилась", отчего Татищев заключает: "из сего всяк может видеть, сколько монаршеское правление государству нашему прочих полезнее".

За прославлением "монаршеского правления" следовало и прославление

Ломоносовым славянских народов, дескать "величество славянских народов стоит близ тысячи лет почти на одной мере". С другой стороны, но тоже красиво, примыкали исследования славянофилов.

Хомяков, изображает в древнем прошлом упорную борьбу области и дружины. "Дружине" при этом приписывается все темное в русской истории. Она является началом формальным, рассудочным, склонным к восприятию всего чужеродного, начиная от византийско-римских пыток, татарщины и петровского европеизма. "Земля", "область", "вече",

"община", – вот начало русской национальной жизни, имеющее всемирно-историческое значение и составляющее основу отличия веры, и восточного мира от западного. Ну, и многое другое, пока в оценке места и событий в России присутствовало не историческое исследование, а патриотическое рвение. Это рвение из второго тысячелетия легко переползло в третье, и сейчас золотит уста многих политиков, подобных Жириновскому, от чего "казана их не скудеет". С историческими байками прошлое без труда проникает в настоящее, перекачивая в него и средневековый уровень чувств и мышления, и безграмотность, и лакейство, жажду власти и самомнение.

Вот так приходит не уходящее прошлое России. В ней так незримы изменения, что начинают казаться вначале неподвижными, а потом вечными. Это не оборот речи, помещающий нас в какой-нибудь пантеон исторического бессмертия. Это скорее некий путеводитель по граблям, из

известной русской поговорки. То есть, я хочу сказать, что мы никуда не уходили. Аллегория и образ, – это то, что осваивает литературный жанр. Но я не собираюсь впадать в игривый тон делающий вторжение прошлого в настоящее "забавным"; я бы назвал его скорее

"зловещим". Все "смутные" страницы нашей истории, словно не перелистываясь, впитали в себя настоящее, в котором оказались мы с вами. Мы побывали в "земщине" и "опричнине", при последнем советском реформаторе, как при Иване Грозном. И как тогда, по-современному, звучат слова, написанные Ключевским о поисках царем обновления: "Ни боярство не умело устроиться и устроить государственный порядок без государственной власти, к какой оно привыкло, ни государь не знал, как без боярского содействия управиться со своим царством в его новых пределах". "В беседах с приближенными иноземцами царь неосторожно признавался в намерении изменить все управление страной и даже истребить вельмож". Но "мудрено было выделить из общества и истребить целый класс, переплетавшийся разнообразными нитями со слоями под ним лежащими. Точно так же царь не мог скоро создать другой правительственный класс взамен боярства. Такие перемены требуют времени, навыка…" Это о первых реформах России, осознавшей глубину своего культурного отставания от "цивилизованного мира", а особенно, зависимость от бюрократии. Эти реформы можно примерить к горбачевским.

Было время, когда особенно звонко слетались клинки теоретиков нового времени на всевозможных политических представлениях. Судили о том, куда пойдем, кто мы и как называемся, – Европой или Азией.

Явлинский вспомнил для нашего состояния специальное название -

"Азиопа". Политическому истеблишменту нравилось ощущать себя интеллектуальной прослойкой своего "некультурного" народа, который не дорос до его благородства и высоких мыслей. Но что удивительно, вся эта утонченная элита как-то умела "кучеряво" пристраиваться на плечах того же народа, не отвечая ему ни благодарностью, ни самоотверженным служением. Чистые души остались где-то в литературе

XIX-го века.

Любимый образ российских государственников – образ Петра I. Петр

– фигура, олицетворяющая реформы, продвинувшие Россию в семью

"цивилизованных" стран. Только Сталин, предпочитал посох

Ивана

Грозного. Остальные российские "реформаторы" любили рядиться в камзол великого императора. Да и в практике поучительно – никто как

Петр не умел подчинять национальную волю собственным целям.

А теперь и мы ощутили давление особенности подмеченной еще

Татищевым, утверждавшим "сколь монаршеское правление государству нашему прочих полезнее". Слишком многообразны формы самоутверждения власти над обществом. Много поучительных аналогий можно извлечь из прошлого, озираясь по сторонам в 2004 году. Но возьмем один пример, тонкий нерв, который отражается в религиозном самосознании народа.

Это те чувствительные узлы, через которые легче всего нанести смертельные удары по самобытности, творческому потенциалу способности к национальной идентификации народа и его возможности получить достойное место в грядущем содружестве наций.

Вот что пишет о Петровских реформах историк и религиозный деятель протоиерей Георгий Флоровский: "Государство утверждает себя самое, как единственный, безусловный и всеобъемлющий источник всех полномочий, и всякого законодательства, и всякой деятельности или творчества. Все должно быть и стать государственным, и только государственное попускается и допускается впредь. У Церкви не остается и не оставляется самостоятельного и независимого круга дел, ибо государство все дела считает своими. Именно в этом вбирании всего в себя государственной властью и состоит замысел того

"полицейского государства" которое заводит и утверждает в России

Петр… "Полицейское государство" есть не только и даже не столько внешняя, сколько внутренняя реальность. Не столько строй, сколько стиль жизни. Не только политическая теория, но и религиозная установка. "Полицеизм" есть замысел построить и "регулярно сочинять" всю жизнь страны и народа, всю жизнь каждого отдельного обывателя, ради его собственной и ради "общей пользы" или "общего блага". "Полицейский" пафос есть пафос учредительный и попечительный. И учредить предлагается не меньше что, как всеобщее благоденствие и благополучие, даже попросту "блаженство"… В своем попечительском вдохновении "полицейское государство" берет от

Церкви…отбирает на себя ее собственные задачи. Берет на

себя безраздельную заботу о религиозном и духовном благополучии народа. И если затем доверяет или поручает эту заботу духовному чину, то уже в порядке и по титулу государственной делегации, и только в пределах этой делегации и поручения Церкви отводится в системе народно-государственной жизни свое место… Не столько ценится или учитывается истина, сколько годность, – пригодность для практико-технических задач и целей…Духовенство обращается в своеобразный служилый класс. И от него требуется так и только так о себе думать. За Церковью не оставляется и не признается право творческой инициативы даже в духовных делах. Именно на инициативу более всего притязает государство, на исключительное право инициативы, не только на надзор. "Полицейское" мировоззрение развивается исторически из духа Реформации, когда тускнеет и выветривается мистическое чувство церковности, когда в Церкви привыкают видеть только эмпирическое учреждение, в котором организуется религиозная жизнь народа. С такой точки зрения и церковность подпадает и подлежит государственной централизации. И

"князю земскому" усваивается и приписывается вся полнота прав и полномочий в религиозных делах его страны и народа… Такая новая система церковно-государственных отношений вводится и торжественно провозглашается в России при Петре в "Духовном Регламенте"… Но для Петровской эпохи вообще характерно, что под образом законов публикуются идеологические программы. "Регламент" есть, в сущности, политический памфлет. В нем обличений и критики больше, чем прямых и положительных постановлений. Это больше чем закон. Это манифест и декларация новой жизни. И само доказательство превращается в своеобразное средство приневоливания и принуждения. Не позволяется возражать против внушительных указанных "понеже". Правительство спешит все обдумать и рассудить наперед, и собственное рассуждение обывателя оказывается тогда ненужным и лишним. Оно может означать только некое неблагонадежное недоверие к власти. И составитель

"Регламента" поторопился все рассудить и обосновать наперед, чтобы не трудились рассуждать другие, чтобы не вздумали рассудить иначе…

Петровский законодатель вообще слишком любил писать желчью и ядом

("и кажется, писаны кнутом", отзывается Пушкин о Петровских указах)"

(Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс.1991.)

И замечательно еще пишет Феофан, составитель "Регламента", изъясняя доводы о государственной безопасности: "А когда еще видит народ, что соборное сие правительство монаршим указом и сенатским приговором установлено есть, то и паче пребудет в кротости своей, и весьма отложит надежду иметь помощь к бунтам своим от чина духовного". И еще шедевр на все российские времена от того же

Феофана: "Государь, власть высочайшая, есть надсмотритель совершенный, крайний, верховный и вседействительный, то есть имущий силу и повеления, и крайнего суда, и наказания, над всеми себе подданными чинами и властьми, как мирскими, так и духовными. И понеже и над духовным чином государское надсмотрительство от Бога установлено есть, того ради всяк законный государь в Государстве своем есть воистину Епископ Епископов"… Ух!

Я взял такой большой отрывок, потому что в нем как в зеркале отражается весь XX и начало XXI века России. К вышесказанному можно добавить, что в первое десятилетие XVIII века армия увеличилась с 40 до 100 тысяч человек, расходы повысились на 40 миллионов, заняв в общей сумме государственных расходов 65%. На 1710 ожидался полумиллионный дефицит. А что касается "людишек", то, подворная перепись в том же году, показала огромную убыль населения. Поистине

– "Избавьте меня от жизни в период больших реформ!" – говорил Конфуций.

По выражению Юрия Крижанича, правительство в России "то круто сверх всякой меры, то вконец распущено". Вот и здесь, парадокс действия этих законов "написанных кнутом", в беспорядочной толпе преемников послепетровского периода. Западник и большой патриот князь Д.М Голицын, говорил, что отечество тяготили два политических недуга это – власть, действующая вне закона и фавор, владеющий слабой, но произвольной властью.

Архиепископ Илларион Троицкий, в речи произнесенной на Соборе 23 октября 1917 года, сказал: "Орел Петровского, на западный образец устроенного, самодержавия выклевал это русское православное сердце.

Святотатственная рука нечестивого Петра свела первосвятителя

Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный собор

Церкви Российской от Бога данной ему властью поставил снова

Московского Патриарха на его законное неотъемлемое место".

Мы знаем, что было потом…

Во всех этих зигзагах Российской истории что-то можно, но и что-то, действительно, "нельзя понять умом". Не имея ли в виду печальный опыт Петра, известный русофил Константин Леонтьев, приняв монашество, писал в Оптиной пустыне, что "нам, русским, надо совершенно сорваться с европейских рельсов и, выбрав совсем новый путь, стать, наконец, во главе умственной и социальной жизни всечеловечества". (Леонтьев К. Записки отшельника. М.., 1992.)

Впрочем, до него были идеалисты и на иной манер. Для Градовского

"Народ в истории" – "живая сила, нравственная личность, которой интересы, убеждения и стремления руководят политикою государств".

Подойдя, однако, с этим взглядом к изучению истории провинции, он не нашел там "народа" в смысле активной силы, ни "коренных условий нормального общежития" Как нам знакомо! Не будем освещать этот опыт печальным скептицизмом Чаадаева, но заметим, что в русской истории были и обнадеживающие минуты.

Вот, натыкаемся в манифесте Екатерины II на признание:

"Самовластие, не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосредственно бывает причиною". Знаменательно и то, что Екатерина II в своем знаменитом "Наказе", в котором стремилась создать основу законодательного уложения государства, использовала нашумевшую в то время книгу Монтескье "Дух законов", которая позже легла в основу Конституции Соединенных Штатов, и

Декларации независимости, написанную Томасом Джефферсоном. Да, были в России пробуждения, похожие на грезы наяву. О судьбе "Наказа" с печалью пишет Ключевский, что смысл изложенных законов должен был принять форму всеобщего просвещения в доходчивой книге "Эта книга должна быть так распространена, чтобы ее можно было купить за малую цену, как букварь, и надлежит предписывать учить грамоте в школах по такой книге вперемежку с церковными. Но такой книги в России не было; для ее составления написан и самый "Наказ". Таким образом, акт, высочайше подписанный, извещал русских граждан, что они лишены основных благ гражданского общежития, что законы ими управляющие, не согласны с разумом и правдой, что господствующий класс вреден государству и что правительство не исполняло своих существенных обязанностей перед народом". (

В.О.Ключевский. О русской истории. М.

1993). Ни больше, ни меньше! – Спасибо матушке Екатерине за высочайшую правду. Но надо сказать, что, несмотря на успешные войны, финансового процветания это царствование достигало только в мирные периоды.

Посвятить эту статью эпизодам Русской истории, меня побудила работа Михаила Капустина "Культура и власть". Он пишет о душе народа. А народ – это и есть главный носитель истории, потому что история – есть судьба каждого народа. Как некое свершившееся действо, она обладает имманентной правдой, а вся остальная "правда"

– неправда. В жизни народа важнейшими являются два компонента – его физическое существование и духовное существование. Духовное имеет более точное техническое определение – это информация, информационное поле государства. Чем более ущемляется активность народа, тем меньше генерируется информации – главного показателя культуры, благополучия и духовности нации. В России "ущемление" достигало особых высот.

Несправедливо было бы упрекать за развитие событий в России монархию после реформ Александра II, но, увы, они не сумели извлечь народ из прошлого, сделать его просвещенным и цивилизованным, приблизить к культурным, равно привилегированным слоям общества.

ВНЕСТИ В ОБЩЕСТВО РЕАЛЬНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Все делалось наполовину, сохраняя в характере народа дремучую силу озлобления, невежества и недоверия, обучая его настолько, чтобы в революционные бури, легко на его букварную грамоту ложились пылающие призывы листовок и прокламаций, для литературного обогащения его ненавистью к исконной несправедливости быта. Поэтому-то Россия и сыграла, как пишет

Капустин "среди великих народов мира… роль ЖЕРТВЫ". Устойчивое общество – гражданское, информированное общество, общество от мала до велика обладающее элементами национальной культуры. Куда бы мы ни заглядывали, – в сторону Азии или в сторону

Европы, мы вынуждены признать, что и там и там живут народы с высокой и древней национальной культурой. Что у индийцев, китайцев, японцев, арабов, древние традиции не только обычаев, но и образования. Говоря о "душе", о "специфике", об "особенностях русского характера", мы не хотим замечать, что на протяжении веков правящие, привилегированные классы вытесняли простой народ, т.е. подавляющую массу общества, за пределы национальной культуры. Тупое высокомерие властвующих, привилегии и роскошь оставляло себе, а для народа находило разнообразные формы нищеты и бесправия. Указы Бориса

Годунова, закрепощающие наемных крестьян, законы Петра о тягловых повинностях, специальные указы, ставящие заслон для

образования простых людей. Разноцветно окрашенная система человеческого унижения, которое только императрица Екатерина II открыто назвала

рабством. И все то же, – от Сталина до сегодняшнего дня.

Юрий Нагибин, потрясенный расстрелом парламента в сентябре 1993 года, писал: "Народ состоит из людей, он также ответственен, как и отдельный человек… Самая большая вина русского народа в том, что он всегда безвинен в собственных глазах. Мы ни в чем не раскаиваемся, нам гуманитарную помощь подавай…

Может пора перестать валять дурака, что русский народ был и остался игралищем лежащих вне его сил, мол, инородцы, пришельцы делали русскую историю… Удобная хитрая, подлая ложь. Все в России делалось русскими руками, с русского согласия, сами и хлеб сеяли, сами и веревки намыливали. Ни Ленин, ни Сталин не были нашим роком, если б мы этого не хотели. Тем паче бессильны были бы наши пигмеи властолюбцы, а ведь они сумели пустить Москве кровь…

Что с тобою твориться мой народ! Ты так и не захотел взять свободу, взять толкающиеся тебе в руки права… Ты цепляешься за свое рабство и не хочешь правды о себе, ты чужд раскаяния и не ждешь раскаяния от той нежити, которая корежила, унижала, топтала тебя 70 лет. Да что там, в массе своей – исключения не в счет – ты мечтаешь опять подползти под грязное, кишащее насекомыми, но такое надежное, избавляющее от всех надежд и забот, выбора и решений брюхо…Что же будет с Россией?" (Нагибин Ю.Тьма в конце тоннеля. М.: Пик, 1994.)

Почему так пугливо-послушен народ? Да потому, что всю нашу историю его давила физически превосходящая масса насилия… кроме

Октября 17, когда сковырнули и поставили к стенке грамотные сословия, и гражданской войны, когда пришлось доразобраться самим с собой…Но словно головы Лернейской гидры, в точности на положенных для России местах, выросли параллели и вертикали власти, с еще более ухватистым легионом чиновников. Вспомним из законов естественных наук, что устойчивые системы поддерживаются равными силами. Оставим дореволюционное прошлое, посмотрим, что значило общество для власти в ССР? – На вооружение страна советов тратила 88 копеек с рубля,

(против Петровских 65) значит, в уравнении бюджета, семейные хозяйства, или интересы народа, не представляли никакой экономической роли. А денежные средства – одна из материализованных форм информации. В этой своей форме они

имеют огромное значение в поддержании социального баланса. Или, например, если мы переведем в гигабайты объем политической власти ЦК КПСС и всего остального населения СССР? -Гигабайты с одной, с другой стороны – безмолвие. -

Мы видели, как Сталин двигал подобно пешкам не угодившими ему народами.

А что происходит сегодня? До 90% национальных богатств находится в руках 2-3 %, населения, которое и составляет финансовую элиту и властную вертикаль России. Зачем им нужен весь остальной народ, не интересный ни с точки зрения политической силы, ни с точки зрения экономического партнерства? Импорт продовольственной продукции давно перешагнул черту, за которой он становится угрозой национальной безопасности, но государство, с гордостью рапортуя о золотовалютных запасах, не вкладывает ни копейки в создание современного сельского хозяйства. Технологии сферы обслуживания населения, отстав от своего времени на пятьдесят лет, стремительно продолжают наращивать отставание. Превращаются в металлолом предприятия созданные средствами, когда-то с кровью генсеков оторванные от "оборонки", для удовлетворения нужд собственного народа. После приватизации народ не является носителем экономических средств для удовлетворения нужд семейных хозяйств и развития экономики в собственных интересах.

Народ – безликая масса, партнер для власти лишь в одной политической игре – игре в демократию, чтобы та могла произвести благоприятное впечатление на международных партнеров. Страна, построенная руками этого народа и по праву принадлежащая ему как главному акционеру, с недрами и предприятиями, не исключая оборонных, сделалась источником разорения населения. Национальное достояние продается обществу бюрократией всех мастей, как их личная собственность.

И снова нас ждут реформы "непопулярно-разумные", учитывающие исключительно интересы государственной власти. Уже предполагается отправлять наших мальчишек со школьной скамьи в рекруты, чтобы, не дай бог, не миновал их опыт государственного кнута, который как тавро оставляет в душах сознание зависимости и бесправия. И уже покушаются на последние угольки жизни наших стариков, и без того до времени сгорающий в топке государственных потребностей. Пусть пока живы, наполняют пенсионный фонд, власть найдет брешь в своих фантазиях, в которую спустят уцелевшие деньги. "Льготы отобрать, вернуть деньгами". Отобрать-то отберут, а вот…

И отвечу обреченному выводу Юрию Нагибина, и

поэтическим грезам

Михаила Капустина, словами протоиерея Флоровского:

"В русском переживании истории всегда преувеличивается значение безличных, даже бессознательных, каких-то стихийных сил

"органических процессов", "власть земли", точно история совершается скорее в страдательном залоге, более случается, чем твориться.

"Историзм" не ограждается от "пиетизма", потому что и сам историзм остается созерцательным. Выпадает категория ответственности… В истории русской мысли с особенной резкостью сказывается эта безответственность народного духа. И в ней завязка русской трагедии культуры… Это христианская трагедия, не эллинская, античная. Трагедия вольного греха, трагедия ослепшей свободы, не трагедия слепого рока или первобытной тьмы. Это трагедия двоящейся любви, трагедия мистической неверности и непостоянства.

Это трагедия духовного рабства и одержимости… Поэтому разряжается она в страшном и неистовом приступе красного безумства, богоборчества, богоотступничества и отпадения… Поэтому и вырваться из этого преисподняго смерча страстей можно только в покаянном бдении, в возвращении, собирании и трезвении души…"

Но упустили мы бдение и покаяние, упустили трезвение души, и сегодня главной нотой в национальных чертах является бессилие, отсутствие видимых возможностей изменить свою судьбу к лучшему, не говоря уж о грезах Константина Леонтьева, "стать во главе умственной и социальной жизни всечеловечества".

Глобальные события, которые входят в сознание и опыт каждого человека, возвращают нас к глубоко личному – нашей вере и ощущению нашего места в мироздании. Внешнее – для экстравертов, чтобы они задумались об уроках, которые не умеют извлечь из собственной жизни. Если вернуться к теории Йорика, что мир – это поле нашего сознания и ничего более, то события внешнего мира – это школа, обучающая каждого человека в его стремлении сделать выбор между добром и злом. Я задумываюсь над теми периодами истории, когда

Господь не в силах терпеть человеческую глупость и страдание, приходил на землю, чтобы научить нас правильно жить и видеть

Истину.

Великие исторические кризисы всегда порождали периоды очищения.

Самое древнее письменное свидетельство – Махабхарата – (Путь

Бхаратов). Это история царского рода, чьи внутренние отношения повлияли на ход истории. Предание гласит, что обремененная многочисленностью человеческого рода земля обратилась к Брахме с мольбой облегчить бремя ее ноши. Эзотерический смысл обращения – вмешаться в процесс морального разложения. Избыточная деторождаемость для того времени – символ сексуальной невоздержанности, падения нравов. Земля, в сущности, требовала восстановления Дхармы, Закона справедливости. Брахма внял просьбе и для осуществления его воли на земле, в образе людей, стали воплощаться демоны и боги.

Священные тексты имеют многослойную смысловую ткань. Воплощение богов и демонов символизирует неумолимость событий истории, но не только; человек должен осознавать свое неземное происхождение, понимать, что его божественная или дьявольская сущность определяется его выбором, его поступками, плодами его деятельности.

Пандавы – божественные воплощения. Старший брат – царь Ютхиштхира – сын бога справедливости – Дхармы. Арджуна – главный защитник пандавов – сын Индры, – вечный спутник Нараяны, Господа Кришны, -

Нара. Миссия Аватара, или божественной сущности на земле, заключается в восстановлении Закона и Справедливости. И это делается, прежде всего, для человека, земля – всего лишь средство, потому что человек не только подобен богам, он может быть выше их, его сознание способно открыть для себя тайны мироздания и силой йоги достичь абсолютного слияния с Истиной. Низменное начало, воплощенное в разрушителей добродетели и закона – старшем сыне Кауравов

Дурьодхане, рожденном вместе с сотней своих братьев из одного плода, зачатого от злого начала. Они воплощение асуров – демонов тьмы.

Божественная песнь – Бхагават Гита – которую поведал Кришна

Арджуне, перед великой битвой на поле Курукшетра, раскрывает смысл происходящих событий так, как их должны осознавать люди, чтобы приобщиться к Истине, раскрыть свою сущность, понять, что они любимые дети вселенной, а не ее пасынки.

Махабхарата как бы является увертюрой, первоначальным гимном к эзотерическому знанию. Последующие вероучения, несут следы собственных культур и эпох и легко входят в

религиозную и смысловую суть великой Упанишады древней Индии.

Но страдание человека пронизывает историческую память каждой эпохи и современно ей. Страдание ищет новые слова утешения, и к человечеству приходят великие утешители, каждый со своим языком понятным для своих современников. Господь Будда – не входит в историю как ключевая фигура кризисных обстоятельств, призванная поставить точку в принадлежащей ему эпохе. Будда – это всемирное и внеисторическое милосердие, это спасение для каждого страждущего, имеющего волю к преодолению страдания.

Для европейской цивилизации воплощение любви и милосердия,

Великий Утешитель страждущих сердец – Иисус Христос. Он пришел к еврейскому народу в кровавый период истории, период унижения и рабства, когда измученные человеческие души более всего нуждались в поддержке и утешении. Иосиф Флавий описывает Иудею того периода.

Национальная гордость людей страдала от тирании римского владычества. Царило насилие и несправедливость. Люди храбрые сердцем поднимались на поработителей и жестоко наказывались за это. Никто не видел выхода из положения. Простому человеку не было спасения ни от пришельцев, ни от тех, кто продавшись им, разорял поборами собственных сограждан. Метафизическое противостояние добра и зла как бы спускается на землю Израиля и достигает своего максимального звучания. Человеку не дано справиться, он раздавлен и дезориентирован, он не в силах восстановить свою духовную сущность, которая бы прорезала светом тьму и принесла утешение. И здесь является Христос. Слова Учителя в Нагорной проповеди просты и доходчивы. Вы не изгои, вы дети Божьи, каждый волос на голове вашей сосчитан. Очнитесь, покиньте бездну отчаяния и уныния, ибо близко

Царство Небесное! Он учит тому, что беда человека приходит не от притеснителей, а от его самого, оттого, что человек забыл Бога, забыл Его заповеди, что он ушел от путей праведных и пустился во все тяжкие. Поучая этому, Христос не делает различия между иудеем и римлянином, между рыбаком и мытарем, он помогает самаритянке так же, как и соотечественнику. Он порицает богатых не за их богатство, а за неправедность, за то, что они плодят несправедливость и беззаконие, ставя людей в условие нищеты и зависимости, закрывая для них путь к духовной жизни. Он предлагает богатому молодому человеку путь к спасению, и когда тот не может отказаться от роскоши, печально говорит: "Скорее верблюд

пройдет через игольное ушко, чем богатый попадет в царство небесное". Путь к счастью открыт для всех, увы… "много званных, но мало избранных". Как ни печально, эта истина сохраняется для каждого периода времени и, кажется, становится особенно актуальной для нас. Уроки истории и простые истины человеческой жизни не остаются в том времени, в котором Учителя человечества приходили к своим современникам, они стучаться в сознание каждого человека каждое мгновенье его жизни от начала цивилизации и до сего дня.

Все, о чем говорилось на страницах "Опыта" и все, о чем еще будет говориться, также обращено к вечным истинам. Наш ум и чувство не могут взвесить происходящее пользуясь этими духовными мерами, но я уверен в нравственной природе мироздания и в том что этой нравственностью измеряется каждый атом событий.

Тем не менее, когда мы соприкасаемся с действительностью, мы (тут я хотел сказать "с удивлением"), нет, замечаем без удивления, что уроки человека не учат. Ветхий завет и Коран заповедуют жить по закону справедливости, Христос призывает жить по закону любви. И то и другое воспринимается сейчас как исключительный, если не сказать патологический дар отдельных людей. На вопрос Кришны, обращенный к

Ютхиштхире, – что он считает самым удивительным на земле? Сын Дхармы ответил: "Вокруг умирают, а человек живет как бессмертный". Тем самым он хотел сказать, что самое удивительное – человеческая глупость, потому что человек не видит самого очевидного – смерти и ничего не хочет менять перед ее лицом. Поэтому вернемся к тем иллюстрациям, которые находим в нашем времени и продолжим их перечисление.

"По плодам их, узнаете их", – и плоды эти созревают. Созревают они в Кремле, созревают они в ущельях Кавказских гор, где скрываясь в пещерах бывшие руководители Чечни строят планы возвращения власти. Им отрезали путь к переговорному процессу и они идут на крайние меры. В этих мерах все – и глупость, и жестокость, и отчаяние, и безысходность. Убивать их учат свои мастера и специалисты "мирового класса" – посланцы Бен Ладана. Они будоражат воображение ушедшим величием мусульманского мира и считают, что должны возродить его, утверждая на каждой пяди своей земли и земли неверных. И вот Россия опять прильнула к экранам, – в самом ее сердце, столице Москве, течет кровь ни в чем не повинных людей.

Мы привыкли видеть московские улицы, заполненные фигурами в камуфляже, взрывы, и драки отморозков, и площади, превращенные в пустыри. Но никогда еще привычные кадры

экрана не наполняла такая высокая нота тревожной напряженности. Неправдоподобно огромная реклама рокового спектакля на переднем плане, редкие человеческие фигурки. Странные пространства лунного ландшафта на задворках здания ставшего центром зрелища приковавшего к себе взоры всей планеты.

Грязные тропинки, так не свойственные большому городу, жухлая трава заброшенных двориков и какие-то немыслимые развалины в самом центре

Москвы, словно символизирующие собой тленность этого мира. Сама хмурая осень с ее умирающей зеленью, так точно сплелась в кадре с драматическими событиями в столице России. Печаль природы, и наша печаль для многих в этот октябрьский вечер стала непереносимой. Что может быть в современном мире страшнее захвата заложников? Это страшнее чем смерть – это ожидание неизбежной смерти в тот момент, когда ты был на вершине жизни и верил, что у тебя все еще впереди.

Кто виноват? – Контраст политических и эмоциональных состояний достиг в России, в последние несколько дней, небывалого размаха по амплитуде своих противоположных пристрастий. Мы трепетали, ожидая, что правительство совершит привычную оплошность перед вызовом террористов. Еще свежи в памяти рейды Басаева на Буденновск и

Радуева на Первомайск, проваленные так позорно нашими "силовиками".

Но вот – о, чудо! – Проведена блестящая операция и – заложники освобождены! Мы испытали в то утро гордость за свои спецслужбы. Увы, к вечеру гордость стала утрачивать пафос, – мы узнали о гибели многих из тех, кто оказался пленником шахидов. Потом получили цифру

– 67, а еще через день трагическое число жертв увеличилась на пятьдесят. "Безвредный газ", – утверждают специалисты, -

"большинство погибло от асфиксии", то есть от западения языка, в момент перемещения. А отчего погибли эти 50 на другой день? Позже последовало еще одно сенсационное заявление прокурора Москвы

Авдюкова – во время операции 45 человек погибли от огнестрельных ранений. Правда, среди них были террористы, но я представляю такую картину: спецназовцы врываются в зал наполненный потерявшими сознание людьми и ходят по рядам, как между прилавками городского рынка, выбирая подходящий "товар", для того чтобы пустить его в расход пока не очнулся. И как всегда на Руси, когда мы имеем дело с властью, бесконечные вопросы без ответов. Они будут молчать, как молчали на Тоцком

полигоне, они будут молчать, как молчали в

Чернобыльской трагедии, при гибели Курска. Народ, который власть

России отождествляет с Отечеством, Государством и, наконец, с самой

Властью, никогда не являл собой просто человека, не связывался с судьбой отдельной личности. "Погибло 118 заложников, но были спасены остальные, защищено достоинство государства, не пострадала честь", – официальный аргумент Кремля. Может быть так. Но покинем область отвлеченных понятий и попытаемся рассмотреть конкретное содержание октябрьской драмы.

С чем имел дело штаб по координации действий вызванных захватом заложников в Доме культуры железнодорожников в Москве? Не будем говорить о том, как террористы "прибыли по своим делам" в нескольких автомобилях прямо к подъезду здания, где проходил спектакль с символическим названием "Норд-Ост". Спецслужбы "прошляпили", как прошляпили в аналогичных условиях атаку на торговый центр в

Нью-Йорке американские спецслужбы. С кем не бывает… Чеченская группа появилась в Москве под знаменем джихада в облике шахидов – смертников. "Мы пришли умереть", – так сказал Мавсар Бараев, командир группы, а мы должны были понимать это как то, что они пришли умереть и взять с собой столько "неверных" сколько возможно.

Атмосфера переговорного процесса сразу же получила фактор непреодолимого барьера. Не будем говорить о моральной стороне обстоятельств, хоть они – тяжкие гири при выборе решений, рассмотрим физические возможности сторон. Одна сторона пришла убить и умереть.

Задача второй – обезвредить и спасти. На прилавке торга – война в

Чечне. Условие поражающее своей нереальностью с точки зрения его физического исполнения. Разве те, кто планировал акцию террористов не отдавали себе отчета в нереальности выдвигаемых требований? Ведь такие процессы как прекращение войны предполагают длительные политические усилия, длительные военные операции, длительное создание правовой и гражданской базы для реализации усилий по прекращению войны. Не так важно кто будет победителем, важно чтобы были вырваны или нейтрализованы корни конфликта сторон. Иначе войну прекратить нельзя, остальное будет иллюзией мира. Получается, что стоявшие за спинами террористов имели другую цель – произвести большой шум, обострить национальную

ненависть, сделать невозможным политическое решение проблемы. И, отсюда, логический вывод – шахиды умрут и унесут с собой всех, кто в это время будет находиться в зале и в пределах их досягаемости. Таково конкретное содержание акта захвата заложников в Москве. Что имела ввиду каждая из сторон устраивая спектакль торга, скромно именуемый "переговорами"? Одни тянули время и готовили штурм с газовой атакой, вторые – готовились к уничтожению заложников, создавая иллюзию благородства и великодушия, когда соглашались отпустить немногочисленное количество людей из числа своих жертв. Они словно сговорились действовать сообща, чтобы дать миру представление, с надеждой, что именно их режиссура глубже всего войдет в сердце зрителя. Когда пытаешься проникнуть за кулисы этого представления, начинаешь понимать, что каждая из сторон имела в виду не благополучие своих сограждан, а собственную цель – продемонстрировать эффективный механизм управления рычагами власти.

Театральный центр на Дубровке. Спустя год опустится занавес, навсегда закрывая представление рокового спектакля. "Норд-Ост" покинет сцену, чтобы не тревожить печальную память людей. Его трагедия не станет уроком для власти. Власти уйдут от ответа – кто виноват в смерти заложников? Власти будут уходить от ответственности за судьбы живых и мертвых участников тех событий. Но они демонстрируют озабоченность. Они делают вид, что стремятся решить чеченскую проблему. Таковы правила игры власти и общества.

Политические технологи продолжат прикидывать, как использовать существующие обстоятельства для укрепления политического влияния и как создать новые конструкции для тех же целей. Во всех этих сценариях будут участвовать в качестве строительного материала живые люди. Сколько их поляжет еще – кому интересно?! Ведь целями политики является не благополучие человека, а амбиции лидеров противоборствующих сторон замаскированные красивыми лозунгами. На смену убитых шахидов придут новые смертницы и прогремят взрывы в

Москве среди веселых молодых людей, когда они будут радоваться жизни и ее первым впечатлениям. И словно сжимается круг безумия вокруг каждого человека. Даже для меня предсмертные стоны в

Шереметьево звучат не так отдаленно – там проходил рок-концерт на котором могла быть моя дочь, Дина. Дина – солистка рок-группы и живет в Москве. Она вполне могла пойти на тот роковой фестиваль. А кто не помнит: "Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской, да по

Тверской-Ямской, с колокольчиком". Эта песня с голосом Шаляпина, стала частью культурного самосознания каждого русского человека. Но не колокольчики звенят на Тверской-Ямской, а гремят взрывы и они тоже входят в самосознание. В ответ им гремят призывы к бдительности, приветствуется возрожденный институт стукачества, прикидываются оклады за доносительство. Все как всегда

– Олимп, – и то, что внизу.

И все же иногда гремят колокола истории так, чтобы звук их слышал каждый от малого до великого. С тех пор когда вслед за СССР, по восточной Европе прокатилась волна освободительного движения под грозный рокот многотысячных демонстраций, казалось, угомонились просторы, где торжествовало насилие и диктат. Ловкие политики, подхватившие волну народного гнева и брошенные ею на самые вершины власти считали незыблемым свое положение на шее общества, но вот, всколыхнулась Грузия. "Революция роз" напомнила впавшим в сладостную дрему правителям – кто настоящий суверен власти. Эдуард

Шиварнадзе – осколок империи, с привычной уверенностью манипулировавший обществом, пал жертвой непонимания существа исторических процессов. Народ Грузии показал, что он не кучка купающихся в роскоши коррупционеров, с которыми власть отождествляла себя и всю остальную страну, но еще и носитель духа свободы и справедливости.

Хотелось бы, чтобы этот набат свободы не остался под стеклом для остальных правительств, фактически сохранивших советский образ правления и мысли.

– Дорогой, – с глубоким вздохом искреннего сожаления Йорик вмешался в процесс моего изложения, – Ты так глубоко залез в дебри анализа всего и вся, что Грузия становится уже не просто опасным симптомом диффузии мысли, но свидетельствует о тяжелой стадии болезни. Давай-ка, лучше вернемся в родные пенаты. В России на дворе – Выборы в Государственную думу. Посиди немного у телевизора и опиши то, что ты увидишь, так, как тебе подскажет и разум, и совесть, и чувство гражданина.

Я внимательно посмотрел на Йорика. Что-то в нем было от

Булгаковского Коровьева. Тогда я еще подумал: "Откуда в нем появилось фиглярство", но потом, посмотрев первые спектакли

"прайморис" по-российски, понял, что Йорик, как существо вездесущее, предвидел формы предвыборного фарса и это не могло не отразиться в его внешнем виде. Казалось бы, простая штука – выборы, – пришел человек, взял бюллетень и определился в своих симпатиях. Ан, нет. У нас, что ни выборы – новые сюжеты. Над последними двумя компаниями по выборам в

Государственную Думу трудился изобретательный российский политтехнолог Глеб Павловский. Генеральный план предвыборного сражения он изложил примерно так в штабе партии власти: "Ребята, не будем суетиться. Наш народ ничего не понимает в политике, но очень впечатлительный. Дело не в том, что говорить, а как это будет воспринято. А ваши лидеры… их лучше не выпускать на экран. Работаем по следующему сценарию: вы отказываетесь от дебатов, а те "умники" которые рвутся в бой, получат свое по самое некуда.

Мало не покажется".

Действительно, теледебаты выглядели как позорная провокация.

Особенно на НТВ. Очень жаль, что уважаемый Савик Шустер принял активное участие в грязной стряпне властей. Жириновскому отводилась роль "золотаря", выливающего содержимое выгребной ямы на головы оппонентов. Впрочем, содержимое полностью поступало от самого

Вольфовича. И его фарс с дракой и извинениями тоже неплохая, с точки зрения сценария, часть спектакля. Увы, российский избиратель действительно, существо впечатлительное. Весь балаган принимался за чистую монету. Оппозиция правая и левая на глазах телезрителя пожирала друг друга. Можно только сожалеть, что серьезные политики не отвергли позорный сценарий, а позволили втянуть себя на заклание.

Разыграли и осуществили и политическую часть стратегической задумки Кремля, – сами выборы были достаточно честными. Эта честность предназначалась для выполнения установки, – не получить в

Думе конституционного большинства, так, чтобы оставить себе простор для пропагандистских маневров. Фактически стопроцентное голосование обеспечено, но лазейка позволяющая отмахнуться от стопроцентной ответственности сохранилась. Но… "поди найди тот ножичек".

– Ладно, успокойся, – Йорик небрежно махнул рукой, – Хуже не будет, а правые задумаются. СПС над тем, что надо было своевременно остановиться в ограблении народа, а "Яблоко" над тем, что надо было заниматься серьезным партийным строительством. Может быть, кто-нибудь из них, наконец, обратит внимание на две бесхозные национальные силы – рабочий класс и трудовое крестьянство.

Действительно, подумал я, – почему партии тратят всю свою энергию лишь для того, чтобы попасть в Думу? Конечно, по-человечески их можно понять, – уют и сытый стол в закромах

власти, но ведь и поработать нужно для дела. Если вы хотите иметь силу, и не на халяву пролезать к думскому столу, – работайте, создавайте гражданские структуры, идите к гражданам и защищайте их интересы от чиновника и государства о котором вы в Думе высказывали свое недовольство.

Защитите хоть одного рабочего от хищника-работодателя, проконсультируйте притесненного пенсионера и помогите получить кредит разоренному крестьянину. А еще… Ну, и так далее.

Таково наше с Йориком тактильное ощущение общественно-политического опыта присутствия. То, что относится к последнему времени, из того, что было здесь сказано, можно переписать еще раз и прочитать заново. Изменения малосущественны.

Суетится прокуратура, отлавливая отдельных олигархов, стараясь, чтобы фигуры на политических клетках были расставлены так, как это необходимо для действующей власти. Ничего не скажешь – Путин умеет разыгрывать эти партии, оставаясь не только в стороне и в тени, но даже в некотором публичном сиянии. Своим сиянием он согревает партию власти – "Единую Россию", сплошь сформированную из действующих чиновников. Поистине партия бюрократов! Они не успокоятся, пока не произведут передел всех национальных богатств

России в свою пользу. Они научились не только манипулировать общественным сознанием, но и довольно внятно терроризируют его.

Однако остановимся. Как мне подсказывает Йорик, о политике и экономике тут уже вполне достаточно написано, и если добавить что-то еще, то это будет выглядеть как утомительные вариации.

Но есть область, целиком принадлежащая мне, впрочем, так же, как она может принадлежать и любому человеку, наделенному бесстрашием сознания и волей следовать повелениям Истины. Излагая "опыт присутствия", я не старался подниматься над жизненной суетой и не делал вид, что она меня не касается. Я старался подчеркнуть, что все происходящее – обращено к человеческому сознанию. Мы должны наполнять смыслом и нашу деятельность, и размышление о ней. Но если усилия ограничатся внешней стороной, значит, мы ничего не поняли и в происходящих событиях, и в том, как сопрягается с ними наша жизнь.

Они – трамплин и тренажер области более глубоких смыслов.

Рассматривая события болезненно связанные с человеческой жизнью, мы уже прикасались к тому, что в ней незыблемо. Это

было прикосновение, но пора уже заглянуть "глубока ли кроличья нора".

Золотое сечение

Размышляя, мы иногда находим то, о чем думали до нас, поняли и прекрасно выразили. Нам, восхищенным, лишь остается повторить все слово в слово. Рассказывая о своих поисках Бога, я нашел стихи, которые как формула содержат смысл моих религиозных представлений.

Они принадлежать мусульманскому мистику Омару Ибн ал-Фариду (1118 -

1235):

Весь мир в тебе, и ты, как мир един.

Со всеми будь, но избегай общин.

Их основал когда-то Дух, но вот

Толпа рабов, отгородясь, бредет

За буквой следом, накрепко забыв

Про зов свободы и любви порыв.

Им не свобода – цепи им нужны.

Они свободой порабощены.

И, на колени пав, стремятся в плен

К Тому, Кто всех зовет восстать с колен.

Знакомы им лишь внешние пути,
А дух велит вовнутрь себя войти

И в глубине увидеть, наконец
В едином сердце тысячи сердец.

Вот твой предел, твоих стремлений край,
Твоей души сияющий Синай.

Но здесь замри. Останови полет,
Иначе пламя грудь твою прожжет

И, равновесье обретя, вернись
К вещам и дням, вдохнув в них ширь и высь.

Глубокие размышления о бытии – тоже область профессиональной деятельности. В этой области занято не очень много людей. Сложность ее – в необходимости анализировать огромный объем информации, систематизировать, находить главное и выходить на единственный путь, среди мелочей, шквала эмоций, собственных предрассудков и пристрастий. Люди, способные глубоко мыслить, имеют общую отличительную черту – веру в смысл, внутреннюю связь и закономерность природы. Они убеждены, что окружающий нас мир имеет золотое сечение Истины, которое можно разглядеть среди нагромождений хаоса, бессмыслицы, ненависти, страха, насилия и лжи.

Все звуки мира и проявления его сил, обретают смысл и значение и открывают лицо перед тем, кто увидел блеск этой единственной линии, кто хоть на миг, пусть даже в мельчайшем атоме увидел великую Дхарму бытия, Вечный Закон.

Мои первые размышления побуждались, пожалуй, не нравственными причинами, а потребностью знать "как?" и "почему?" Даже вопрос о несправедливости, лжи и насилии имел для меня интерес с точки зрения принципов их действия, – какие механизмы сидят внутри и достаточно ли они целесообразны с точки зрения общественных интересов. Справедливость и правда, – что это – целесообразные нормы или искусственные изобретения созданные для сохранения привилегий заинтересованных лиц? Я рассматривал простые и сложные явления, и постепенно все более отчетливо замечал внутренний свет золотого сечения в каждом факте, – единственной основы, на которой держится вся конструкция мироздания. Я всегда относился с уважением к религии, церкви и чувствам верующих. Еще с тюремных лет, я понимал, что мне "надо бы что-то такое", но только в зрелом возрасте обнаружил, что увлечение философией, стремление найти смысл в каждом атоме, и было моим собственным поиском Бога, жаждой живого прикосновения к Истине. Этот поиск никто не сделает за нас, потому что движение к Истине – это движение к раскрытию в себе нового человека, рождения свыше и рождение можно осуществить только собственными силами. Дорога поиска – движение по собственному сознанию, – оно и есть весь мир. Наблюдая каплю,

мы видим вселенную. В Махабхарате умиротворенного риши Бодхью вопросил раджа

Нахуша, как он достиг совершенного знания. "Мангуста, чайка, змея, пестрая лань, обитательница леса, стреловщик, юница – вот шесть моих учителей, раджа". Когда мы способны проследить путь простого явления до его связи с сущим, мы обнаруживаем, что в этой связи перед нами открывается все мироздание и смысл нашего существования в нем. Мы бредем в потемках собственного сознания и вдруг находим пустяк, с точки зрения тех, кто не ищет. Этот пустяк как включатель, прикосновением к которому освещается весь мир. В моем бесконечно темном тоннеле, я нашел несколько таких включателей. Я хочу рассказать о них. Они осветили мою дорогу, но должен подчеркнуть, что эта дорога уже была, я шел по ней и был твердо намерен пройти до конца.

Семнадцатилетний Галилей изучал медицину в Пизанском университете. Там, в одной из ранних работ он сформулировал правило, известное как "квадратно-кубический закон". Суть размышления любознательного студента сводилась к такой ситуации: представьте, что однажды вы проснулись в мире, где все предметы увеличились вдвое и подобное сохранило соответствие подобному. Наше остроумие подсказывает – мы не обнаружим изменений. Ан, нет! При увеличении всех размеров животных или человека их объем возрастет в кубе, соответственно вес станет в восемь раз тяжелее, а площадь поперечного сечения костей – следовательно, их прочность – только в квадрате. Тело сомнет собственный вес, кости просто не выдержат такой нагрузки! Эта маленькая иллюстрация емко характеризует множество особенностей нашего отношения к миру. Спонтанный атеизм, навеянный образованием и отсутствием видимых чудес, не позволяет современному человеку достаточно глубоко взглянуть на чудо целесообразности, красоты и гармонии, открытое перед нами Божьим миром. Мы доверяемся первым впечатлениям и находимся в плену поверхностных рассуждений. Религия и вера дают в руки достаточно твердый посох в поисках истины, но употребление этого посоха профессиональными служителями культа вызывает недоверие к их методам, и заставляет людей с пытливым и независимым мышлением искать собственные дороги. Движение начинается с "объективных" знаний, какими кажутся наука и философия. Даже свет священных текстов, кажется, необходимо потрогать собственными руками. И мы начинаем замечать тонкую линию, которая сквозит в привычных понятиях и традиционных представлениях, впитанных как часть культуры своего народа или

иной общечеловеческой культуры.

К сожалению, в самом открытом обращении к основам личности – христианстве, мы наблюдаем, что конфессии растаскивают Христа, проповедуя учение в приемлемом для себя виде. Оно перестает быть мистической доктриной и превращается в удобную для церковного чиновника модель бюрократического аппарата. Вера служит и обслуживает, она работает на социальные структуры, как прочие институты общества. Могущественные церковные епархии трудятся "на благо человечков" не хуже Пентагона. Христианство и имя Христа превращают в привычные политические лозунги. Не случайно коммунистическая идеология проводит параллель между своим и христианским вероучением не подозревая о внутреннем человеке.

Католическая и православная церкви стремятся к комфорту, не стесняясь при этом использовать Божьи храмы как торговые точки, где суеверие паствы является особо ценным сырьем в этом виде производства.

Упоение религиозным "ренессансом" в Росси, породило чудовищные формы выхолащивания и надругательства над духом христианства. За исключением немногих подвижников, дипломированные в совдепии священнослужители беззастенчиво делают деньги. Сама традиция, форма социального подхода и прагматического использования религии, предлагает верующим только Евангельские тексты, но никак не их дух. Здесь тускнеет и исчезает Золотое Сечение Истины, исчезает само христианство.

Стремление проанализировать традиционное и истинное отношение к христианству делает Джон Уайт в небольшой работе "Просветление и иудейско-христианская традиция". Его исследование невольно приподнимает тайну отношения двух великих религиозных основ – Нового и Ветхого Заветов. Мы привыкли называть это словом "Библия", а ведь это разные учения.

Традиция и прогресс, канон и свободомыслие, вера и знание, что это – несовместимые понятия или единые звенья духовного процесса человеческого существа? Суровость требований и картины Ветхого

Завета не отменяются Новым Заветом, но как они различаются! Наш ум часто отказывается черпать истины из этих, таких разных источников и размышления по примирению противоречий заводят в тупик. Но и здесь сияет золотое сечение Истины!

Пророк Моисей – политический деятель, озаренный Божьим Духом, он создает новое общество, делая основой его Божественные заповеди, приобщая каждого члена племени к

социальной Истине. Христос не создает нового общества, Он создает нового человека. Его призыв

"метанойя", традиционная церковь переводит с греческого как "покайтесь", но значение произнесенного Им слова на арамейском -

tob, имеет другой, более глубокий смысл – "превращаться",

"обращаться", "вернуться назад к Богу". Само же слово метанойя, как и tob, означает нечто гораздо большее, чем раскаяние. Имея два корня мета – "за пределами" или "возвышение над чем-либо" и

нойя, от нус, (nous), оно призывает к стремлению возвыситься, реализовать Бога в себе.

"Слово арамейского языка, соответствующее греческому "Христос", – это M,sherha, от которого произошло слово "мессия". Это не имя, а титул, и, хотя он обычно переводится как "помазанник Божий", в действительности означает "совершенный", "просветленный" или

"идеальная форма человечности". Иисус был исторической личностью, человеческим существом, жившим две тысячи лет назад; но в сущности

"Христос", "Мессия" – это вечное трансперсональное состояние бытия, к которым мы все должны когда-то прийти. Иисус не говорил, что это высшее состояние могло воплотиться только в нем. Не говорил он нам и того, чтобы поклоняться ему. Скорее, он призывал нас следовать ему – следовать его шагам, учиться у него, на его примере, как жить центрированной на Боге жизнью, самоотверженной жизнью, сострадательно служа миру так, как если бы мы были самим

Иисусом. Он призывал нас войти в новый мир, с новыми условиями, быть единым с сверхментальным сознанием, которое только и может рассеять тьму нашего ума и обновить жизнь. Он не призывал нас быть христианами, он призывал нас "быть во Христе". (Джон Уайт.

Просветление и иудейско-христианская традиция.)

В поисках Бога мы ищем истинную традицию служения. Поэтому нам важно знать – какое учение в большей степени соответствуют Истине.

Наше удивление различием в иудейском и христианском подходе, фактически не имеет под собой основу. Моисей и Христос служили одному Богу, но учили разным вещам. Моисей создает религию, Христос открывает двери внутри этой религии для каждого отдельного человека.

Моисей укрепляет земное царство Божественными законами, Христос предлагает "царство не от мира сего". Закон Моисея

обязателен для всех, Христос говорит: "Много званных, но мало избранных". Учение

Моисея имеет дело с социологией, учение Христа – с психологией человека. Для Моисея Бог – образ внешней силы, высший закон, который бдительно следит за поведением каждого члена племени. Христос учит, что этот закон живет внутри нас, мы должны открыть его в себе и жить в постоянной связи с Божественной волей. Моисей требует знать,

Христос – верить. Впрочем, следует сразу сделать уточнение значения слова верить, потому что каковым бы ни было этимологическое содержание этого слова, в христианстве оно означает

состояние внутреннего присутствия Бога, личное внутреннее свидетельство.

Но сколько бы мы ни говорили о различии и общности двух великих источников нашей культуры, мы не избежим самостоятельного анализа их конкретного содержания, которое перейдет в осознание глобальной действительности. В сущности, все религии имеют дело с действительностью. Значение имеет то, как они ее описывают. И вот именно описание является пищей, способной утолить духовный голод и жажду Истины. А здесь оказывается, что знание, да и вера не являются монополией иудаизма или христианства, а свойственны любой человеческой общности, где бьется сердце и сверкает мысль.

Освободившись от необходимости делать правильный выбор в традиционных представлениях нашей религиозной культуры, можно совершить очередной шаг в поисках основ бытия или Золотого сечения

Истины, расширив их интернациональную почву. В свое время право религии покоилось на факте рождения, но сейчас наступило время, когда о Боге свидетельствует не только религия, но и наука. И даже сама вера требует осмысления, потому что мы входим в мир, где атеизм, как удобное мировоззрение насилия и наживы, разрушил колыбель, в которой мы появлялись защищенные традицией, моралью и верой. Нам надо начинать все заново, но, слава Богу, это становится областью точных знаний.

Наверно отсутствие любви не раздирало ни одну эпоху в человеческой истории так, как нашу. Интеграционные процессы товарных рынков не в состоянии преодолеть ненависть, возникшую между народами и религиями, между богатыми и бедными, между Севером и

Югом. Человек страдает, и если чувство ослепляет его, он берется за оружие, если беспомощен – ищет Бога. Вопрос "кто

прав?" – не имеет смысла, – ведь он не учитывает самого главного – Истины, которая не имеет ничего общего с моральным или эмоциональным выбором. Если у вас есть смелость – последуем за логикой раскрывающей механизм, формирующий мир истины и мир заблуждения.

Энергия эго – "самой великой реальности реального", заставляет нас ощущать дуализм мироздания. Проблема греха – проблема "вовлеченности". Вовлеченность начинается с осознания. "Я хочу!" – чувство, толкающее на действие. Отчего возникает

"негативное" и "позитивное" желание? Конечно, это, прежде всего программа личности. Кто создает программы? Ведь программа – это "то, что происходит, по тому, что уже произошло". Программа – не только локальное действие генетического кода на данную особь, это тотальное формирование каждого атома поведения особи. Священная литература дает нам образцы формирования тотального программирования поведения человека и общества. В книгах "Бытие", "Царств", "Пророки", мы видим, что ничто не может противиться "Божьей воле". Она есть. Она уже осуществилась. Подчинение ей создает иллюзию свободы и дает человеку чувство гармонии с окружающим миром. Противоборство не меняет результата, но сопровождается чувством вины. Осия, Даниил,

Исайя, – всем им дано знание Божественной воли. Народ Израиля не слушает пророков и карается пленом, нищетой, мором. Искупительно заканчивается лишь миссия пророка Ионы. Напуганный ответственностью, он бежит, отказываясь спасать Ниневию. Бог возвращает его на берег в чреве кита и пророк призывает народ к покаянию. Ниневия прощена. Что произошло, если бы они не покаялись? – Молчание. Это "лилы", – так называют индусы божественные игры. Особенно ярко картина предопределения нарисована в "Махабхарате". Божественное

"программирование" начинается с просьбы изнывающей от тяжести человеческого племени Земли. Творец обещает облегчить бремя уничтожением большой части человеческого рода. А дальше в "Сказании о Бхаратах" показывают, как развивается майя, создающая у действующих лиц иллюзию собственного действия. Между началом событий и фатальным исходом показаны усилия героев эпоса. Одни направлены на утверждение закона и справедливости, другие – на ниспровержение их. Но все усилия находят свое завершение и становятся понятны только с точки зрения конечной цели – исполнения божественной воли. На земле точно разыграны написанные на небесах роли, герои играют их с искренней верой в самостоятельность принимаемых

решений. "Самостоятельность" ведет к точному исполнению предначертаний. Один из героев – Арджуна, не желая принимать участие в убийстве родственников, хочет отказаться от битвы. И тогда господь

Кришна, управляющий колесницей героя, раскрывает в "Бхагават Гите" величайшие тайны мироздания. Подчеркивая неукоснительность

Божественной воли, Кришна говорит скорбящему Арджуне: "Сразишься ты или нет, судьбу не изменишь. Отказом ты покроешь себя позором, но не спасешь стоящих перед тобой воинов, ибо все они уже убиты мной в образе времени". А миссия Христа?! – Он знает и то, что произойдет с ним и то, что будет через века, но он не говорит, о том, что надо что-то менять, Он говорит о подчинении Воле Господа. Труднее говорить об исполнении Новозаветных пророчеств. Сложность толкования "Откровения Иоанна" в изотерической манере изложения и описании грядущих событий языком своего времени, трудно сказать какие хронологические рамки охватывает апокалипсис. Да и сам пророк говорит о том, что "времени не знает никто" и оно "придет как тать в ночи". Это все свидетельства священной литературы о неукоснительности выполнения Божественной воли. Да и как может осуществиться сюжет, если хотя бы один атом его отклонился от цели, выпал из программы, не был заложен изначально?!

Перечисленные примеры закладывают фундамент более глубокого понимания проблемы единобожия. Поднимаясь над физической сущностью, покоряя ее, мы поднимаемся до осознания Единства, за пределами которого остаются все иллюзии нашего эго. Современный представитель

Адвайты, Мерфи, излагает точку зрения своего учителя Шри Рамеша следующим образом: "Бог – это концепция, нужная для избавления от концепции индивидуальности. Человеческое существо знает, что оно не может получить все, что захочет. Поэтому оно создает концепцию всемилостивого Всемогущего Бога, который даст ему все, что он пожелает. Что не может быть концепцией? Ощущение "Я ЕСТЬ", "Я

СУЩЕСТВУЮ". "Я ЕСТЬ" – это знание. Атеист не верит в существование Бога. Может ли он сомневаться в своем собственном существовании? Никто не может отрицать объективного ощущения бытия.

Ум не в состоянии это понять. "Я ЕСТЬ" находится здесь и сейчас. Ум же находится или в прошлом, или в будущем. Рамеш говорит: "Я ЕСТЬ" – это Бог. "Я ЕСТЬ" – это все, проявленное здесь. Нет никакого "я", которое бы печалилось или злилось,

воспринимай это как часть Божественного Гипноза".

Развивая мысль, мы можем сказать: "Все есть Бог. Есть только одна реальность, есть только Один субъект, Один действующий". Это тотальное творение, тотальная закономерность, тотальная воля. Было бы очень странно считать, что творение способно нести в себе случайные элементы. Нечто не возникнет из ничего. Малейшая, проявленная в мире закономерность и само сознание – самая убедительная иллюстрация закономерности, свидетельствуют о том, что творение является одновременным актом, в котором изначально находятся все компоненты бытия, и в этом смысле оно лишено пространственно-временных характеристик. Рассматривая это в понятиях привычных для человеческой психологии, невозможно представить акта творения, в котором уже не присутствуют все его компоненты.

Но как быть с процессом, движением, эволюцией, то есть тем пространственно- временным континуумом, в котором находится наше сознание? – Представьте, что вы смотрите на экране вашего телевизора напряженный детективный сюжет. Что там? – Жизненные коллизии или электромагнитные волны? Энергия, приводящая в движение ваш видеоплеер, сопряжена со всей вселенной. Разве энергия, сопряженная со всей Вселенной, частицы которой одновременно находятся в разных точках пространства и времени, может быть самой вашей жизнью, вашей судьбой? – Нет! Вашей судьбой может быть только способность преобразовать эту энергию, увидеть ее как то, что мы называем жизнью. Эта способность и есть МАЙЯ.

Закон сохранения энергии возможен лишь в том случае, если невозможно проявление свободы воли. Проявление свободы воли является сугубо субъективным фактором, способным осуществляться только в пределах майи. Если учесть, что человечество научилось управлять и провоцировать всплески больших энергий, то следует еще раз с абсолютной уверенностью сказать, что это возможно только в пределах майи, в противном случае, мир потрясали бы хаотические вселенские катастрофы, в условиях которых не может проявиться ни жизнь, ни сознание, ни, тем более творение. Наличие этих факторов является в свою очередь подтверждением того, что космические циклы, которые мы наблюдаем как проявление майи, – акты Божественного творения. Источник его, с точки зрения повседневного опыта, находится за пределами пространства и времени. Углубляя понимание несовместимого, – длительности и одновременности, прибегнем к понятному для всякого знакомого с компьютерными играми примеру: Вы установили диск с любимой игрой. Диск – наглядная одновременность, он есть и там заложены все

возможные сюжеты развития событий. Вы можете выиграть, можете проиграть. За каждым углом бесконечного лабиринта программы вас подстерегают неожиданности несущие смерть или жизнь. Процесс игры – наличие выбора, свободы, процесса творчества. Вы уступаете место товарищу, и он проходит свою собственную мини-жизнь в только что оставленной вами игре. Что здесь произошло? – Здесь действовала информация не имеющая энергии и информация, которую поддерживали энергетические процессы компьютера.

Но мы можем продолжить процесс углубления в принципы работы информационной системы, начиная с игрового диска и кончая мирозданием. Что говорит сама наука? Следует начать с работы головного мозга. Многие факты, которые ученые пытались объяснить исследуя гипнотические состояния, воспоминание человека после клинической смерти и т.п. приводят к выводу, что наше мышление и память хоть и связаны с конкретным физическим телом, но расположены вне его. Другими словами хранит информацию и мыслит не мозг, а электромагнитное поле особой структуры, стоячие волны, излучаемые им. Головной мозг лишь поставляет этим волнам на хранение и считывает обработанную информацию. Физическая сторона этого феномена разъясняется, если принять во внимание, что головной мозг человека представляет собой резонатор (колебательную систему) с очень большой добротностью (~1024), который при телепатии излучает

(или принимает) модулированные (несущие информацию) электромагнитные волны длинной 30 000 км., распространяющиеся вокруг земного шара во всех направлениях в полосе частот одного канала связи – 10 24 Гц.

Ритмы головного мозга человека "вписываются" в диапазон частот глобальных резонансов. А это значит, что излучаемые мозгом собственные колебания, попадая в область глобальных резонансов, становятся вынужденными, зависимыми. При этом излучаемые мозгом стоячие электромагнитные волны не затухают, как, например, волны излучаемые радиостанциями, а продолжают существовать не только в течение всей жизни человека, но и после его смерти.

Так как стоячие волны памяти и мышления (СВПМ), охватывают весь земной шар, то наша "ультрачастотная" память одинаково хорошо функционирует в любой точке, простираясь вширь, простираясь, по-видимому, не только на всю высоту ионосферы, но и вглубь магнитосферы на сотни тысяч километров. Более того, взаимодействие друг с другом модулированных, то есть несущих в себе специфическую, для

каждого человека определенную информацию, стоячих электромагнитных волн излучаемых головным мозгом, и дает тот феномен, который мы называем мышлением. Мыслит материя, но не вещество, а поле в виде СВПМ. То есть, более "тонкая" ее форма, причем полная информация о человеке как личности и характерные черты его мышления, сохраняются неопределенно долго и после смерти человека.

Заметим, что здесь изложены факты. Их интерпретация может подтвердить предположение о том, что даже мысли человека не имеют той свободы, которую он в себе ощущает. Это заблуждение возникает также оттого, что мы считаем живые существа занимающими исключительное место в мироздании. Но еще в начале 60-х годов биологи установили, что живыми можно считать даже не вирусы, а вирусные нуклеиновые кислоты. А согласно квантовой механике любой объект может быть одновременно живым и неживым. Этот парадокс – следствие установленного факта: в микромире элементарные частицы могут пребывать в противоположных состояниях. Например, испускаемый квант ведет себя то как волна, то как частица.

Вообще, парадоксы микромира способны пролить свет на многие теоретические предположения. Например, такие, как отсутствие пространства и времени. Вопрос о том, может ли обезьяна находиться внутри банана, получил совершенно четкий ответ в физике микромира.

Свободный нейтрон в среднем через 17 минут распадается на протон, электрон и антинейтрино. Значит, протон входит составной частью в нейтрон. Но с другой стороны, при столкновении двух протонов появляются несколько элементарных частиц, и среди них нейтроны.

Значит, нейтрон входит составной частью в протон, или, "обезьяна оказалась внутри банана". Каждая элементарная частица как бы состоит из остальных, несмотря на то, что размеры и массы этих частиц во много раз больше размеров и массы самой частицы.

Если мы достаточно хорошо осознаем, что наши тела суть вакуум, наполненный определенными структурами, состоящими из микрочастиц, то мы способны будем осознать и следующий отсюда вывод: бесконечно большое – это и есть бесконечно малое, и только особенности восприятия позволяют нам отличать одно от другого.

Но ученые уже делают более смелые шаги в области подобных философских допущений. Французский физик Реже Дютей считает, что

Вселенная состоит из трех уровней: мир "брадионов" (наш

мир), мир

"люксонов" (световой), мир "тахионов" (сверхсветовой, находящийся по ту сторону света). "Мозг, – объясняет Дютей, – это не что иное, как интеллектуальный фильтр, обрабатываемый лазерным лучом, исходящим из мира "тахионов", мира сверхсветовых скоростей. Окружающие нас объекты реальности – суть голограммы". Вот вам и "майя" -

Божественная иллюзия, которую открыли великие риши древней Индии.

Есть и еще один интересный феномен науки. Дело в том, что современная физика обнаружила, что вакуум отнюдь не какая-то абсолютная пустота. В вакууме возникают завихрения порождающие элементарные частицы, то есть вращение внутри вакуума дает частицу с массой из абсолютной пустоты.

Директор Научного центра физического вакуума академик РАЕН

Геннадий Шипов, утверждает, что недостаточно определения бытия как четырех состояний материи – твердого, жидкого, газообразного и элементарных частиц. Есть еще три – вакуум, торсионное поле и изначальное, седьмое, выраженное тождеством: 0 = 0. Торсионное поле – в сущности, информационное поле, содержащее данные обо всех процессах материи и пространства. Любое движение вещества и вакуумных структур порождает информацию об этом движении, предавая ее вакууму и, наоборот, создает материю, генератором которой является информация торсионного поля.

Новейшие открытия физики связаны с созданием единой теории электромагнитного поля и квантовой теорией. Еще Эйнштейн писал:

"вообще кажется сомнительным, может ли теория поля объяснить атомистическую структуру вещества и излучения, а также квантовые явления". Оказалось, может. " Электромагнитные волны являются всего лишь частным случаем проявления электромагнитного поля. Другим проявлением электромагнитного поля являются динамические невещественные объекты физического вакуума. При определенном уровне энергии динамическая (нелокальная) неоднородность трансформируется в локальную неоднородность, что приводит к появлению кулоновского потенциала и рождению вещественных частиц". "Реализуется реальный физический процесс, обязанный своим существованием динамической симметрии, который приводит к появлению дискретных физических объектов из непрерывного физического вакуума, что в математическом описании представлено как достижение физическими величинами своих

предельных значений", – утверждает Н.В. Косинов в работе "Новая фундаментальная физическая константа". Движение электромагнитных волн в вакууме порождают элементарные частицы. А если мы вспомним стоячие электромагнитные волны памяти и мышления (СВПМ), то можем заключить, что процесс творения связан с сознанием. Иными словами,

"мысль порождает материю", так можно истолковать процесс языком практического смысла. Это, в свою очередь, единым взмахом разрубает

Гордиев узел, на котором держится противоречие между материалистическим и идеалистическим представлением о мире. Единая теория поля позволяет научно обосновать единство бытия. Волновые и корпускулярные характеристики частицы можно отличать только в определенном состоянии. В вакууме, в состоянии "творческой эволюции" они переходят один в другой. Современная наука уже доказала, что материальные, электромагнитные, волновые и информационные процессы

– имманентные определения различных состояний бытия. Поэтому нельзя указать на материальный ряд, не указывая при этом одновременно и на ряд нематериальный. Теоретические исследования Шипова, Акимова,

Екибашева, приблизили научное понимание основ мироздания. Но мы можем делать допущения опережающие научную теорию. Просветленное сознание обладает прямым знанием. Говоря о программах созданных в бесконечных цепях ДНК, в бесконечных структурах молекул и микрочастиц, которые привязывают нас к процессу, вращению в сансаре и миру иллюзий, можно предположить, что нирвана или самадхи – это способность выйти за пределы всех энергетических процессов и материи и сознания, туда где царит Дух, то, что современная физика выражает уравнением $0=0$. Зависимость возникает в пространственно – временных процессах, потому что суть их природы – энергия. Энергия – это текучесть, сила, тяготение. Энергия – это действие по четко установленным программам, которые в структурах бытия имеют вероятностный характер. Одновременность, тотальное единство, кажется, исключает свободу действия, но действующий использует всего лишь одну из вероятных степеней свободы в этом состоявшемся единстве и одновременности. Максимальный выбор происходит в состоянии плазмы, микромира, где кванты вступают в процесс более жесткого соприкосновения с матрицей, т.е. ставшим бытием. Гибкая система, какой является человек, уже считывает программные вероятности самой матрицы и здесь реализуется его тотальная зависимость и его тотальная свобода. Где зависимость

– все энергетические процессы, а свобода – дух, чистая информация.

Вообще наши представления о вселенной покоятся на впечатлениях о макромире, на больших и целых числах, на уверенности, что мир это всего лишь продолжение нашего рядового опыта. Но что такое опыт "не рядовой"? Мы уже говорили о том, как обезьяна оказалась внутри банана. Это всего лишь аллегория, подвигающая нас к описанию непривычного языком образов. Еще Анаксагор предполагал, что "все возникает из всего". Действительно, универсальный строительный материал вещества – энергия, а универсальный строительным материал энергии и вещества – вакуум, и так далее. Мы можем говорить о специфике возникновения элемента, плазмы, но нам необходимо понять, как большое помещается в малом. Квантовая физика имеет уже огромное число элементарных частиц. Одни были получены в опытах, другие – на бумаге теоретиков. Загадочность кварков и их очевидность равно достоверны. Поведение частиц микромира не поддается классическому описанию, описанию с помощью представлений того мира, в котором мы живем. "Они то здесь, то там, то их вовсе нет". И все же есть возможность предположить, что может происходить в микромире и почему невозможно идентифицировать многочисленные группы микрочастиц.

Возьмем, например, атом водорода. Если ему оставить только силы гравитации, то он расширится до масштабов вселенной. Но он имеет силы ядра – большие силы и они удерживают его в этом ничтожном пространстве. На уровне разных структур материи действуют разные силы. Вот так же и протон дает дополнительную частицу, если покидает нейтрон. Его силы взаимодействия приобретают новое состояние, потому что силы внутренней структуры начинают взаимодействовать с новым уровнем. Он становится тяжелее. В соответствии с теорией большого взрыва масса вселенной была ничтожно малой и уже через несколько секунд достигла 10 в 100 степени тонн!

Откуда появилась масса? – Из нового уровня взаимодействия частиц. Отдаляясь или приближаясь, фантомы силовых взаимодействий, увеличивают или уменьшают и массу, и размеры, и физические свойства.

В основе этих процессов может лежать только одна формула: 0 = 0.

Возвращаясь к языку понятных аллегорий, мы можем сравнить поведение микрочастицы на новом структурном уровне с поведением солдата получившего генеральскую должность. Ему

даются рычаги воздействия на поведение больших сил, и "удельный вес" его личности невероятно увеличивается иными принципами взаимодействия. Он все тот же Сидоров, но уже наделенный энергией и массой целой армии. Так работает информационное поле. Когда квант фиксируется при спектральном анализе абсолютно черного тела, он имеет волну, как внутреннее свойство его связи с окружающим миром. Он как солдат Сидоров имеет только эту волну и массу, но когда возникает новый уровень взаимодействия, он, благодаря тотальной информационной связи, может занять любую "генеральскую должность" и мы получим новое поведение, где может быть и расширение вселенной, и черные дыры. В конечном счете, всем правит информация. А кто может быть ее источником? – только Единый.

Теперь подумаем. Фундаментальными законами мироздания являются

Первый и Второй закон термодинамики. Первый закон гласит, что ничто не возникает и не исчезает, Второй – что вселенная стремится к покою. Дополнив его вышеприведенными данными, можем представить картину позволяющую понять и разрешить коренное противоречие современной космогонии – каким образом расширяющаяся вселенная начинает существование. Ее несотворимость и акт циклического творчества получают непротиворечивое объяснение. Вселенная расширяется, и это расширение ведет к энтропии. Энтропия приводит массу к состоянию вакуума. Вакуум порождает материальное вещество.

Вещество уплотняется, превращаясь в материал творческого акта.

Происходит взрыв, ведущий к расширению вселенной. Цикл возобновляется… И все эти процессы могут происходить один внутри другого – и меньшее в большем, и большее в меньшем. А что такое масса Земли перед бесконечным Космосом? И что такое бесконечный

Космос перед абсолютной Пустотой? И что такое абсолютная Пустота перед каплей на моей ладони?! Теперь я хочу задать вопрос: разве могут случайные события создавать эти гигантские циклы и благополучно завершаться без Единой Воли и без Единого Замысла?

Разве здесь может быть место случайности и свободе воли отдельного человека? Да и сам человек может быть только частью этого бесконечного Божественного чуда.

Но изложенное здесь предположение, хоть и опирается на научные достижения последних лет, вовсе не претендует на право быть научной гипотезой. Человек, стремясь облегчить жизненное

бремя, обращается не к науке. Он ищет ответ внутри себя, в глубинах собственного сердца. Здесь мы хотели лишь указать на то, что наука не противоречит выводам, к которому приходит просветленное сознание.

Обратимся к одной лишь силе мысли и не побоимся выразить то, что не способна сделать мысль, лишенная смелости.

Идея о том, что Бог – мир, любовь, гармония, начинает разрушаться с того самого момента, когда мы стремимся сопоставить реальность и представление. На самом деле, – любовь – чувство избирательное и способна порождать ненависть, мир требует утверждения, и борьба за мир часто приводит к войнам, гармония поддерживается силой, истощение силы ведет к хаосу. Когда рассмотрение фактов приводит нас к такому печальному результату, мы понимаем, что принимали за

Бога образ, который под силу воображению обычного человека, то есть человека идущего в строю ортодоксов той или иной конфессии. Иными словами чаще всего мы создаем недобросовестный продукт сознания. Но для понимания Бога требуется более высокое состояние, а именно – мудрость, способная погрузить охлажденные чувства в Истину, где рядом добро и зло, любовь и ненависть, гармония и хаос. Строго говоря, только мудрость примиряет крайние понятия, поднимается из состояния эмоциональных абстракций, до адекватного видения их места в реальности. Мудрость – это проникновение в суть вещей, в суть происходящих процессов. Это особое психологическое состояние, когда достигается ослабление эмоциональных связей и появляется способность к беспристрастной оценке вещей и событий, состояние, способное пойти дальше, чем того требуют социальные и психологические условия. Здесь должна быть одна страсть – страсть к

Истине, которая только и может быть Богом, потому что только в

Истине мы принимаем полноту бытия. В практике йоги, это, скорее всего, соответствует состоянию джнаны.

Бог Един, все есть Бог. Из этого признания необходимо сделать выводы, которые, к сожалению, будут противоречить устремлениям ортодоксальной веры. И даже Адвайта – наиболее последовательное учение о единобожии, старается обходить результаты размышления, очень больно бьющие по нашим жизненным установкам и подрывающие энергию заблуждения, на которой и держится вера в жизненный смысл.

Не потому ли в древности так глубоко укоренися эзотеризм и тщательное сокрытие знаний? Индуизм предпочитает не говорить о том, что происходит, когда падает покрывало майи, считая это

предметом личного опыта. И все же, при достаточном бесстрашии, можно сделать шаг в сторону обнаженной истины. Если Бог Един, – то все

Предопределено. Если предопределено, то пропадает центральное понятие всякой религии – свобода воли. Если нет свободы воли – человеческое усилие теряет смысл, а усилие – это нравственная категория, на которой возникает наше представление о Добре и зле, стремление противостоять злу.

Бог Един, означает, что все есть Бог. Нет ни одного атома, который бы не входил в акт божественного творения, нет ни одной мысли, которая не входила бы в акт божественного творения, потому что они определяются энергиями, подчиненными первому закону термодинамики. Бог создает не только наши мысли, но и сознание того, что мы мыслим самостоятельно, Он дает нам осознание и заблуждение.

В акте творения содержаться все последующие сюжеты космической эволюции, а это означает ОДНОВРЕМЕННОСТЬ бытия, которая, в свою очередь, предполагает отсутствие (иллюзорность) пространства и времени, то есть всего того, что мы называем реальностью и опытом нашего сознания. Да, свое Я, и опыт Я мы отрицать не можем, это достоверность нашего бытия, единственная достоверность. Но эта достоверность подобна кассете, на которой записан видеофильм. Там все события уже произошли, все пространство и время упакованы в виде электромагнитных волн, которые с житейской точки зрения не могут претендовать на статус события. Но вот включается мотор (сила майи, или энергия заблуждения) и мы видим фильм в пространстве и времени, сопереживая с героями динамику сюжета. Мы понимаем, что в фильме все уже произошло, но наши чувства воспринимают игру электромагнитных волн как происходящее во времени, где злодей получает возмездие за совершенное преступление. Мы сопереживаем право героя на свободу выбора и не сомневаемся в его свободе воли.

Оттого, что жизнь – всего лишь электромагнитные волны и элементарные частицы, а мы сами вакуум, не намного более плотный, чем вакуум космический, захватывающий сюжет бытия не перестает быть жизнью и не охлаждает интерес к ней. А когда мы достигаем понимания, с ним приходит сознания того, что это понимание глубоко личная проблема и не связана с проблемами окружающего мира, да мир вовсе и не нуждается в нашем понимании. Предопределение бытия – один из аспектов Единобожия, но это не отрицает того, что мироздание имеет нравственную основу. Бог – энергия Света, но нравственность – не лампа Алладина, а то, что возникает в преодолении зла.

Страждущее человеческое сердце хочет получить ответ, который утолил бы его жажду. Вы хотите знать Истину? Вы спрашиваете: "Что есть Я, что есть Бог?" Вопрос приходит к вам откуда то изнутри. Спросите у себя, кто задает этот вопрос, и вы получите ответ. Есть только Один действующий. Вы поймете, что все, что происходит с вами, принадлежит вашему творческому акту. И в этом реализуется Ваша свобода воли.

Делая доступным это утверждение и низводя его к представлениям обычного человека, скажем так: Понимание вышеперечисленных моментов дает возможность сделать некоторые предположения в отношении микрокосмоса, как мы называем человеческую личность. Вспомним, что человеческий мозг это колебательная система с очень большой добротностью. Вполне возможно, что мы осуществляем определенные функции в Творческом акте, но есть указания священной литературы на то, что этот процесс может быть сознательным. Он может иметь отношение и к самому мирозданию, (допустим, что человек поддерживает какие-то процессы на краю вселенной по преобразованию затухающих материальных процессов в активные, через воздействие на вакуум, и т.п.). Но, возможно, через совершенное человеческое сознание осуществляется Воля Единственного действующего.

Эзотерические учения и Священные тексты наполнены указаниями на возможность особой роли личности. Ведийские тексты рассказывают о великих подвижниках, таких как Кашьяпа, Васиштха, Вишвамитра,

Астика. Из тех, кого считают нашими современниками – сиддхи

Трумулар, Рама Девар, Бабаджи, Мориа и многие другие. Христианство знает своих великих подвижников, достигших высоких состояний сознания. Качества эти проявляются как воля Единого Замысла, но воспринимаются нами как собственное усилие. Есть разнообразные техники и методики, по которым развиваются силы раскрывающие глубины человеческого духа. В христианстве врата света открываются исполнением заповедей. Практика исполнения заповедей является в йоге первой ступенью посвящения – "ямой". За ней следуют еще шесть: нияма, асана, пранаяма, дхарана, дхьяна, последняя – самадхи, ведущее к достижению состояния просветления. Просветление – это шаг за пределы Неведения, Майи. Это состояние, также не бывает вечным.

Есть один вечный просветленный – Ишвара – творец космических циклов.

Суть Ишвары автор "Йогасутры" Патанджали определяет так:

"Ишвара есть особый пуруша непричастный страданию, следствию действий или скрытых впечатлений". Этот абсолютное состояние, то, которое и соответствует "пребыванию всего во всем".

Указания на то, что человек может мыслью управлять материальными процессами, также имеются и в священной литературе и в показаниях свидетелей различных эпох, да и каждый из нас мог столкнуться с подобными явлениями, не в состоянии объяснить их природу. В

Самхитах, упанишадах, шастрах рассказывается о приобретении человеком сверхчеловеческих способностей. Махабхарата уделяет этому особое внимание. Там подчеркивается, что правдивость приводит к исполнению слова. Брахман, "чьи уста никогда не лгут", мог отдавать повеления и людям и животным и самой природе. Обучение молодых воинов требовало особого посвящения и особых знаний мантр, неизмеримо усиливающих действие обычного оружия. Герои эпоса

Ашватхаман и Арджуна вызывают "огонь способный пожрать вселенную".

Эйнштейн, по поводу этого огня сказал, что он очень похож на термоядерную бомбу. Необыкновенные достижения в современных боевых искусствах обязаны умением управлять временем. Некоторые современные учителя, такие как Рамана Махариши, Сай Баба, могли одновременно находиться в разных местах. Действие гипноза, внушения, не вызывают особого удивления у современных людей, а ведь все это явления одного порядка.

Безусловно, каждый человек играет собственную роль, осуществляет собственную программу. Нам трудно судить о том, насколько существенна та или иная роль в судьбах мироздания. Можно сделать предположения о том, что страсти сохраняя человека в области майи, поддерживают процесс его закрепощения. Пока человек порабощен авидьей (неведением), он всего лишь материал для удобрения последующих состояний сознания. (Но, следует добавить тут, постольку, поскольку он не осознал в себе Бога, того единства и вечности, которую для непросветленного скрывает майя).

Можно было бы высказать и еще ряд подобных предположений, но, несомненно, главное – жизнь – одно из состояний космического творчества, звено прямого акта Божественного творчества.

Все перечисленные явления требуют более глубокого осмысления, но необходимо при этом помнить главное: материя и

события имеют несколько состояний, для которых правомерны истина и заблуждение, длительность и одновременность, майя и просветление.

Мы привыкли воспринимать мир через удовольствие и страдание, радость и горе. Наше восприятие собственной жизни и жизни тех, с кем мы связаны узами родства, любви и ненависти протекает там, где существует общество и государство. Поэтому человеку свойственно размышлять над разумными формами общественного устройства. Над ними размышляли Платон и Кампанелла, Фурье и Оуэн. Они рисовали картину идеального государства. Наконец, появился Маркс, со своим учением о строительстве научного коммунизма. Но мы видим, что все они в чем-то ошибались. Не обманывает только стремление к Богу.

С момента написания вышеприведенных строчек прошел почти год. В общем, повествование, в своих существенных моментах, казалось мне законченным, но вот пришел новый опыт. В очевидном открылось самое невероятное, что может посетить человеческое сознание при его жизни.

Произошло это после прочтения "бесед" с Рамешем С. Балсекаром в книге "Сознание говорит", которую я скачал из Интернета. Закончив эту книгу, я предвкушал удовольствие, которое получу от прочтения следующей: "Знаки на пути от Нисаргадатты Махараджа". Но на меня словно накатила прострация. Мне ничего не хотелось делать, – ни читать, ни думать, ни отдыхать – ну, ничего. В таком состоянии я находился целый день, а когда ночью лег в постель, оказалось, что мое сознание продолжало самостоятельную работу. Удивительно, как могут нам открываться области опыта, который мы постоянно наблюдаем, но не видим его очевидного смысла и значения. Размышляя в тот вечер, я обнаружил логику фактов лежащих на поверхности и, может быть, поэтому как бы скрытую от нас. Мы видим мир и действие, происходящее в нем. Действие состоит из причины и следствия. Если мы попытаемся понять, что такое следствие, то обнаружим, что оно находится в причине. Как следствие может знать, что оно "находится" в причине? – Никак, если его что-то отделяет от него – пространство или время. Как тень, отличаясь, но тем не менее являясь следствием света и препятствия на его пути, целиком находится в причине, но проявляется благодаря пространству и времени, так и вселенная от ее зарождения до настоящего момента, – всего лишь пространственно временное развертывание абсолютного тождества, – с математической точки зрения нуля.

Ответ на возражение, что следствие возникает под воздействием внешней силы, приводит нас, с одной стороны к

констатации факта, что мы получаем просто большую причину и большое следствие и заключение, что в таком случае не может быть и пространства. А поскольку события

– это проявление сил в пространстве и времени, то мы вынуждены отметить, что в отсутствии пространства и времени силы могут быть только иллюзией. Иными словами мир – проявление сознания и только сознания. Мир – не может быть реальностью и иметь самостоятельное независимое значение. Самостоятельное бытие имеет только сознание, вернее то, что стоит за ним.

Вообще, размышляя о тайнах бытия, мы сталкиваемся со странными парадоксами познания. Возьмем даже самую строгую область человеческого мышления, которая называется "наукой". Чему обязана наука своим существованием? – Она претендует на то, что способна обнаружить в природе единообразие наступающих последствий при прочих равных условиях. А ведь это как раз демонстрация того, что наука упорно отрицает или не способна заметить – иллюзорность пространства и времени. Камень падает на землю, – ученый очень удивится, если поймет, что это демонстрация иллюзорности бытия. Поиски закономерности приводят нас фактически к констатации сверхъестественного факта: именно из этой причины вытекает именно это следствие, то есть – ничего не происходит, все уже произошло, в противном случае вселенная просто распалась бы. Нет никакой свободы воли, которая могла бы изменить мозаику бытия, потому что мы одновременно находимся и в причине и ее последствии, но мышление и пространственно временное восприятие внушают нам, что человек делающий, изменяющий, творящий. Фактически так оно и есть, потому что в своем истинном состоянии мы выбрали сценарий жизни и пожелали просмотреть его. Мы об этом никогда не узнаем, потому что это интеллектуальная концепция и находится в пространство-времени, но кроме божественной сущности нашего Я это никто не мог совершить.

Если мы соберем все причины и все следствия бытия и уберем расположившиеся между ними пространство и время (и его человеческий эквивалент мышление), то обнаружим, что они абсолютно идентичны.

Древние риши утверждали, что в конце вселенского цикла – пролайе, причина поглощает следствие, или следствие растворяется в причине.

Быть может, древним мыслителям легче было обнаруживать противоречивость, или, точнее, полную несостоятельность содержания нашего привычного опыта. Парадоксы пространства и

времени обнаруживает Зенон, в своей знаменитой апории "Ахиллес не догонит черепаху". Но нам как-то не замечается, что очевидное – это невероятное. Ученые всего мира особенно дорожат законом сохранения энергии, но почему-то до сих пор не замечают, что он возник как описание поведения энергии в мире пространства и времени. Он может быть истинным только в отсутствии пространства и времени. Как причина и следствие, т.е. 5+5=10, находятся друг в друге, только потому, что они не могут учитывать пространственно-временных факторов, так и первый закон термодинамики. Что же тогда мы видим? -

СОЗНАНИЕ! Мы видим пространство и время в модели собственного сознания во время сна, мы видим модели их на экране телевизора, но мы воспринимаем это как независимую от сознания реальность! – Это очень странно. Ведь дело обстоит как раз наоборот! Очевидность этого устанавливается при внимательном рассмотрении фактов, и уже потом подтверждается просветлением. Раньше меня волновало то, что в рассуждении должна присутствовать логика и доказательство. Теперь это не волнует, дело в том, что из области логики и доказательств я попал в область очевидного. Очевидное в том, что реальность существует в настоящем. Как только мы начинаем думать о ней или анализировать ее, сразу же создается концепция пространства-времени.

Мы подключаем память, которая находится в прошлом и несостоявшемся.

Мы удерживаем мироздание как процесс, потому что таково свойство нашего мышления. Человек – ретранслятор реальности. Свойство человеческого мышлении ретранслировать божественное сознание. Мы не можем воспринимать реальность в ее подлинном виде – как внепространственную одновременность. Мы держимся за собственный опыт, который повелевает воспринимать иллюзию и утверждает представления иллюзии. Глядя на десять палочек мы не можем изменить их количество, на какие бы кучки их не раскладывать – по две, по три и одну или четыре и две. Равенство этой совокупности исчезает тогда, когда мы пытаемся произвести арифметические действия. Их равенство мы принимаем потому, что условились не учитывать сами арифметические действия, – это действия нашего мышления, но они есть, они фактически нарушают равенство. Если мы их уберем, – мы получим реальность. Уберите процесс мышления, уберите концепцию реальности, и вы окажетесь в самой реальности. Современная физика открыла нам, что вселенная – есть проявление духа действующего через физический вакуум, торсионные поля, плазму и силы, газообразные и твердые тела.

Человеческое мышление организованно так, чтобы воспринимать эту вселенную, ее мощь и красоту. Но нам дано также еще и постижение реальности, потому что мы всегда являлись сутью этого вечного процесса творчества. Извечное стремление человеческого существа к счастью и бессмертию, подобно поискам очков, которые мы не замечаем на собственном носу. Мы давно находимся дома и никогда не находились в другом месте. Дух ищет себя, потому что объективация его природы заключена в том, чтобы забыть себя. Он не может построить объективный мир, опираясь на собственную природу. Он создает механизм причинно-следственных, пространственно-временных связей и перестает узнавать себя. Субъект не может видеть себя в объекте и тем более отождествиться с ним, как не может конструктор отождествить себя с виртуальным автомобилем. Сознание – это тоже электромагнитные волны, как и природа изображения, но волны – возникают на незыблемой поверхности океана духа. Он всегда здесь и является источником текучести, пребывая в одновременности. Нам некуда идти и нечего искать. Нам остается только наблюдать данное и страдать или наслаждаться, если мы не способны осознать его суть.

Как мне подсказывает Йорик, – пора "закругляться". Строки моей повести были всего лишь легкими прикосновениями к телу собственного бытия, и уж тем более бытия общественного. Я говорил о глобальном, безбрежном и запредельно далеком. Я говорил об имманентности веры и присутствия Бога. Но это лишь мой опыт. Свой, осознавайте сами. Для этого не обязательно прожить такую странную жизнь в нашей удивительной России. В ней я ничего не имел, так как практически всю жизнь был то заключенным, то рабочим стоящим на… (в отличии от заявления официальной идеологии, что рабочий – гегемон общества) стоял я на низкой социальной ступени, был существом подневольным, как и весь наш народ. Иногда странные прихоти судьбы бросали меня по малодушию на разные должности, но я находил в себе достаточно здравого смысла и внутренней свободы, для возвращения назад, туда, где был весь мой народ – в нищету и сознание необремененной совести.

Я легко сходился с людьми, но жил отдельной жизнью, поэтому вполне могу назвать себя "простым русским мужиком", для которого главным в жизни было – осмысленное отношение к ней. Это, в свою очередь уберегло меня от огненной пасти, в которую брошена российская политическая и денежная элита с их VIP-детьми, бабушками и дедушками, с их Татушками и Филипками, кумирами Содома и Гоморры, с неотъемлемым запахом серы и печатью Каина.

13 декабря 2003 г.